ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 2 (4444)

9 января 1974 г. СРЕДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС УБЕЖДЕН, ЧТО СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ЕЩЕ ВЫШЕ ПОДНИМУТ ЗНАМЯ ВСЕНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ И СВОИМ САМООТВЕРЖЕННЫМ, УДАРНЫМ ТРУДОМ ОБЕСПЕЧАТ ДОСРОЧНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВЫХ ЗАДАНИЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В 1974 ГОДУ.

(Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу)

НОВЫМИ ТРУДОВЫМИ УСПЕХАМИ ОТВЕЧАЯ НА ОБРАЩЕНИЕ ЦК КПСС, СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ДЕМОНСТРИРУЮТ ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ СВОЕЙ РОЛИ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ. ЭТО СОЗНАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД НАРОДОМ, РОДИНОЙ ДУХОВНО ВОЗВЫШАЕТ ЧЕЛОВЕКА, УМНОЖАЕТ ЕГО СИЛЫ, ПОВЫШАЕТ ЕГО ТВОРЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ.

ПОБЕДИТЕЛИ. Одной из лучших на строительстве Токтогульской ГЭС является комплексная бригада, возглавляемая коммунистом Селром Феттаевым. Фото В. ЯКОБСОНА

ВЕСТИ С ПОЛЕЙ И ФЕРМ. Перекрестное снегозадержание в учебно-опытном хозяйстве Ульяновского сельскохозяйственного института.

В колхозе «Советская Белоруссия» заканчивается подготовка техники к весне.

Лучшие работницы экспериментальной птицефабрики имени 50-летия СССР Елена Емельянова (слева) и Алла Иванова (Ленинградская область).

Фото Ю. БЕЛОЗЕРОВА, И. НИКОЛАЕВА (ТАСС) и М. САВИНА

Сергей САРТАКОВ

В РАБОЧЕМ СТРОЮ ПЯТИЛЕТКИ

ЗОЛОТЫЕ РУКИ НАРОДА

ОБРАЩЕНИЕ Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу вошло в глубины души каждого человека! И, как мощное эхо, отозвалось деловыми обязательствами предприятий, рабочих коллективов, личными обещаниями трудящихся добиться того, чтобы 1974-й, определяющий успешное завершение пятилетки, стал годом еще больших трудовых достижений, нежели минувший год, с торжеством победителя ушедший в историю.

Все мы давно привыкли к тому, что планы развития народного хозяйства страны у нас неизменно выполняются и перевыполняются. Справедливо привыкли считать это основой могущества Родины и собственного материального благополучия. Добиваться перевыполнения государственных планов — нравственный закон для всех нас и для каждого в отдельности, закон, способствующий рождению необыкновенных трудовых подвигов.

Руки, рабочие руки... В Обращении Центрального Комитета КПСС они названы золотыми. В этом понятии как бы соединились дерзновенность творческой мысли, профессиональное мастерство и биение горячего сердца Гражданина Советской Родины. Эти неустанные золотые руки слаженно и дружно работают, передавая свою трудовую славу из поколения в поколение. Вспомним годы, когда впервые прозвучали слова «социалистическое соревнование». Как они всколыхнули всю страну, повели за собой миллионы, стали навсегда знаменем трудового героизма. Социалистическое соревнование, то есть ничем, никакими иными побочными интересами не продиктованное, кроме заботы о том, как быстрее сделать жизнь всего нашего общества краше и лучше. И сколько с тех пор вписано в историю Родины славных имен зачинателей и продолжателей этого поистине всеохватывающего движения! Сколько вдохновенных мастеров своего дела по праву отмечено высокими правительственными наградами! Руки, руки — золотые руки...

Теперь на службу человеку пришла и могучая, умная техника, такая, что и те давние годы была лишь заветной мечтой. И организацией труда можно с большим основанием теперь похвалиться. Жизненная школа тут пройдена тоже немалая. Словом, площадка для новых разбегов ныне подобна космодрому, с которого ракеты стартуют не по горизонтали, неизбежно ограничивающей дальность полета, а по вертикали, ввысь, с выбором любой траектории.

Нынче уже не только часы, а порой и секунды решают успех дела. Секунда не просто математическая величина в измерении абстрактного времени, а конкретная единица измерения трудовых усилий. Потерянная секунда невосполнима. А сколько этих секунд пока, подобно дыму, тает бесследно, в том числе и в прямом смысле, на бесконечных перекурах, там, где не умеют по-настоящему организовать свою работу! А здесь, честно говоря, резервы скрыты немалые.

Эта и другие многочисленные проблемы существенного повышения производительности труда (не будь они сложными, давно бы справились с ними) становятся обязательными элементами государственного плана. Учитывается все — внедрение новой техники, применение новых материалов, новых форм организации труда и управления, активного вторжения научной и изобретательской мысли. Над составлением плана работают электронно-вычислительные машины. И тем не менее все предусмотреть невозможно, потому что есть один элемент, не поддающийся никаким вычислительным машинам,— чувство личной моральной ответственности каждого работающего человека.

И тут, как продолжение добрых традиций, вступают в действие встречные планы, выдвигаемые самими предприятиями, рабочими коллективами, досконально знающими свои производственные особенности, свои резервы. Встречный план — это сумма работы творческой мысли отдельных людей, вместе образующих коллектив.

Чем мы, литераторы, и в целом Союз писателей поможем общим трудовым усилиям народа в четвертом, определяющем году девятой пятилетки? Писатели никогда не стояли в стороне от тех великих свершений, которыми жила страна. На том духовном подъеме, который ныне охватывает весь советский народ, Союзу писателей во всех его подразделениях, очевидно, с особой тщательностью надлежит обдумать, куда в первую очередь направить творческое внимание отряда литераторов, весьма плодотворно и оперативно работающего в области очерка, документальной прозы, художественной публицистики,— всемерно поспособствовать им организационно. Да и менее «быстрым» жанрам литературы отнюдь не помешает такая поддержка. Иные романы по времени пишутся куда дольше, чем строятся новые заводы...

Заботит и другое. Не слишком ли много душевных сил мы тратим в своем творчестве на второстепенное, на те мелочи жизни, которые, подчас сплетясь чрезмерно густо, заслоняют собою действительно важное? Бывает же, что за деревьями и леса не видно. Каждая в отдельности сосенка или березка, разумеется, тоже прекрасна и достойна восхищения, но влияет на климат, на уровень подпочвенных вод, защищает от суховеев, дает питание зверям и птицам, грибам и ягодам все-таки лес, а не одинокое деревце.

В Обращении ЦК КПСС выражается твердая уверенность в том, что «наша советская интеллигенция будет с еще большей энергией, настойчивостью развивать науку, технику и культуру», будет «создавать духовные ценности, обогащающие жизнь советских людей».

Эти слова звучат в сердце каждого писателя, и писатели не останутся глухи к этим призывам. Как и всегда, они сольются в своих делах с делами всего советского народа.

ТЕПЛО МОРОЗНОГО КРАЯ. Добыча угля на Холбольджинском разрезе в Бурятии не прекращается и ночью Фото З. ЭТТИНГЕРА

литературная критика ОПЫТ ПРОБЛЕМЫ ЗАДАЧИ — ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ, ЗАМЕТКИ О НОВЫХ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ — стр. 4

ПРОДОЛЖАЕМ КАМПАНИЮ ЗА БЕРЕЖНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БУМАГИ. ЧИТАТЕЛИ ВНОСЯТ КОНКРЕТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ — **ХЛЕБ КУЛЬТУРЫ** — стр. 10

«ПРАВА» ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ БЕСПРАВИЯ

КАК И ЗА ЧТО БЫЛ УБИТ ПЕДРО БИССОНЕТ — стр. 13

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писательницы Караваевой А. А. орденом Октябрьской Революции

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писательницу Караваеву Анну Александровну орденом Октябрьской Революции.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 28 декабря 1973 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Збанацкого Ю. О. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Збанацкого Юрия (Григория) Олиферовича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 29 декабря 1973 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Пестрака Ф. С. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы наградить писателя Пестрака Филиппа Семеновича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 30 декабря 1973 г.

ПОЧЕТНЫЙ ДОЛГ

В Центральном Доме литераторов состоялся митинг писателей столицы. Его открыл секретарь парткома Московской писательской организации В. Разумневич.

— Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу, — сказал он, — документ огромной важности. Он касается всех сторон жизни советского общества, вдохновляет на новые подвиги, являясь руководством к действию для всех тружеников страны.

В решении, принятом участниками митинга, говорится, что советские писатели считают своим почетным долгом создание новых высокохудожественных произведений о советском рабочем классе, колхозном крестьянстве и трудовой интеллигенции. Необходимо и впредь крепить творческие связи с рабочими коллективами, тружениками колхозов и совхозов, всесторонне изучать их жизнь и средствами художественной литературы пропагандировать высокие задачи, поставленные в Обращении ЦК КПСС.

Участники митинга единодушно приняли письмо Центральному Комитету КПСС.

***

Митинги литераторов состоялись и в других писательских организациях страны.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Степану ЩИПАЧЕВУ — 75 лет

В связи с 75-летием со дня рождения Степана Петровича Щипачева секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего 75-летия и полувековой творческой деятельности приносим Вам, одному из старейшин советской литературы, поэту-коммунисту, с первых лет Советской власти поставившему свое веское поэтическое слово на службу ленинской партии и советскому народу, искреннюю признательность за Ваш труд и высокое мастерство.

Ваш путь в советской литературе — это славный путь неустанной творческой деятельности. Это — подвиг. В годы гражданской войны и в первые пятилетки, в суровую годину Великой Отечественной войны и в настоящее время, когда советский народ строит коммунистическое общество, Вы всегда на своем посту — певца нашей революционной действительности.

Высокий пафос гражданственности, точность и подлинная народность языка отличают Ваши поэтические произведения. Они составляют теперь многие поэтические сборники, которые несут радость видения мира большого художника все новым и новым поколениям советских читателей.

Мастерство талантливого лирика, помноженное на богатый опыт человека, страстно влюбленного и в саму жизнь, и в свое дело, принесли Вам заслуженную славу и известность у народов нашей страны и далеко за ее пределами. Ваш благородный труд был неоднократно отмечен высокими правительственными наградами — орденом Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

От души желаем Вам доброго здоровья, бодрости, новых творческих завоеваний».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Степан Щипачев родился в самый канун нашего беспокойного XX века в заброшенной в глухой угол Зауралья деревеньке Щипачи. Четырех лет потеряв отца, маленький Степан рано начал трудовую жизнь, «Ходил по миру», батрачил. Работал на асбестовых приисках.

Тяга к поэзии обнаружилась у него рано. Как он сам пишет в автобиографии: «Помню, учительница, перед тем, как задать учить стихотворение «Бородино», прочитала его нам вслух. ...Меня оно потрясло. Несколько дней я ходил как оглушенный, твердя его наизусть. Может быть, тогда и запала в мою душу первая искорка поэтического волнения».

Как и большинство советских писателей своего поколения, Степан Щипачев пришел в литературу, имея за плечами большой жизненный опыт — он был участником гражданской войны.

Не вдруг сложилась судьба Щипачева как признанного большим читателем советского поэта. Первая книга его стихов вышла в Симферополе в 1923 году, и за ней последовал целый ряд других. Сам поэт считает первой своей удачей вышедшую за два года до Великой Отечественной войны книгу лирики, которая принесла ему успех у читателей и положительную оценку критики.

С тех пор поэт представил на суд читателя ряд сборников стихов, поэм, автобиографическую книгу прозы «Березовый сок».

Хотя Щипачев написал несколько поэм, и в их числе такие широко популярные, как «Павлик Морозов» и особенно «Домик в Шушенском», он предстает перед читателем как лирик, ибо и его поэмы несут в себе не столько эпическое повествование, сколько лирическое раздумье над историческими событиями и судьбами героев. И эта их особенность придает поэмам печать своеобразия.

Меня со Степаном Петровичем Щипачевым сближает не только похожесть жизненного пути, но и долголетнее общение сначала на общей работе в Литературном объединении армии и флота (ЛОНАФ), потом три года совместной учебы в Институте красной профессуры.

Я был и свидетелем выхода его книг того времени, когда поэт еще не нашел себя, своей сущности лирика, склонного к философскому осмыслению и обобщению богатого опыта, почерпнутого в многолетних странствованиях по дорогам жизни.

Может быть, поэт и прав, когда определяет главной вехой своей литературной судьбы 1938 год. Но мне кажется, что без того, что нашло свое выражение в книгах, написанных раньше, был бы невозможен тот прыжок и новому качеству, который отмечен стихами 1938-го и последующих годов.

Как бы то ни было, но перед нынешним большим читателем поэзии Степан Щипачев предстает как своеобразный лирический поэт, который строками своих произведений, глубокими раздумьями над тем, что происходит вокруг него, помогает философски обобщить то новое, что внесла наша советская действительность во внутренний мир человека, в его характер, в строй его чувств.

Степан Петрович перешагивает межу четвертой четверти века, которому он — ровесник. Семидесятипятилетие — серьезное испытание возрастом для поэта-лирика. И тем приятнее отметить, что Щипачев встречает эту дату своей жизни в рабочем строю советских поэтов.

И хочется мне как сердечное пожелание ровеснику и собрату по поэтическому роду оружия напомнить его читателям и почитателям стихи, написанные поэтом в знаменательном для него 1938 году:

Мне кажется порой, что я
вот так и буду жить
и жить на свете!
Как тронет смерть,
когда кругом — друзья!
когда трава, и облака,
и ветер —
все до пылинки —
[illegible]

Ал. СУРКОВ

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

ГОРЛОВСКАЯ «КОЧЕГАРКА»

Недавно исполнилось 50 лет «Кочегарке» — одному из старейших литературных объединений страны. Это о ней писал Павел Беспощадный:

Хочу, чтоб в топках
«Кочегарки»
Горел, кипел огонь. И грел
Сердца рабочих пламень
жаркий,
И я для песен не старел...

Кстати, литобъединению присвоено имя этого поэта.

«ПЕРВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Когда-то при газета «Всероссийская кочегарка» был создан небольшой литературный кружок. Назывался он «Забой», объединяя шахтеров, учеников-«фабзайцев», металлистов — словом, всех, кто тянулся к знаниям, к литературе. Стали литкружковцы издавать свой журнал, публиковать в нем стихи и рассказы. Писали обо всем, чем жил шахтерский край. Потом «Забой» был переименован в «Кочегарку». Занимались в кружке к те, кто позже вышел на большую литературную дорогу,— Борис Горбатов, Павел Беспощадный...

Борис Горбатов впоследствии написал о «Кочегарке»: «Здесь, в ее стенах, прошел я свой «первый университет» жизни. «Кочегарка» была моей колыбелью. Она стала потом моим наставником и учителем. Она сделала меня не только журналистом, но и комсомольцем, а потом и большевиком. Она вывела меня на широкую литературную дорогу и благословила: иди! Смело иди по этой дороге, донбасский паренек!.. Иди да помни: откуда ты и чей ты родом. Храни же, как самое святое и дорогое, — любовь к родной донецкой земле, к ее простым и замечательным людям...»

НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ

На торжествах в Горловке побывала делегация Союза писателей СССР, возглавляемая Леонидом Жариковым.

— На литературном вечере, посвященном юбилею «Кочегарки», мне довелось услышать полушутливую фразу, в которой заключена, по-моему, доля истины, — сказал нам Леонид Жариков. — «Литературное сердце Донбасса бьется в Горловке». И действительно: «Кочегарка» дала стране столько профессиональных писателей! Когда шел вечер, то на сцену буквально кипами приносили телеграммы. Их прислали и читатели, и воспитанники «Кочегарки»... Кстати, в юбилейные дни произошла встреча руководителей двух литобъединений — Владимира Демидова, возглавляющего «Кочегарку», и Александра Филатова (Филатов ныне стоит во главе московской «Вальцовки»). Обе «стороны» договорились о творческой встрече в нынешнем, 1974 году в Москве, что, несомненно, будет весьма полезно и тем, и другим. И вообще такие «обмены» нужно практиковать как можно чаще...

А. МОСКАЛЕВ

[illegible] Фото Я. ХАЛИПОВА (ТАСС)

НАГРАЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

Указом Президиума Верховного Совета СССР журнал «Звезда» награжден орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в развитии советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся.

БУДАПЕШТ
Союзу венгерских писателей

Советские писатели выражают глубокое соболезнование по поводу кончины нашего большого друга и товарища, известного венгерского писателя, дважды лауреата премии имени Кошута Белы Иллеша.

Долгий и славный путь жизни прошел Бела Иллеш. Председатель Уйпештского реввоенсовета в 1919 году, генеральный секретарь Международной ассоциации пролетарских писателей, активный борец против фашизма, солдат Советской Армии, прошедший трудными дорогами Великой Отечественной войны от Москвы до Будапешта, один из организаторов Союза венгерских писателей. Автор замечательных романов «Тиса горит», «Карпатская рапсодия», «Обретение родины» и многих сотен рассказов, переведенных на многие языки народов нашей страны и пользующихся большой популярностью у советских читателей, Бела Иллеш был видным деятелем венгерского и международного рабочего движения, верным сыном Коммунистической партии, убежденным интернационалистом, страстным сторонником братской дружбы и сотрудничества между советским и венгерским народами.

Имя Белы Иллеша всегда будет жить в нашей памяти.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЭХО

ВО ВСЕМ МИРЕ РАСТЕТ ИНТЕРЕС К СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ. ОДНАКО ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗВУЧАТ ГОЛОСА НАШИХ НЕДРУГОВ, «МЕТОДОЛОГИЯ» КОТОРЫХ — ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ И ПРЕДВЗЯТОСТЬ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЭХО

А. ОВЧАРЕНКО

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ. СТАРАЯ ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ

ПЕРВЫЙ вопрос, который задаешь, бывая за границей: «Что у вас пишут о нашей литературе?». И еще: «Какие произведения советских писателей у вас читают сейчас?» Чтобы самому найти ответ на эти вопросы, перелистываешь комплекты газет, ищешь статьи и сообщения о нашем литературном процессе.

В социалистических странах характерен постоянный интерес ко всему лучшему, значительному, поучительному, что создается в советской литературе. Переводятся с русского и других языков народов нашей страны романы и повести, рассказы, поэмы и стихи известных наших писателей.

Объективное представление о советской литературе стремятся дать коммунистические газеты и журналы Франции, ФРГ, Англии, США и других капиталистических стран.

За последнее время — и это является предметом данной статьи — наметились известные изменения и в буржуазной прессе. На фоне исторических успехов ленинской внешней политики Советского Союза и разрядки международной напряженности — журналисты, критики и литературоведы капиталистических стран явно начали проявлять больший интерес к литературе первой страны социализма.

Летом 1973 года, во время пребывания в Финляндии, мне не раз приходилось встречаться с корреспондентами финских и шведских газет. Порой они задавали очень колючие вопросы. Но я не могу пожаловаться на то, что газетчики исказили мои ответы на эти вопросы. В общем они изложили довольно объективно то, что я сказал, характеризуя основные достижения советской литературы за последние годы. Меня обрадовал также повышенный интерес к теоретическим проблемам искусства нового мира. Не забуду маленькую, худенькую голубоглазую женщину с рыженькой мальчишеской челочкой, в синенькой тенниске и коротковатых джинсах, сумевшую оттеснить почти три десятка других корреспондентов, чтобы получить ответ, как она выразилась, на неотложные вопросы. Что такое социалистический реализм? Существует ли социалистический реализм не только как явление советской литературы? Каковы основные признаки социалистического реализма как направления в мировой литературе? В каком соотношении находятся социалистический реализм и другие демократические течения в современном художественном процессе? Как квалифицируется «с ваших позиций» творчество таких финских писателей, как Вяйнэ Линна? Как понимается принцип изображения жизни в революционном развитии? Предопределяет ли метод социалистического реализма идеализированные изображения положительных начал? Исключает ли социалистический реализм возможность влияния ему произведений, не являющихся по своему строю произведениями, созданными этим методом?

Однако наряду с вышеупомянутыми позитивными сдвигами еще дают себя знать рецидивы предвзятости и тенденциозности времен «холодной войны». Организаторы современного антисоветского идеологического контрнаступления не выпускают из поля своего зрения и нашу художественную литературу. Здесь, как и в других областях, одни выступают защитниками «свободы творчества», якобы попранной в СССР, другие рассчитывают на постепенное стирание граней между социалистическим реализмом и декадентско-модернистскими течениями.

И все же, невзирая на подобные рецидивы предвзятого отношения к нашей стране и ее литературе, все чаще встречаешься с конструктивными, реалистическими настроениями в зарубежном литературоведении.

Знаменательный эпизод произошел на варшавском Международном конгрессе славистов в августе 1973 года. В докладе одного советского литературоведа — «Теория социалистического реализма сегодня. Позиции, проблемы, перспективы» — утверждалось, что ныне социалистический реализм становится ведущим направлением, главной линией в мировом художественном процессе. Его поддерживали представители Болгарии, Венгрии, Чехословакии, ГДР. Ко всеобщему удивлению, впервые доклад на эту тему не подвергся атаке со стороны американских, французских и других буржуазных ученых. Их отношение к предмету обсуждения стало явно иным. Выступая в прениях, славист из Канады сказал, имея в виду спор о социалистическом реализме:

— Все участники сегодняшнего заседания сосредоточили внимание на одном течении в мировой литературе. Мы согласны принимать участие в дискуссии. Но надеемся, что вы не откажетесь рассмотреть и другие течения, которые заслуживают такого же внимания.

Это — новая тенденция. Она проявилась не только в ходе работы Международного конгресса славистов. [illegible] «Нью-Йорк таймс» Г. Смит [illegible] «Нью-Йорк таймс бук ревью» (22 июля 1973 года) [illegible] Г. Смит [illegible] советской литературе [illegible]

[illegible] тически не имеют ничего общего с советской литературой. И далее говорится, что «создающееся за границей представление, будто все остальное — это одноцветная пустыня социалистического реализма, является неверным и достойным сожаления. Такое представление о советской литературе... оскорбляет советскую интеллигенцию...».

К чести того же Г. Смита, он не просто констатирует односторонность представлений о советской литературе в Америке. Он пытается содействовать преодолению этой односторонности, рассказывая о размахе издательской деятельности в СССР, необычайной популярности творчества классиков, о том, что книги у нас стоят беспримерно дешево, расходятся с молниеносной быстротой, несмотря на существование «такого уникального русского института, как «толстые» журналы», и издающуюся миллионными тиражами «Роман-газету».

ПЕРЕХОДЯ непосредственно к современной советской литературе, заслуживающей, по его мнению, внимания американской общественности, Г. Смит пишет: «Если же говорить о современном социалистическом реализме, то это прежде всего касается романов-эпопей о Великой Отечественной войне, как здесь называют вторую мировую войну, написанных с толстовским размахом, рисующих сцены сражений, вводящих читателей в стра[illegible]

[illegible] жанр социалистического реализма [illegible] советские [illegible] как новый [illegible] себе дорогу в Сибирь [illegible] эпопеи, рассказывающие [illegible] в борьбе с кулаками [illegible] Конкретно [illegible] «Судьба» П. Проскурина, «Вечный зов» [illegible] Иванова. [illegible] о произведениях [illegible] това, В. Быкова [illegible] това, упоминаемых [illegible] ставителя [illegible] прозы»: Василий [illegible] Виктор Астафьев [illegible] Абрамов и [illegible] путин... [illegible] следних повестей Ю. Трифонова.

[illegible]

С оценками [illegible] П. Проскурина [illegible] А. Иванова [illegible] мечает: «Это [illegible] Тихий Дон» Михаила Шолохова». Подобная [illegible] меньшей мере наивно. Такие произведения, как «Война и мир» или «Тихий Дон», не рождаются каждый день, каждый год, даже каждое десятилетие. Литература никогда не была и не будет [illegible] поточным [illegible] И арифметический подход к ней не правомерен.

Что касается того, что [illegible]

[illegible]

Лазиз КАЮМОВ

«ПОЭТЫ-ЛЮБИТЕЛИ» В РОЛИ КЛЕВЕТНИКОВ

АВТОРИТЕТ советской литературы в мире растет с каждым годом. [illegible]

[illegible]

В августе 1973 года «Голос Америки» [illegible]

[illegible]

Если узбекская литература [illegible] ветской литературе узбек[illegible]

[illegible]

СУЩЕСТВУЮТ и другие, более хитроумные формы «клеветы». [illegible]

[illegible]

ПАНОРАМА „ЛГ"

В канун новогоднего праздника было опубликовано постановление Совета Министров РСФСР о присуждении Государственных премий РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры 1973 года.

Сегодня мы публикуем интервью корреспондентов «ЛГ» с писателями-лауреатами.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ» ГОВОРЯТ ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ РСФСР

Сергей ВАСИЛЬЕВ:

— Прежде всего я испытываю радостное волнение и большой душевный подъем. Сердечно благодарю родную Коммунистическую партию и Советское правительство за высокую честь. Эта почетная награда особенно дорога тем, что на золотом поле медали лауреата изображен облик великого гуманиста Алексея Максимовича Горького, которому я обязан первыми шагами в литературе. Его незабвенное имя всегда было для меня путеводной звездой.

Я думаю, что в столь радостные дни самое лучшее — рассказать своим читателям, чем ты занят, какие твои произведения увидят свет в будущем... В издательстве «Советская Россия» выходит отдельной книжкой поэма «Красный галстук», посвященная пионеру Коле Мяготину, повторившему подвиг Павлика Морозова. В издательстве «Московский рабочий» — сборник стихотворений в серии «Подвиг». Сдал я в печать и прозаическую вещь. Называется она «Зарубки на память». Это значительно дополненная и переработанная «Проза про поэзию».

В настоящее время, сколько позволяет здоровье, тружусь над новой книгой лирических стихотворений под названием «Эхо». Главная мысль книги — торжество преемственности поколений. Эпиграфом к новой книге служит строфа:

Спасибо, что хоть отзвук остается,
что, жадному забвенью вопреки,
из аха мастеров, как из колодца
живую воду пьют ученики

Продолжаю также работу над художественными переводами азербайджанского классика Сабира, перевожу его избранные стихи. Это моя боль, моя любовь, моя забота...

Анатолий КАЛИНИН:

— В списке лауреатов я увидел фамилию Нонны Викторовны Мордюковой, занявшей довольно большое место в моей литературной жизни. В свое время в спектакле «Суровое поле», поставленном по моему роману в Московском театре киноактера, она сыграла роль Дарьи Сошниковой. И сыграла так, словно находилась рядом, когда я работал над романом. И характер, и облик, и манеры... Поверит мне читатель или нет — не знаю, но когда я искал образ Антонины Кашириной — героини повести «Возврата нет», Нонна Мордюкова тоже была рядом. Незримо помогала. Впоследствии мне было приятно прочесть в той же «Литгазете», что Мордюкова хотела бы сыграть эту роль в кино. Желание сбылось — режиссер Алексей Салтыков поставил фильм. Я только что был на просмотре — роль удалась актрисе. Да я и раньше знал, что это так и будет, что роль удастся. По многим приметам. Кстати, когда в Раздорской шли съемки, то станичники говорили: «Нонна — наша землячка, наша казачка, вся здешняя... До последней кровинки...» И я, честное слово, твердо убежден в том, что Антонина Каширина на экране получилась лучше Кашириной, выведенной в повести. Но об этом уж пусть судят и читатели, и зрители.

Григорий ХОДЖЕР:

— Почти двадцать лет назад я, простой чабан, окончил исторический факультет Ленинградского пединститута. Почти двадцать лет назад я получил и первое признание — один из моих рассказов (он назывался «Мой знакомый пчеловод») был удостоен Золотой медали на литературном конкурсе VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. С тех пор и началась, как говорится, серьезная литературная работа. Поскольку я чабан, то и герои моих рассказов, повестей, романов — земляки-чабайцы. Когда-то Владимир Ильич Ленин писал: «...необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость...»

«Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму?» — спрашивал В. И. Ленин и тут же уверенно отвечал на свой вопрос: «Да, мыслимо...»

Этот путь, указанный великим пролетарским вождем, и прошел мой немногочисленный народ. Вот о чем я пишу в своих книгах.

Недавно вернулся с Амура, из Нанайского района — мы ездили туда вместе с художником Андреем Бельды. В очередной раз за материалом. Он пишет серию этюдов, а я — повесть о годах, когда были заложены культурные традиции у нанайского народа, раньше не имевшего своей письменности, не говоря уж о литературе. Вот оно, торжество ленинских идей, торжество дела, которому я верно служу, служим все мы, советские люди. Государственная премия РСФСР имени М. Горького — чрезвычайно почетная и высокая награда. И обязывает она ко многому.

Николай АНКИЛОВ:

— В пьесе «Солдатская вдова», поставленной в моем родном Омском областном драматическом театре и отмеченной высокой наградой, речь идет о суровой военной поре, о трудовом героизме сибирских женщин, о буднях нашего тыла. Главный персонаж — доярка Марийка Уварова. Действие происходит в сибирской деревушке Зеленый Привал (в нашей области есть село Моховой Привал, с него и списана сценическая деревня, в нем и живут прототипы). Хотя сама Марийка — образ собирательный. Сознаюсь, что более всего на нее походит доярка Александра Шашкова.

...Жили в селе две подруги. Марийка и Клавдия. Подругами они были настолько близкими и задушевными, что даже замуж вышли в один день. Ничего не таили друг от друга. Весь Зеленый Привал гулял на их свадьбе... А потом началась война, подруги проводили своих мужей на фронт. В трудные для всей нашей страны годы судьбы подруг разошлись. Марийка избрала «передний край» тыла, Клавдия пошла по пути наименьшего сопротивления..

Словом, премированный спектакль посвящен твердости духа, мужеству людскому, стойкости характеров. Лучшие черты наших сибирских женщин постарался я сфокусировать в образе Марийки — человеке обаятельном, самобытном, необычном.

Анатолий СОФРОНОВ:

— Когда литератор пишет для театра, то вольно или невольно он думает о тех, кто будет воплощать образы, созданные им, на сцене. Поэтому, говоря о пьесах «Наследство» и «Ураган», хочется помянуть добрым словом актеров и режиссеров, с которыми у меня в последние годы установились прекрасные отношения и мнение которых в значительной мере служит эталоном для меня. Прежде всего это относится к Харьковскому государственному русскому драматическому театру имени А. С. Пушкина, где впервые были поставлены обе пьесы. Этому театру я глубоко доверяю...

В моем представлении творческие связи и деловая дружба драматурга с театром должны базироваться именно на таком доверии. Не могу не вспомнить и сравнительно молодой Московский театр киноактера, и Ростовский театр имени М. Горького, где также были поставлены «Ураган» и «Наследство»... Театральное дело, по чьему-то удачному выражению, — дело артельное, и, конечно же, присуждением премии я во многом обязан этим коллективам.

Чем я занят сейчас? Уже два года работаю над новой пьесой. Называется она «Власть». Место действия — один из крупных заводов. Время действия — наши дни. Но буду «рассекречивать» сюжет пьесы, сделаю это, когда работа будет полностью закончена. Продолжая линию «сельских» комедий, я написал недавно пьесу на родном мне «донском» материале. Посвящена она станичной интеллигенции и носит название «Старым казачьим способом»... Название это имеет свою историю. На бутылках «Цимлянского игристого» иногда наклеивают этикетки, где указывается, что содержимое изготовлено «старым казачьим способом»...

В духовном мире человека современной деревни произошли перемены прямо-таки огромные, и писать о них, честно говоря, непросто. Когда зрителю подают готовые, набившие оскомину рецепты, он их не принимает, он требует от драматурга решений принципиально новых, оригинальных, так что «попасть в яблочко» очень сложно, и поэтому бывает вдвойне приятно и радостно, когда это попадание происходит...

Анатолий РЫБАКОВ:

— Известие о присуждении мне и моим коллегам по фильму «Минута молчания» Государственной премии РСФСР застало меня в Минске, где я на киностудии просматривал материалы новой многосерийной телевизионной ленты. Шесть серий телефильма снимаются по повестям, уже опубликованным, — «Кортику» и «Бронзовой птице», еще три, последние, являющиеся их продолжением, будут сниматься под названием «Выстрел». Параллельно со сценарием я пишу повесть. Она, кстати, и завершит трилогию. Действие «Выстрела» происходит в годы нэпа. Герои «Кортика» и «Бронзовой птицы» уже повзрослели и вступают в жизнь в один из сложных периодов истории нашей страны...

Несколько слов о главной моей работе — о романе «Дети Арбата». Две части романа уже закончены, надеюсь в новом году завершить и третью, заключительную.

Что же касается фильма, отмеченного премией, то скажу, что его нельзя назвать прямой экранизацией повести «Неизвестный солдат». Они создавались одновременно — и повесть, и фильм. Так было с некоторыми моими другими повестями: писались параллельно со сценариями. И хотя в основу фильма и книги положены одни и те же мотивы и герой один и тот же — Сережа Крашенинников, — в чем-то они разнятся.

Не могу не вспомнить, как отлично работал на съемочной площадке главный персонаж — Сережа Крош, а, вернее, его исполнитель — молодой актер Кавалеров. Отличным был и весь творческий коллектив. Спасибо вам, друзья!.. Примите поздравления с высокой наградой.

ЧУВСТВО СОПРИЧАСТНОСТИ ЭПОХЕ...

Журналу «Агидель» — 50 лет

ИСТОРИЯ журнала «Агидель» — живая летопись башкирской советской литературы, ее роста и развития. Она началась 50 лет назад в марте 1923 года, когда вышел первый номер журнала «Яны юл» («Новый путь»). С января 1924 года «Яны юл» сливается с журналом «Белем» («Знание») и выходит под этим названием. В 1927 году начал издаваться отделившийся от него литературный и общественно - политический журнал «Сэсэн». С образованием писательской организации БАПП — с 1930 по 1948 год — журнал выходит под названием «Октябрь», а с 1948 по 1959 год — «Эдеби Башкортостан» («Литературная Башкирия»). С 1959 года — «Агидель».

С первых шагов своего существования журналу удалось привлечь и сплотить вокруг себя все самые талантливые творческие силы башкирской советской литературы. Мажит Гафури, Сайфи Кудаш, Гариф Гумер, Тухват Янаби, Ижай Насыри, Зариф Баширн, Хусни Карим, Шагит Худайбердин — вот авторы, произведения которых появились впервые на страницах журнала.

По нему можно ясно проследить вехи и направления литературного процесса в республике, воочию увидеть те поистине колоссальные сдвиги в жизни башкирского народа, которые вдохновляли писателей на яркие произведения о современности.

Тридцатые годы... Поэма Сайфи Кудаша «Письмо» — широкое полотно, где в убедительных художественных образах показан решающий перелом в психологии крестьянина, переход его от частнособственнических устремлений к пониманию преимуществ коллективизма. Ту же тему глубоко решает в прозе Ижай Насыри. Его повесть «Побежденный омут», стихи и поэмы Г. Саляма, Б. Бикбая, М. Хая, С. Кулибая показывают жизнь и труд нового человека, его становление в условиях социалистической действительности. Великая Отечественная война... Тревожный голос эпохи особенно сильно прозвучал в лирике тех лет народного поэта республики Рашита Нигмати и совсем молодого тогда Мустая Карима. В последующие годы в журнале увидело свет немало крупных произведений прозы — С. Агиша, А. Вали, Х. Давлетшиной, К. Мэргена, А Бикчентаева, З. Биишевой, Х. Гиляжева, Ф. Исангулова, Д. Исламова, Н. Мусина, Я. Хамматова и многих других.

Живые импульсы действительности особенно ясно мы ощущаем в таком мобильном, оперативном жанре, как очерк. Сегодня он приобретает для журнала особое значение. Тем большее, что развитие экономики Башкирии набирает ныне небывалый размах и темп. Показать социальную природу и сущность благотворных процессов в жизни республики, духовный рост советского человека — творца и мечтателя, — для этой цели недостаточно даже самой скрупулезной фактографичности. Посты, открытые редакцией журнала «Агидель» на крупнейших стройках Башкирии, позволяют постоянно быть в курсе важнейших событий, чувствовать напряженное движение самой жизни.

Безусловно, очерк «прокладывал» дорогу талантливым произведениям башкирских прозаиков о современности. «Иначе жить не могу» — роман Р. Максютова о нефтяниках — вобрал в себя тот нравственно-эстетический опыт, который в немалой степени накоплен и очерком. «Годы возмужания» А. Байрамова — роман о людях рабочих профессий — ставит проблему социальной зрелости человека, обретения им высоких качеств советской морали в процессе вдохновенного труда. Эти романы опубликованы журналом в прошлом году. Нынешний литературный год также открывается произведением на рабочую тему. Это роман о геологах — «Голубой шатер» Ш. Янбаева.

Поэтический раздел «Агидели» представлен многими талантливыми мастерами разных поколений. Башкирская поэзия — своеобразное и яркое явление в многонациональной поэзии нашей страны. Ее характерной особенностью, на мой взгляд, является чувство органической сопричастности к главнейшим проблемам эпохи в сочетании с тонким, проникновенным лиризмом. Высокий гражданский пафос нашел свое глубокое воплощение в творчестве одного из ведущих представителей башкирской поэзии — Мустая Карима. В 1972 году он удостоен Государственной премии СССР.

М. Карим, С. Кудаш, Н. Наджми, Х. Гиляжев, Х. Карим, Г. Рамазанов, М. Гали, А. Атнабаев, М. Каримов, Р. Сафин, Р. Бикбаев и другие — талантливая плеяда поэтов, чьи стихи звучат со страниц «Агидели».

Внимание к молодежи и воспитание литературной смены — одна из главных забот «Агидели». Эта горьковская традиция уверенно проходит через всю биографию журнала.

В связи с постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» журнал особое внимание обращает на повышение идейно-теоретического уровня критики. Выступления А. Хариса, Г. Хусаннова, К. Ахметьянова, Н. Зарипова, Р. Баимова, А. Вахитова и других посвящены самым насущным проблемам литературной жизни.

За пятьдесят лет «Агидель» встал в ряд крупных литературных журналов страны. Тираж с 400 экземпляров вырос до 50 тысяч. Журнал был и остается зеркалом лучших достижений башкирской литературы, пропагандистом идеалов коммунистического общества, кузницей кадров национальной литературы.

Аскат МИРЗАГИТОВ,
председатель правления Союза писателей БАССР

У ЛИТЕРАТОРОВ-КОММУНИСТОВ МОСКВЫ

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации писателей столицы.

Отчетный доклад сделал секретарь парткома Владимир Разумневич.

— Вся идейно-воспитательная и организаторская работа, — сказал он, — борьба за повышение идейно-художественного уровня произведений литераторов столицы, за партийное влияние во всех звеньях Московской писательской организации исходили из задач, поставленных XXIV съездом КПСС перед всей нашей страной.

Московские писатели глубоко благодарны Коммунистической партии за неустанную заботу о литературе. Эта действенная помощь активно способствовала появлению новых талантливых произведений, лучшие из которых были отмечены Государственными премиями СССР и РСФСР.

Партком нацеливал литераторов Москвы на создание произведений, которые были бы достойны трудовых подвигов ударников пятилетки. Живейший отклик встретил призыв партии «Превратить нашу столицу в образцовый коммунистический город!». Мы стремились более активно участвовать в культурно-массовой работе на предприятиях города. Только в 1973 году состоялось около одиннадцати тысяч выступлений поэтов, прозаиков, драматургов на московских заводах, в клубах и домах культуры...

Первый секретарь правления Московской писательской организации Сергей Наровчатов рассказал о плодотворной работе большого отряда литераторов в третьем, решающем году пятилетки.

— Мы вплотную взялись за тему становления личности рабочего, тему формирования характера подростка, — сказала в своем выступлении Зоя Воскресенская. — Некоторые литераторы пошли работать штатными воспитателями в ПТУ. В ближайшее время появятся книги и фильмы о юных героях...

Заботой о новой литературной смене были проникнуты выступления Павла Антокольского и Леонида Зорина.

Председатель правления СП РСФСР Сергей Михалков призвал писателей столицы и новый состав парткома к дальнейшей активизации творческой и общественно-политической деятельности.

В прениях приняли также участие Алексей Сурков, Леонид Жариков, Лев Гинзбург и другие.

Перед писателями-коммунистами выступил первый секретарь Краснопресненского райкома КПСС И. Д. Писарев.

В работе собрания приняли участие секретарь МГК КПСС В. И. Ягодкин, заведующий отделом культуры МГК КПСС И. В. Бугаев.

Секретарем парткома Московской писательской организации вновь избран Владимир Разумневич.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ СЪЕЗДЫ

Комп АССР

На днях в Сыктывкаре прошел V съезд писателей Коми АССР. В отчетном докладе председателя правления Союза писателей В. Лекенова были подведены итоги развития коми литературы за истекший между съездами период. В частности, докладчик отметил выход на всесоюзную арену целого ряда значительных произведений. Это книги И. Торопова, Г. Юшкова, Г. Федорова, В. Журавлева - Печорского, А. Ванеева, выпущенные издательствами «Современник» и «Молодая гвардия» в Москве, сборник «Поэты коми» — в Ленинграде, рассказы «Плоты плывут» — издательством «Советская Россия». За эти годы семь писателей удостоены Государственной премии Коми АССР, а трое — премии комсомола республики. В республиканском драмтеатре поставлены пьесы М. Калинина «Печорская быль», В. Лекенова «Ухабы жизни», Г. Юшкова «Бывают же такие» и «Право на жизнь», Н. Белых «Случай в тайге».

Высокая идейность, углубление социального содержания — эти черты все более определяют лицо современной коми литературы. В последних произведениях отчетливо прослеживается линия поисков авторами положительного героя.

В содокладах по прозе, поэзии и детской литературе (А. Микушев, А. Ванеев и С. Раевский) были проанализированы основные тенденции в развитии современной коми литературы.

В прениях приняли участие писатели И. Торопов, Г. Юшков, П. Шахов, Вл. Попов, критики Г. Беляев, В. Латышева, драматург А. Клейн и другие.

От имени секретариата правления Союза писателей РСФСР съезд приветствовал секретарь правления СП РСФСР Олег Шестинский.

С анализом репертуара национального театра и состояние литературно-художественной критики выступил секретарь Коми обкома КПСС А. Ф. Сюткин.

Съезд избрал правление Союза писателей Коми АССР в составе: В. Леканов (председатель), Вл. Попов, И. Торопов, Г. Федоров (заместитель), Г. Юшков (ответственный секретарь).

В. САНКОВ

Калмыцкая АССР

В столице Калмыкии Элисте состоялся VI съезд писателей республики. С большой речью выступил на съезде первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС Б. Б. Городовиков. Он подчеркнул роль писателей как активных помощников партии в формировании нового человека, в интернациональном воспитании трудящихся, укреплении дружбы народов. Оратор огласил приветствие обкома КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Калмыцкой АССР участникам съезда.

С докладом «Верно служить народу и партии — главная задача писателей» выступил председатель правления Союза писателей Калмыкии Т. Бембеев. По докладу развернулись прения. Особое внимание в них было уделено воспитанию молодой смены литераторов.

С приветственным словом на съезде выступил секретарь правления Союза писателей РСФСР Григорий Коновалов.

Съезд избрал новый состав правления. Председателем правления избран народный поэт Калмыцкой АССР, лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького Д. Н. Кугультинов, ответственным секретарем — народный поэт Калмыкии Л. О. Инджиев.

Наш корр.

ЭЛИСТА

УКАЗЫ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении писателя Велюгина А. С. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Велюгина** Анатолия Степановича орденом **«Знак Почета»**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
28 декабря 1973 г.

О награждении писателя Пинясова Я. М. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Пинясова** Якова Максимовича орденом **«Знак Почета»**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
28 декабря 1973 г.

О награждении писателя Гончарова Ю. Д. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Гончарова** Юрия Даниловича орденом **«Знак Почета»**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
29 декабря 1973 г.

О награждении писателя Тухватуллина Р. Г. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Тухватуллина** Рафаила Газизовича орденом **«Знак Почета»**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
29 декабря 1973 г.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

СОСТОЯЛСЯ...

...расширенный пленум правления СП Туркменистана, в котором приняли участие режиссеры и актеры театров, кино, телевидения, деятели культуры, преподаватели и студенты вузов. С докладами о развитии туркменской драматургии и ее задачах, о состоянии театральной критики выступили писатели К. Курбансахатов и А. Мамилиев.

В прениях приняли участие О. Аннамедов, Г. Мухтаров, Е. Степанова, Р. Алиев, А. Мурадов, Х. Тангрыбердыев, Т. Джумагельдиев, А. Бердыев, Р. Эсенов, режиссеры А. Кулымамедов, С. Сарыев, В. Сейидов, Я. Фельдман, искусствоведы А. Аннаев и В. Абдуллаев, министр культуры Туркменской ССР Х. Дурдыев и другие.

На пленуме выступила также заведующая отделом культуры ЦК КП Туркменистана С. Аннамурова.

■

ОТКРЫТА...

...мемориальная доска на доме № 38 по улице Ленина в Риге, где последние двадцать лет жил Герой Социалистического Труда, народный писатель Латвии Андрей Упит.

Выступившие на митинге секретарь Кировского райкома партии Риги В. В. Верзинь, первый секретарь правления Союза писателей Латвии А. Янсонс, писатели Я. Ниедре, А. Вэл и другие говорили об огромном значении творчества замечательного художника слова для латышской литературы, для театрального искусства республики.

В квартире № 4, где жил Андрей Упит, будет открыт мемориальный музей.

■

НАГРАЖДЕНЫ...

...дипломами первой степени Всесоюзного конкурса на лучшие произведения научно-популярной литературы авторы сборника очерков о Нурской магнитной аномалии «Руда и люди».

Дипломы вручены А. Кривицкому, члену редколлегии, редактору отдела очерка и публицистики журнала «Знамя»; В. Виноградову, заместителю министра черной металлургии СССР; А. Гудкову, первому секретарю Курского обкома КПСС; М. Трунову, первому секретарю Белгородского обкома КПСС, а также Н. Ачильдиеву, Г. Кублицкому, Л. Могилевскому.

■

ПУБЛИКУЮТСЯ...

...под рубрикой «Литература и искусство» в воскресных номерах газеты «Социалистик Татарстан» рассказы, стихи, проблемные и критические статьи, рецензии на книги и спектакли... Накоплен серьезный опыт составления тематических полос, таких, как «Наше вдохновение — строительству КамАЗа», «Писатель и пятилетка», «Наши герои-нефтяники», «Наше слово труженикам села», «Дружба литератур — дружба народов».

В связи с постановлением ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» газета постоянно стремится к повышению уровня критических выступлений. На эту тему состоялся «круглый стол», в котором приняли участие писатели, критики, ученые. Проведены дискуссии «Татарская драматургия и театр», «Жанр прозы в литературе», «Традиции Тукая и Джалиля в татарской поэзии»,

литературная критика

ОПЫТ ПРОБЛЕМЫ ЗАДАЧИ

«Открывать красоты», «изучать открытое» — под таким названием в «ЛГ» (№ 38, 1973) была напечатана статья А. Курилова, речь в которой шла о принципиальных различиях между критикой и литературоведением.

По мнению А. Курилова, критика — это «наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы, литературоведение же — «наука об уже открытых красотах и недостатках в произведениях литературы».

Статья А. Курилова вызвала живейший отклик литературной общественности. Сегодня мы публикуем статью доктора филологических наук, профессора Г. Н. Поспелова, который высказывает свою точку зрения на поставленные проблемы.

Мы печатаем также заметки А. Клитко о новых литературно-критических работах.

Г. ПОСПЕЛОВ

«ЗЛОБА ДНЯ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИИ

- «КРАСОТЫ» ИСТИННЫЕ И КАЖУЩИЕСЯ
- ТАК В ЧЕМ ЖЕ ЗАДАЧИ КРИТИКИ?
- ИЗУЧАТЬ УЖЕ «ОТКРЫТОЕ» — И ТОЛЬКО!
- ИТАК, СОПЕРНИКИ! НЕТ, СОЮЗНИКИ!

ВОПРОС о границах критики и литературоведения сейчас занимает нашу общественность, видимо, в большей мере, чем когда-либо. Ведь в прежние времена историческое изучение художественной литературы — история литературы как наука всегда в большей или меньшей степени отставала от критики в хронологии своего предмета. Она спокойно занималась произведениями, ушедшими в прошлое, отстоявшимися во времени, и предоставляла критике взволнованно откликаться на литературную современность. Но в нашу эпоху — и понятно почему — литературоведение быстро догоняло критику в этом отношении. И сейчас литературоведы, иногда не меньше критиков, готовы вторгаться своей мыслью даже в текущий литературный процесс. У критиков, таким образом, появились «соперники». Тем и другим и в самом деле пора размежеваться в понимании своих задач, и это будет очень полезно для обеих сторон.

Критерий их размежевания по хронологии предмета теперь уже отпадает. Об этом правильно писал недавно А. Курилов в статье «Открывать красоты», «изучать открытое». Но и другой критерий, который он предложил, едва ли убедителен. Соглашаясь с мнением Пушкина, что «критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях... литературы», А. Курилов уже от себя делает вывод, что задачи литературоведения — изучать уже «открытые красоты и недостатки в произведениях...». Но, во-первых, разве достоинства произведений художественной литературы заключаются только в их «красотах»? Разве эти произведения не ценятся обществом в первую очередь за высокие достоинства их идейно-художественного содержания, не сводимого к «красотам»? Вспомним, какие горячие споры часто возникали в прошлом по этому вопросу между разными литературно-критическими лагерями. Так, в 1860-е годы Добролюбов резко нападал на такую критику, которая не хотела идти дальше «открытия красот», иронически называл ее «эстетической критикой» и противопоставлял ей свою, «реальную критику», которая начинала оценку произведений с ответа на вопрос, как в них отразилась жизнь, а затем переходила к осуществлению публицистических задач. Наша современная критика в этом отношении продолжает традиции революционно-демократической критики прошлого века. Но она продолжает их на более высоком теоретическом уровне, берет на себя и эстетическую оценку произведений, понимая, что их «красоты» вытекают из достоинств их идейного содержания, от них получают свое собственное достоинство, оказываясь истинными, а не внешними, кажущимися «красотами».

Значит, эти «красоты» нельзя «открыть» с налета, «на глазок». К ним можно прийти только изнутри произведения, анализируя сначала его содержание. И в этом, во-вторых, не прав А. Курилов, противопоставляя «открытия» критиков и «изучения» литературоведов. Без изучения не могут обойтись ни те, ни другие. И этот принцип разделения, очевидно, недействителен. Различия в задачах критики и литературоведения надо искать гораздо глубже — в самой «логике» существования той и другого. А «логика» эта действительно различна.

КРИТИКА не является частью литературоведения или дополнением к нему. Исторически у разных народов она возникала гораздо раньше его и имеет собственный смысл существования. В чем он? Как известно, литературно-художественные произведения, при всей своей как будто совершенно самодовлеющей значительности и эстетической замкнутости, аккумулируют в себе обычно очень мощные заряды идеологической энергии. В виде разных занимательных историй из жизни отдельных лиц или же разных эмоциональных раздумий отдельного лица они выносят — прямо или косвенно — очень действенный идейный приговор существенным свойствам социальной жизни своей современности, остро затрагивающий интересы тех или других социальных слоев и общественных движений. И естественно, что эти произведения возбуждают часто при своем появлении активные, иногда даже страстные отклики в умах и сердцах своих читателей — отклики разные, часто противоположные, так как читатели их в старом обществе принадлежали обычно к различным, нередко враждебным друг другу слоям и группировкам.

В таких условиях каждый вдумчивый и идейно активный читатель произведений является как бы потенциальным их критиком. А некоторые из таких читателей нередко оказываются вполне способными выразить свою оценку и публично — устно или письменно. С возникновением газет и журналов для критики появилась возможность специализации. Появились критики-профессионалы, которые не только становились выразителями литературных мнений стоящей за ними общественности, но гораздо раньше литературоведов принимали участие в разработке общих художественных представлений и понятий.

Так исторически сложился собственно критический подход к литературным произведениям. Если словесное искусство на своем особенном, часто изысканном и сложном и всегда — в каком-то широком смысле — иносказательно-образном «языке» выносит «приговор» жизни, то критика, стараясь уловить и разгадать этот осуждающий и оправдывающий жизнь голос искусства, берет на себя трудную и важную задачу — судить за это сами его произведения и выносить им свой «приговор» в свете тех или иных общественных идеалов. В этом смысле критика всегда очень современна и злободневна. И прав поэтому А. Курилов, утверждающий, что «критик смотрит... на новые произведения... уже как бы из будущего...».

Но такое обобщение все-таки значительно сужает вопрос. Разве критика всегда имеет дело только с «новыми» произведениями? Нет, она вполне может и даже должна оценивать и «старые» произведения, созданные и в недавнем, а иногда и в очень давнем прошлом. Произведения остаются теми же, как бы давно они ни появились. Но сознание общества, в котором эти произведения живут, неизбежно изменяется из эпохи в эпоху. Читатели по-новому читают старые произведения и переосмысляют их в соответствии с идейно-эстетическими запросами своего времени. Так неужели же до всего этого нет дела критике? Она и в этом отношении остается рупором стоящей за ней общественности. Она публично переоценивает художественные создания прежних эпох, рассматривает их с новых сторон, ставит на их содержании новые идейные акценты, переоткрывает их «красоты». При этом она остается литературной критикой, выполняет свои задачи, сохраняет свой, специфический подход к произведениям и не становится литературоведением. Она и при этом выступает как выразитель, а в какой-то мере и создатель литературных мнений и художественных вкусов своей эпохи, пусть даже обращенных в прошлое. При этом она даже может «закрывать» одни писательские репутации и заново «открывать» другие, как будто уже забытые. Классический образец такой критики — Белинский, особенно в 1840-х годах. Но, конечно, критика не всегда могла и умела стоять на такой высоте. «Вы, нынешние, — ну-тка!»

ВСЕ ЭТО — о критике, а теперь — о литературоведении. Правда ли, что ему остается только «выверять» и «окончательно утверждать подлинную ценность вновь открытых критикой красот»? Нет, конечно, — у него своя, «огромная опека», неизмеримо более сложная и трудная, чем это кажется А. Курилову. Несомненно, подобно тому как бывает разная критика, в зависимости от идейных убеждений критиков, — бывает и разное литературоведение, в зависимости от методологических позиций его представителей. В наше время, когда в науке, по преимуществу в западной, так активно развивается структурализм, это особенно очевидно. Но будем говорить только о таком литературоведении, которое не искажает природу своего предмета. Художественная литература по своей природе национальна и исторична. Поэтому литературоведение — это научно осмысленная история национальных литератур. А что значит «научно осмысливать»? Это значит — искать объяснение исторического развития литератур, находить и обосновывать его внутренние закономерности.

Критика призвана оценивать произведения своей современности и переоценивать произведения прошлого в свете идеалов своей эпохи. Но ведь все произведения прошлого были современны в исторический момент своего создания. И для того чтобы понять и объяснить эти произведения во всей полноте и своеобразии их идейно-художественного содержания и формы, необходимо уловить в них живой пульс их современности, хотя и ушедшей в прошлое, часто очень отдаленное. Этим и занимается литературоведение, таковы его задачи и подход к произведениям словесного искусства.

Отсюда ясно, насколько сложна и разносторонняя работа литературоведа. Сосредоточившись на какой-то эпохе исторического развития какой-то национальной литературы, ученый обязан разыскать и усвоить огромное множество сведений, относящихся к жизни и творчеству отдельных писателей, и ко всей изменчивой идейно-художественной атмосфере, существовавшей в национальном обществе этой эпохи, и к тем отношениям и обстоятельствам общественной жизни, которые порождали эту атмосферу, и к воздействию литературы предшествующих эпох и других национальностей, и т. д. При этом ему надо иметь определенное понимание исторических перспектив развития национальной жизни и литературы, то есть приобщиться к проблемам философии истории. А вместе с тем ученый должен быть вооружен и пониманием процесса развития самой литературы — изменений в различных сторонах и аспектах ее содержания и формы, то есть овладеть проблематикой теории литературы и искусства вообще («эстетики»), имеющей огромное значение для успехов исследования. Во всем этом он, конечно, вполне может сделать разного рода открытия.

В результате усилий многих литературоведов может быть создана широкая, научно обоснованная картина литературно-художественного развития того или другого народа, в которой творчество отдельных писателей и их выдающиеся произведения могут выявить свое объективное и непреходящее значение в развитии духовной культуры этого народа, значение, не зависимое от смены литературных мнений и вкусов отдельных эпох. И все это может быть огромным вкладом в развитие национального самосознания народа, а иногда и всего человечества.

Но если критика, выполняя свои задачи, может делать предметом рассмотрения и оценки не только произведения своей современности, но и прошлого, то литературоведение имеет все основания изучать со своей точки зрения не только историю литературы прошлых эпох, но и современный ей литературный процесс, выявляя его внутренние закономерности и намечая его перспективы. Перефразируя А. Курилова, можно сказать, что литературоведение, как и всегда, будет при этом «смотреть как бы из прошлого в будущее». Нечего и говорить, насколько это неизмеримо труднее в сравнении с изучением прошлых литературных эпох, и прежде всего потому, что этому могут препятствовать методологические позиции самих ученых.

ОДНАКО, при всем различии своих задач, литературоведение и критика не изолированы друг от друга. Наша современная критика вполне может опираться на теоретический и исследовательский аппарат, созданный литературоведением. Такую критику обычно и называют «научной». А литературоведение в своих исследованиях предыдущих эпох литературного развития не просто обязано считаться с теми «приговорами», которые выносила тогда критика произведениям писателей. Ведь эти «приговоры» всегда создавали отчасти ту идейную атмосферу, в которой возникали произведения и развивалось творчество отдельных писателей, и литературоведение должно видеть в них часть своего предмета, должно изучать и объяснять их. И если в дальнейшем произведения переоценивались читателями и критикой, литературоведы и эти факты должны подвергать обобщающему и объяснительному изучению. По-видимому, подобные же задачи неизбежно встают перед литературоведами и тогда, когда они берутся за исследование современного им литературного процесса.

Наконец, надо сказать и о том, что никто не может запретить одним и тем же людям, в меру их сил и способностей, заниматься и критикой, и литературоведением. Так иногда бывало и в прошлом. Важно только, чтобы они ясно понимали существенные различия задач той и другой из этих областей нашей умственной жизни и нашей культуры и не создавали неопределенных по своему назначению работ. Они у нас, к сожалению, нередко встречаются.

ВЕРНОСТЬ ПОЗИЦИИ, ТОЧНОСТЬ КРИТЕРИЕВ

ИЗВЕСТНО, что связь между художественной литературой и критикой носит сложный, двусторонний характер. Влияя на развитие художественной литературы, критика также испытывает воздействие с ее стороны. Недаром прогнозы и построения критики обретают полноту и неотразимость лишь в соприкосновении с образной плотью вершие являющегося перед читателями масштабного произведения... Все это ничуть не умаляет роли и значения деятельности работников критического цеха, труд которых призван благотворно влиять на литературный процесс. Вместе с тем стоит лишний раз напомнить, что без появления зрелых писательских работ невозможен и определенный уровень зрелости критической мысли, поднявшейся ныне — спустя два года после постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» — на новую ступень. Об этом развитии нашей критики можно говорить вполне обоснованно, с опорой на конкретные исследования, затрагивающие такие ключевые проблемы, как партийность и народность, социально-психологический анализ, диалектика субъективного и объективного в художественном творчестве.

Одна из этих проблем занимает центральное место в работе Юрия Оклянского «Рождение книги» (издательство «Художественная литература». М. 1973). Рассуждая о закономерностях творческого процесса, автор обращает особое внимание на роль писательской индивидуальности. Ибо, как он справедливо полагает, без пристального изучения этой роли нельзя понять ни диалектику субъективного и объективного в литературном творчестве, ни природу художественного отражения действительности вообще. При этом важно не упускать из виду, что творческая индивидуальность отнюдь не тождественна «биографической» личности писателя, хотя и тесно с ней связана. В трактовке этого положения современная наша эстетика решительно расходится со всякого рода модернистскими концепциями в теории искусства.

Говоря о теории искусства, исследователь пишет, что, «подчеркивая долгие годы познающий характер художественного восприятия, она часто выпускала из поля зрения индивидуальное осуществление этого процесса. С индивидуальностью художественного восприятия произошло, то же, что и с изучением интуиции, воображения да и вообще всей психологии творчества. Материалистическая теория почти повсеместно занималась объективными факторами искусства, субъективные же поневоле оказывались отданными на откуп идеалистической эстетике и психологии творчества. Лишь в сравнительно недавнее время положение начало меняться».

Автор стремится углубить методологию исследования процессов художественного мышления, исходя из принципа изучения проблемы «на стыке» различных дисциплин. Убедительны наблюдения Ю. Оклянского над преобразованием фактов действительности в творческом процессе (на примере литературной работы Льва Толстого, Вяч. Шишкова и К. Федина), над формированием художественного замысла. Но особенно хочется отметить основательность авторского подхода к трудной проблеме «изучения жизни».

Ю. Оклянский удачно «привязал» свои теоретические размышления к практике современной советской литературы. Существенным подспорьем литературоведческих аргументов выступают и записи бесед автора книги с такими мастерами слова, как К. Федин, Л. Леонов, И. Эренбург. Все вместе взятое делает работу критика весьма доказательной и злободневной.

Значительной, интересной работой является сборник статей В. Баранова «Время — мысль — образ» (Волго-Вятское издательство. гор. Горький. 1973).

Разными путями идут авторы названных книг к осмыслению узловых вопросов литературной современности, но основа у них общая: «подход к личности писателя в многообразии его неразрывных связей с эпохой; к созданному писателем образу как порождению движущейся, ищущей художественной мысли». Эту изложенную во вступлении к сборнику программу В. Баранов реализует последовательно и целеустремленно как в статье «Революция и литература» («История — народ — личность в современной литературе»), так и в других разделах книги.

Привлекая для исследовательских целей изрядное количество литературных фактов, критик подробно останавливается, в частности, на произведениях исторического жанра, ратует за конкретно-диалектический взгляд на прошлое, чуждый как идеализации, так и модернизации. Автор, естественно, не может пройти и мимо художественных просчетов некоторых писателей, обращающихся к прошлому. Например, он отмечает сказавшееся в иных произведениях увлечение внешним драматизмом, эффектным декорумом — в ущерб глубокому изображению сложных исторических явлений.

Точность идейных оценок сочетается у критика с эстетической взыскательностью, поэтому суждения его выглядят весомыми, убедительными.

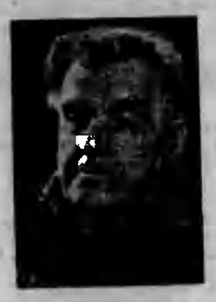
«Задумываясь о новаторстве и новациях в искусстве, — пишет В. Баранов, — еще раз убеждаешься, что открытия они дают художника все на том же давно известном и вечно новом пути — главное для него точность передачи душевного движения в его социально-исторической обусловленности».

К сожалению, сочетание точности идейных оценок с эстетической взыскательностью встречается не во всех критических исследованиях последнего времени. В связи с этим остановлюсь на некоторых положениях книги Вл. Воронова «Лики народной жизни» (издательство «Советский писатель». М. 1072), составленной из литературно-критических очерков. Я не ставлю перед собой задачи подробно охарактеризовать всю книгу. Хочу лишь коснуться тех высказываний автора, с которыми принципиально нельзя согласиться. Вот, например, характеристика «современной литературы, может быть, не очень-то щедрой на выдающиеся произведения, но плодотворной в своей гражданской направленности». Столь явное противопоставление «выдающихся» произведений и «плодотворной гражданской направленности» по меньшей мере странно. Ибо оно в корне противоречит демократическим традициям русской классики, всему опыту советской литературы (в том числе и — пользуясь словосочетанием Вл. Воронова — «общему состоянию современной литературы»). Такое противопоставление противоречит и конкретным ценностям нашего «культурного достояния» и «культурного наследия» (опять же цитирую автора книги). А что означает пассаж об ушедших «в тень, а иногда и совсем в небытие книгах, появление которых сопровождалось шумными дискуссиями, всякими пророчествами насчет их долгой жизни и прочее»? Как следует понимать это зашифрованное «теоретизирование», построенное на туманных намеках и безадресных упреках? Такое «теоретизирование», конечно же, не может способствовать решению задач, поставленных перед нашей критикой в ее программном документе — постановлении ЦК КПСС, где прямо сказано о необходимости сочетания точных идейных оценок, глубины социального анализа с бережным отношением к таланту, к плодотворным творческим поискам.

В сборнике В. Баранова «Время — мысль — образ» говорится: «В основном уже стало пережитком, если критик разбирает только содержание художественного произведения; мало теперь нам и суждений о том, с помощью каких средств это содержание выражено. Критика устремляется дальше — чтобы понять закономерности движения мысли художника, судить не только о чем и как он хотел сказать и что получилось, но и почему, что двигало им». Что ж, в ряде работ наших критиков, увидевших свет в последнее время, удачно схвачена суть того движения критической мысли, которое совершалось и продолжает совершаться на наших глазах.

А. КЛИТКО

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Л. И. ТИМОФЕЕВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Леонида Ивановича Тимофеева секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, одного из видных советских критиков и литературоведов, со знаменательным юбилеем — 70-летием со дня рождения.

Мы знаем и ценим Вас как вдумчивого, разностороннего ученого, чьи творческие интересы охватывают самые актуальные явления теории литературы, истории советской культуры. Ваши многочисленные исследования о поэзии Маяковского, Блока, Есенина сочетают в себе социальную точность в истолковании эпохи и глубину эстетического анализа. Общепризнанны Ваши заслуги теоретика литературы — не одно поколение студентов-филологов своими знаниями в этой области обязано Вашему вузовскому учебнику, успешно выдержавшему испытание временем.

Нам особенно приятно отметить, что и сегодня Вы среди ученых, активно и плодотворно работающих в советской литературной науке. Ваши новые работы встречают живой и заинтересованный отклик писательской общественности, вносят заметный вклад в разработку коренных проблем марксистско-ленинской эстетики».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Тех, кому приходилось общаться с Леонидом Ивановичем Тимофеевым, поражают его поистине энциклопедическая образованность, свободное оперирование фактами из различных сфер знания — не только гуманитарного, но и естественно-технического. Эта широта творческих интересов в соединении с марксистско-ленинской методологией научного исследования и в сочетании с большим талантом ученого привела к тому, что Л. И. Тимофеев явился одним из создателей советской науки о литературе.

В трех основных направлениях сосредоточилась его научная деятельность: эстетике и теории литературы, истории советской литературы, стиховедению. Л. И. Тимофеев — один из крупнейших в стране теоретиков искусства.

Теоретические концепции исследователя всегда строились на основе глубокого изучения историко-литературных явлений. Его труды охватывают русскую классическую и многонациональную советскую литературу — от «Слова о полку Игореве» до творчества писателей XX века: Блока, Горького и Маяковского. Большой вклад Л. И. Тимофеев внес в теорию социалистического реализма. При его активном участии создана трехтомная (а позднее четырехтомная) «История русской советской литературы»; в первом томе этих изданий вводная глава Л. И. Тимофеева по-новому освещает закономерности литературного процесса 20-х годов. Работы о советской литературе собраны в книге «Советская литература. Метод, стиль, поэтика» (М. 1984).

Исследователь (совместно с Г. И. Ломидзе) руководил коллективом ученых, работающих над «Историей советской многонациональной литературы» в шести томах, издание которой близко к завершению. В первом томе, вышедшем под редакцией Л. И. Тимофеева (М. 1970), помещена его статья «На пути к творческому единству», посвященная формированию идейно-художественных принципов многонациональной советской литературы как особого социально-культурного и эстетического единства нового типа, возникшего в результате победы Великого Октября.

Цикл работ Л. И. Тимофеева посвящен стиховедению, причем стих изучается им в соответствии с общей стиховой системой поэтического произведения. Итог стиховедческих изысканий — книга «Очерки теории и истории русского стиха» (М. 1958).

Всего же за полвека работы в литературной науке Л. И. Тимофеев написал более трехсот трудов, в том числе двадцать книг. Весьма закономерно, что в 1958 году он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

А деятельность исследователя, связанная с высшей и средней школой! Являясь профессором МГУ и Литературного института имени Горького, Л. И. Тимофеев воспитал много будущих ученых, писателей. Более 100 человек защитили под его руководством докторские и кандидатские диссертации.

Украинский поэт Микола Нагнибеда назвал Л. И. Тимофеева «щедрым другом» молодых поэтов. Это качество особого человеческого таланта Л. И. Тимофеева ощущает каждый, кто с ним соприкасается.

Б. ГОНЧАРОВ

Ю. О. ЗБАНАЦКОМУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе, Совет по детской и юношеской литературе и Комиссия по военно-художественной литературе направили Юрию Олимпиевичу Збанацкому приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного писателя и общественного деятеля, с 60-летием со дня рождения.

С юных лет начав трудовую деятельность, Вы прошли большую жизненную школу как учитель и директор школы, партийный работник и журналист. В годы Великой Отечественной войны Вы сражались в тылу врага, командовали партизанским соединением имени Щорса. За подвиги, проявленные в боях, Вам присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Опыт, полученный Вами в работе и сражениях, дал Вам богатый материал для создания художественных произведений.

Ваша литературная деятельность особенно плодотворно развернулась в послевоенный период, когда Вы создали ряд талантливых книг — рассказы, повести и романы, издававшиеся также и в переводе на русский язык и языки других братских народов.

О высоком общественном резонансе Вашего творчества свидетельствует присуждение Вам звания лауреата премии имени Н. Островского за роман «Малиновый звон» и Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко — за роман «Волны».

Много сил и энергии отдаете Вы общественной деятельности, член правления СП СССР, член ВЦСПС, секретарь правления СП Украины и руководитель Киевской писательской организации. На протяжении ряда лет Вы плодотворно работали в партийном комитете СП Украины.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов, большого счастья».

■

Несколько раз жизнь сводила меня с Юрием Збанацким, и всегда я испытывал одинаковое ощущение, будто знаю его очень давно, с военных лет, хотя познакомились мы с ним в мирные дни, в шестьдесят пятом году, во время поездки в США. «Боинг», рея реактивными моторами, летел в кромешной тьме над океаном, крупные капли высотного холода скользили по черному стеклу иллюминатора, самолет начало, пол под ногами ненадежно вибрировал, две стюардессы, плениительно улыбаясь, обходили салон, неи бы одним видом своей рекламной красоты успокаивая пассажиров, а мы, помню, говорили, посмеиваясь, о человеческой судьбе, о том, что, черт его дери, вышли из войны живыми, а тут вот нежданно-негаданно новырнешься вместо с «боингом» в морскую пучину и спасательный пояс не успеешь вытащить из-под сиденья. Збанацкий шутил, острил, даже попытался завязать разговор со стюардессами, знал лишь три слова по-английски, и исходила от него какая-то искрящаяся волна душевного здоровья, украинского юмора, того мягкого и немарочного юмора, который так помог нам впоследствии при встречах с разными людьми Америки.

Позднее меня покорила и еще одна черта Збанацкого — это неиссякаемое любопытство к людям. Тогда я прочитал только одну его книгу — «Тайна Соколиного бора» — и угадывал, как это обычно бывает, совпадает ли мое созданное представление об авторе с его действительным обликом. Его непосредственность, искренность, его ясное, незамутненное ощущение жизни говорили мне: да, он должен любить детей, поэтому так светосонно пишет о них и так соучастливо вместе с тем рисует их характеры, обожженные войной.

Прошел не один год, и я прочитал почти все, что потом было написано Юрием Збанацким,—от романов «Малиновый звон», «Единственная» до романа «Волны», — и то первое ощущение не пропало, оно усилилось, и вспомнил раз овевало меня воздухом молодости, добротой, человечностью, жизнелюбием, хотя нередко страницы его книг пронизаны и трагедийным тоном, и жестокостью, и горечью военных лет.

Соединение памяти и воображения создает писателя. Память неотделима от биографии художника. Юрий Збанацкий прошел такую нагруженную школу жизни — от сельского учителя до командира партизанского соединения, — прошел через такие сложности военного и невоенного бытия, что приобретенного душевного опыта, до предела насыщенного, вполне достаточно, чтобы иметь право сказать: «Я жил и живу в своем времени, и я всей биографией, всем своим талантом осмысливаю движение этого времени».

Мы знаем, что деятельность ученого — синоним открытия, профессия рабочего — синоним окружающих нас материальных ценностей, работа крестьянина неотделима от понятия «хлеб», имя писателя связано с ценностями духовными, то есть с книгой, с идеей любви к людям, ради которых и осмысливается правда эпохи, та высокая правда, что помогает человеку познать самого себя.

В последнем романе Юрия Збанацкого жизнь человека сравнивается с волнами, набегающими одна за другой. Мне хочется думать, что 60 прожитых лет, срок спокойной зрелости, — это та волна, которая принесет с собой новые книги, нам свежими морскими брызгами, осыпанные сквозь солнце блестками юмора, терпкого и метного слова, радующие нас нравственной мудростью писателя.

Юрий БОНДАРЕВ

**

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ДИАЛОГ

...ИЗ РЕКИ ПО ИМЕНИ — «ФАКТ»

В. ГУСЕВ — критик и прозаик, кандидат филологических наук. Автор книги «Я середина века» (о лирической поэзии 50-х годов), сборников повестей и рассказов «Утро и день», «Огонь в синеве», «Год как день», повести о С. Боливаре «Горизонты свободы».

А. ПРОХАНОВ. Насколько я понимаю, цель нашей дискуссии — выяснить, отчего в настоящее время повысился интерес искусства к факту, документу, к первооснове искусства. Отчего композитор, приходя на строящуюся ГРЭС, внимает какофонии звуков, а потом магнитофонную запись использует в своей симфонии?

Отчего писатель вставляет в свои художественные полотна куски стенограмм, интервью, строки из газет, из официальных материалов, копии политического документа и на точно построенном ряде реальных фактов создает не короткий рассказ, не эссе, а эпопею.

Разумеется, эксперименты в живописи и скульптуре — явление несколько другого порядка, нежели документализм художественной литературы, но, существующие параллельно, они толкают к поиску общих истоков.

Во всяком случае все это широко известно и достаточно любопытно, чтобы попытаться во всем этом разобраться.

В. ГУСЕВ. Несколько немедленных уточнений, Александр Андреевич. Они необходимы, иначе далее разговор пойдет не по тому руслу. Интерес к документу повысился не «в настоящее время», а давно. «Война и мир» с жанровой точки зрения — документальный (или как минимум полудокументальный) роман. «Лефы» в двадцатые годы говорили о замене прежнего искусства искусством факта как о деле решенном. С тех пор прошло много лет, «искусство факта» существует, но искусство иное — существует и развивается. Недавно Сартр и Энценсбергер опять хоронили искусство «в пользу» публицистики и опять-таки документа и факта, но оно и это выдержало. Что же касается композиторов, любящих лязг железа, и скульпторов, монтирующих пропеллеры с сухими цветами, то и это в принципе не ново, однако не привилось.

Вопрос о роли и функции документального, фактического начала в нынешнем творчестве, взятого как одно из проявлений современного художественного мышления (проявлений важных, но не абсолютных), конечно, эстетически интересен. Тут действительно давно бы надо внутренне расставить некоторые точки над «и».

Я это к тому, что не будем с самого начала выдавать частное и спорное за абсолютное и бесспорное. Духовная культура новейшего времени и так уже слишком много страдала от подобных абсолютизаций. Искусство рельефно, живо, объемно, многообразно, многомерно. Если отнять от него это, то ничего не останется, кроме абстракций, а на них далеко не уедешь.

А. ПРОХАНОВ. Уточнения существенные, Владимир Иванович. Так вот, я имею в виду именно ту область, тот жанр, который на фоне литературных процессов десятилетней давности выглядит достаточно новым и авангардным. Действительно, у «искусства фактов» есть традиция, и именно это доказывает, что эксперименты 20-х годов не пропали даром, привились. Во всяком случае, время от времени (сегодня, например) мы наблюдаем рецидив этого явления. Почему? В этом хочется разобраться.

В чем, в самом деле, сила, пленительность документа? Очевидно, в том, что документ, как ничто другое, имеет дело с фундаментальной категорией человеческого сознания — временем. Теперь, когда ежеминутно возникают и отмирают миллионы явлений, предметов, конструкций, это качество документа особенно ценно.

Человек борется с потоком перемен и исчезновений. Искусство, художественная литература помогают ему в этом.

Мы пытаемся выхватить из горнила времени фрагмент, кусок. Время, с которым он связан, пролетит, документ же останется с нами. Мы его пристально рассматриваем, изучаем, включаем его в свою прозу, перекладываем на музыку, воплощаем в монументах...

Как у Маяковского?

Воспаленной губой
припади
и попей
из реки
по имени — «Факт».

В. ГУСЕВ. Изучая документ, художник не останавливается на уровне первичных фактов и ощущений.

А. ПРОХАНОВ. Нет, не останавливается, но импульс этот чрезвычайно важен. Художественное мышление связано с актом художественного обобщения. И документ, попадающий в поле зрения писателя, подвергается художественному обобщению. Но обобщение это сегодня отходит от традиционных форм. Мы имеем дело с новым, не классическим способом художественного синтеза. Пожалуй, это дает возможность говорить о столкновении литературы публицистической с литературой традиционных жанров, классических приемов и методов осмысления реальности.

Когда мы на Новгородском раскопе обнаруживаем берестяную грамоту, в которой говорится, что купец Алтынов посылает тридцать гривен серебром другому купцу на Софийскую сторону, то эта простая коммерческая запись приобретает для нас не просто информационную ценность, но и историческую. Малоинтересная с точки зрения современного бухгалтера, она доносит до нас аромат древности. На почерневшей от времени бересте мы видим отблеск золотых куполов Софии, отражение белых и розовых соборов, бег Волхова. В этой бересте — гром мечей на ледовой сече. В ней — документ истории, национальной духовности, в ней — эстетическая сила. На документ проецируется множество разнообразных явлений жизни, науки, искусства и нашей фантазии.

Точно так же нас «гипнотизирует» старая газета, пожелтевший лист бумаги, аккумулирующий в себе события прошедших времен, свидетельство очевидца...

Однажды в качестве корреспондента «Литературной газеты» я присутствовал на военных маневрах и попал на место прогремевшего учебного танкового и мотострелкового боя. Снег был изрезан гусеницами, залит соляркой, земля исковеркана взрывами. И среди этой каши снега, железа, меди я наткнулся на обрывок письма.

Это было письмо, полученное солдатом из родной деревни. В нем сообщалось о здоровье близких, о том, что тетя Маня переехала в соседнюю деревню, отелилась корова Зорька... Шли многочисленные поклоны от близкой и дальней родни. Я читал это бесхитростное деревенское письмо, и передо мной вставала судьба этих людей. Мне хотелось в свой репортаж вставить это письмо, перефотографировать его, чтобы и другие, читая мои донесения с поля боя, увидели обугленный край листка, деревенский неумелый, неловкий почерк...

В. ГУСЕВ. Вы несколько подменяете предмет разговора. Говоря здесь «документ», вы, собственно, имеете в виду не столько документ как таковой — явление совершенно определенное и конкретное, сколько самое человеческую жизнь в ее многообразии, в ее ускользающих проявлениях: сколько само «утраченное время», по которому тоскуют сознание, сердце.

Если так понимать дело, то с этим трудно спорить: искусство только тем и занято, что «улавливает» жизнь, внешнюю и внутреннюю; только о том и заботится, чтобы отразить, сохранить, осмыслить ее. Но слово «документ» — тут слишком частное и ограниченное, и никакие «наглядные примеры» с отрывками из писем и берестяными грамотами здесь не убедят до конца.

Вы сами признаете, что от «обобщения» (претворения! трансформации! осмысления! субъективного взгляда! фантазии! да мало ли подобных понятий вы вместе со словом «обобщение» впускаете в свой стан!) никуда не уйти, но что изменились сами способы обобщения.

Как изменились? Каковы итоги? Вот что хотелось бы знать.

А. ПРОХАНОВ. Попробую пояснить свою мысль. Искусство перестало быть элитарным, перестало концентрироваться в мастерских художников, быть принадлежностью только творцов искусства, посвященных, жрецов. Оно выплеснулось на улицы, в пространство. Сфера искусства необычайно раздвинулась, сама среда предельно эстетизирована. Любой факт, помещенный в эту среду, становится явлением искусства, элементом искусства, составной его частью.

Другими словами, предмет, самый заурядный, попадая в напряженное поле искусства, сам становится носителем эстетической ценности.

Нечто подобное происходило и с сознанием человека. Оно потенциально подготовлено к восприятию сложнейших эстетических ценностей.

Современный зритель, современный читатель настолько искушен, что в нем идет непрерывная духовная генеризация, он находится в постоянном поле интеллектуального и художественного напряжения. Он ждет лишь повода, легкой провокации, чтобы осуществить в себе творческий акт. Поэтому любой факт, «дикий факт», не отшлифованный мастером, брошенный в сознание читателя, зрителя, слушателя, становится началом мгновенной духовной реакции.

В. ГУСЕВ. Это достоинство читателя. Но каково же достоинство самого писателя?..

А. ПРОХАНОВ. Роль писателя — в подборе фактов, в тончайшей игре, манипуляции ими, в знании той «внутренней типологической обстановки», куда этот факт ввергается... И еще — в корректном отношении к факту. Читатели часто сетуют, что писательские эмоции их отвлекают.

Современные документы бывают столь потрясающие, что поражают сознание. Снимок участка головного мозга под электронным микроскопом вызывает ощущение неземного ландшафта: плавающие континенты, алые моря, невиданные сочетания формы. Снимок Земли через длиннофокусный объектив...

В. ГУСЕВ. Тут дело не в документе, а как раз в удивлении, чувстве фантастики, то есть отнюдь не в самих документальных категориях.

А. ПРОХАНОВ. Ну, разумеется! Задачи документалиста — удивить фактом, вызвать эмоциональную реакцию. Сделать «некультурный факт» объектом «культурных переживаний». Вообще современная культура занята сегодня гигантской работой по «втягиванию» в свое поле доселе «некультурных» явлений.

Это касается и языка. Документ составляется в определенном речевом стиле. Принято нападать на газетный язык. Мы называем его «суконным». Но этот стиль универсален, незаменим и, если хотите, изыскан: он отшлифован, экономичен, он прошел отсев, отбор временем, которое убрало из него все лишнее. Это своеобразный код, на котором скупо можно рассказать обо всем. Надо уважать его за пластичность, емкость, относиться к нему не как к провалу, огреху, а как к явлению новой документальной эстетики.

В. ГУСЕВ. Кодовый язык — это язык клише, телеграфа и компьютеров, а человек пока еще претендует на индивидуальность, неповторимость и живую полноту духовной жизни.

А. ПРОХАНОВ. Я вижу, вы скептик. Документ не кажется вам самостоятельной художественной реальностью. Для меня же подбор и классификация документов — это увлекательная «игра» с реальными фактами. В результате этой «игры» на бесконечной клавиатуре документов может возникнуть новая структура. Мне кажется, что в комплексном использовании классических средств и документальных свидетельств самой жизни, в синтезе их заложена большая творческая потенция. У нас под рукой, с одной стороны, арсенал классики, с другой — удивительная нарождающаяся реальность. Ввести эти категории в сцепление — и родится новый эстетический эффект.

Вот и на современном ландшафте происходит становление принципиально нового земного состояния техносферы: слияние тундры, пустыни, тайги с новейшей техникой.

Возьмем писателя-документалиста. В его записных книжках запечатлена характеристика времени, мгновенный блиц того, что он видит, и того, чем сам он является в этот момент. Находясь в средоточии современности, он помещает себя в новую нарождающуюся социально-экономическую реальность, сам оказывается увлеченным временем, частью этой реальности. И когда он, исследуя свои собственные состояния, обращается к самому себе, получается, что он ведет репортаж о самом себе, как о факте, документальном носителе времени.

Противоречие между внутренним и внешним снимается. «Я» как факт, документ мироздания несу в себе оттиск этого мироздания. Я, исповедуясь, веду репортаж с борта современности.

В. ГУСЕВ. Что ж, это характерно для всех времен и для всех художников. И все это опять-таки относится к той сфере, которую мы называем «изучение жизни художником», «близость к жизни», «расширение жизненных связей» и т. п. Документализм — лишь составная часть этой сферы... Вы правы в другом: колоссальный, перенасыщенный опыт века давит на сознание художника. Возникает ситуация, когда как бы не до жиру; успеть бы, суметь бы отобрать, выбрать — а «придумывать» как бы ничего и не надо: жизнь так перенасыщена, что всякие выдумки бледнеют... Есть и такое обстоятельство, как все усиливающееся стремление современного человека к несомненности, «фактичности» факта. Психологически это, быть может, еще более важно, чем расширение технического, индустриального и т. п. опыта человечества.

А. ПРОХАНОВ. Именно об этом я и говорю. Разве не так?

В. ГУСЕВ. Все так, и все же приходится напомнить изначальное и непоколебимое: искусство в основе своей — деятельность «отражательная», идейная, духовная; даже используя документ, даже орудуя глиной и мрамором, даже вводя в оркестр любимые вами звуки железа, оно не может уйти от своей сути. А суть состоит в том, что оно выражает нечто, а не является просто звуком или просто куском камня. Оно духовно интерпретирует мир, а не стремится лишь выхватить или скопировать его динамические фрагменты. От этого никуда не уйти, иначе не были бы безжалостно позабыты эксперименты футуристов и лефов, надрывные, но недолговечные, как поделки, ярмарки поп-арта. Дохлые крысы и пр., которые выставлялись на этих ярмарках, — не утрировка, а именно реальная логика самой идеи — стоит лишь ее продумать как следует, до конца.

Документ, реальный факт важен, но и он — не фетиш; суть не в нем самом, а за ним. Таково искусство, и при нарушении этого принципа оно мстит за себя. Жизнь не терпит лишних дублей; не потерпела бы и искусства, если бы роль его была только в том, чтобы копировать, документально «намекать», выхватывать, производить первоначальный отбор. Кому нужны только документы, пусть обращаются к историкам, археологам и другим; не искусство виновато, что те порою не выполняют своих задач... Искусство же как духовная деятельность должно, на мой взгляд, в наше время быть более ответственным и глубоким. Вы говорите, читатель ждет документа, ему, читателю, только намекни, он сам все поймет. Но, мне кажется, «читатель» (вообще-то понятие это весьма неоднородно, читатель — разный) если чего-то и «ждет», то глубокого анализа духовного состояния современного человека, выявления проблем, которые ведут к коренным принципам жизни. Документов достаточно, документов уже «хватает»; нужен анализ и синтез, нужно то, что за документом, а этим-то и занята серьезная художественная литература.

Возьмите сегодняшних писателей. Действительно, документальное, вообще фактологическое начало для многих из них весьма важно. Но при первом же приближении оказывается, что документ, реальный факт — лишь первая посылка, лишь отправное, а далее начинается более глубокое и заветное. Ю. Марцинкявичюс пишет поэму «Кровь и пепел», основанную на реальных фактах; но личность поэта — та самая «психология», «индивидуальная точка зрения», на которые вы так сердиты! — но его переживание, его мысль, ведут все повествование; мало того, даже в (его же) драматической поэме «Миндаугас» дела обстоят подобным же образом. За диалогами и монологами давних исторических лиц, исполненными «абстрактным», гибким и весьма условным «полусвободным» стихом (перевод А. Межирова) — опять к вопросу о полном жизнеподобии! — за рассуждениями героев о гуманизме и доблести, о братстве и вражде — прямая мысль, допущение, чувство автора, озабоченного судьбами современного земного шара.

Ю. Трифонов пишет документальный роман «Нетерпение», где через документ открыто «просвечивает» стремление к анализу и синтезу всей социально-духовной внутренней жизни и исторического опыта России XIX века. Это и есть, кстати сказать, та «синтетичность», которая нужна, а не та, о которой вы говорите. Вообще слова «синтез», «синтетичность» сейчас стали слишком популярными, отчего значение их несколько расплылось: но согласитесь, что сам факт популярности этих, таких слов говорит о том, что ваша идея о непобедимости и всесилии документа как такового несколько односторонняя. А. Битов пишет об Армении, и по внешней форме это произведение — путевой очерк; но, как многие писали, потому-то оно и было замечено, что за «очерковостью» — подробный «отчет» о духовном состоянии. (К вопросу о том, чего же ждет читатель!)

В. Катаев пишет свои «Траву забвения» и «Фиалку», всячески педалируя верность действительным фактам, «всамделишности» сцен, событий: мелькают знакомые фамилии, названия улиц, историческая хроника и даже обыкновенная информация, исполненная в нарочито «газетной манере» («Фиалка»).

Но в центре — проблемы «духа и жизни», и это видно пусть не сразу, но во всем: в подчеркнуто одухотворенных картинах природы, во включениях авторского «я», в попутных афоризмах...

Что касается «военной темы», которая всем близка, то, например, такой писатель, как Ю. Бондарев, чьи книги насыщены фактами, относящимися к Отечественной войне, чем далее, тем интенсивнее ищет за фактом смысл, за громом орудия, бьющего прямой наводкой по приближающимся танкам, — философию войны, мира, жизни. Задача неимоверно трудна, в ней много подводных камней, но очевидно, что Бондарев «соглашается» на эти трудности совершенно сознательно и упорно.

Олжас Сулейменов печатает поэму, основанную на фактах древней истории, но в пользу своей художественной идеи «препарирует» эти факты таким образом, что их почти и узнать-то нельзя — и никто не в обиде... В. Распутин рассказывает о путешествии к местам детства, но весь интерес повествования — не столько в реальных описываемых фактах (хотя и в них тоже), сколько в размышлении о них...

Пафос сегодняшнего дня — это как раз порыв в глубину, в высоту, это как никогда напряженное стремление разобраться в сути жизни, осуществить синтез ее в своей душе — синтез в глубоком, ответственном смысле слова.

А. ПРОХАНОВ. Я слушал вас, Владимир Иванович, и со многим просто трудно не согласиться. В сущности, наши разногласия не столь уж конфликтны. Я только не могу принять ту мизерную роль, которую вы отводите первооснове искусства, литературы, несправедливость пропорций факта и его обобщения. К тому же, мне кажется, мы ориентированы на качественно разного читателя.

В. ГУСЕВ. И все-таки на одного и того же. Но в отличие от вас я наблюдаю в окружающих людях, в обществе все растущее пренебрежение и даже раздражение к слишком специализированному, слишком фрагментарному, слишком «пластическому» мышлению, чувствованию; люди, как воздуха, хотят, жаждут сути и целого... Вы говорите — документ сам по себе уже есть обобщение. Так? Но это обобщение, так сказать, первичное, а нужно идейное, познавательное, духовное претворение, именно синтез...

Что же касается того принципа, что читателю дай только факт, а в остальном он и сам разберется, — то в этом есть свой резон, только... не с точки зрения искусства, литературы как духовной деятельности...

Читатель, может, и разберется; но мы-то должны делать все от нас зависящее и все, что отвечает требованиям серьезного творчества, а не надеяться на всепонимание читателя; в конце концов читатель — если умный — документ и без нас найдет...

У искусства же задача более ответственная, чем только лишь найти документ.

Документ — мощнейшее орудие художника, литератора XX века с его, века, плотнейшим и бурным опытом; но — лишь орудие, средство... а не сама суть.

«Суть» же — понятие более весомое и внутреннее; мне кажется, мы сейчас, как никогда, должны сознавать это.

Только это я и хочу сказать...

Запись диалога
Лианы ПОЛУХИНОЙ

А. ПРОХАНОВ — прозаик и публицист. Автор книги повестей и рассказов «Иду в путь мой», сборника очерков «Неопалимый цвет». Очерки А. Проханова публикуются в «Правде», «Литературной газете», «Москве», «Смене» и других центральных изданиях.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации А. Белюкина к сборнику рассказов Эвалда Вилкса «Первый вальс». Издательство «Художественная литература»

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

ОН НЕ ТЕРПЕЛ РАВНОДУШНЫХ

Исполнилось 70 лет со дня рождения Михаила ГОЛОДНОГО

ТРУДНОЕ это дело — писать воспоминания. Начнешь ворошить прошлое, и, честное слово, порою становится больно: самое дорогое всегда глубоко прячется, на донышке. И покуда извлечешь это все из глубины души, сколько раз напомнишь себе о человеке, о котором ты пишешь. А его уже давно нет. А ты еще хорошо помнишь его живой голос, его улыбку, его манеру говорить. Все его «особинки». И как он ходил, и как обращался к людям, и как относился к ним в том или другом случае.

Михаил Голодный относился к людям пристрастно. К словам — горячо. Температура его мироощущений всегда была очень высокой.

По Цельсию, по Реомюру,
Как бешеная, ходит ртуть:
Меняет мир температуру...
Смотрите!
Он меняет шнуру,
Руками прикрывая грудь...

Это из знаменитого в свое время стихотворения Михаила Голодного «Речь в ямбах о международном положении». На каких бы литературных вечерах мне ни пришлось встречаться с поэтом — он почти всегда читал эти стихи. Голос у него был совсем тихий. Но читал он гневно. Огненно. И вместе с тем — музыкально. Как бы вызванивая, выпевая строку. Чем-то это было похоже на то, как читал стихи Михаил Светлов. Да и не удивительно. Оба они были люди одного поколения. Родились и выросли в одном городе. Одновременно вступали в литературу. Однокашники. Товарищи.

Даже внешне, даже в том, как он одевался, Михаил Голодный нам бы старался подчеркнуть свою постоянную «воинствующую» причастность к бурному нашему веку, и молодежи, и неистовому комсомольскому племени. Редко я видел его в обычном партикулярном платье. Чаще всего на нем была темная — воинского образца — гимнастерка, перехваченная поясом. При всей этой внешней воинственности — очень мягкого склада лицо и замедленно неторопливые движения.

Это до той поры, покуда разговор не касался современной поэзии. Или общих (а значит, и личных!) врагов. Тот, кто посягал на широкое общенародное предназначение поэзии, кто поднимал руку на ее демократичность, кто хотел превратить ее в мелкие цветные камешки, ублажающие любителей изыска, — тем объявлялась война бескомпромиссная и решительно неуступчивая.

У Михаила Голодного был свой большой читатель. Молодежь любила его стихи. Пела его песни — «Партизан Железняк», «Песня чапаевца» и другие...

В начале 1937 года в издательстве «Огонек» вышла первая моя книжка. В ней были собраны стихи, которые я печатал в «Комсомольской правде». Тогдашний клуб писателей решил устроить обсуждение этой книги. Председательствовать на вечере был приглашен Михаил Семенович. То, что известный поэт согласился вести вечер молодого, в сущности говоря, неизвестного поэта, тоже в определенном смысле характеризует душевную природу Голодного. Обсуждение состоялось 13 марта 1937 года. С тех пор я праздную это число. И очень его люблю. Сохранилась стенограмма этого вечера. Вот всего только одна выдержка из вступительного слова Михаила Семеновича: «Те поэты, которые не носили в себе органически материал современности, оказались позади жизни. Они в конце концов должны были убедиться в том, что поэзия живет только тогда, когда она связана с современностью, в этой самой современности находит свой органический материал, отношение к этому материалу и таким образом закрепляет что-то новое».

Более всего поэт Михаил Голодный боялся остаться позади жизни. И позади времени. Он не любил полуправды, полудружбы, полусчастья. Он не терпел равнодушных. Самым желанным и самым романтичным героем его стихотворений было Время. Откройте книгу поэта. Почитайте его стихи. И вы убедитесь в этом сами.

Сергей ОСТРОВОЙ

Михаил Голодный (сидит) и *Дмитрий Кедрин*

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ!..»

Решительно не представляю, как пишутся литературные портреты, и вовсе не полагая залезать в «критический огород», я тем не менее решил вспомнить о нескольких встречах с Владимиром Тендряковым и высказать некоторые соображения о его прозе. Нет нужды особо называть причины, побудившие меня взяться за него, — надеюсь, читатель все поймет из помещенных ниже заметок.

...Нас познакомили в 1965-м, зимой. Тендряков, порасспросив об Иркутске, сказал: «Собираюсь к вам, в Сибирь. Интересно посмотреть». С вежливым невниманием я пробормотал: «Конечно, ради бога, милости просим», — но не поверил его словам: многие собираются в Сибирь, да немногие приезжают.

Но он приехал, в том же году, в теплый дождливый июньский день, когда и положено, по народной примете, приезжать хорошим людям.

Мы улетели в Братск. Там было ветрено, солнечно и просторно. Помню, мы долго поднимались по сумрачным, гулким переходам на гребень Братской ГЭС. Поднялись и чуть не ослепли от зеленого блеска моря, чуть не задохнулись от влажного, свежего верховика. Наша провожатая, инженер Наташа Синицына, с некоторой торжественностью объявила:

— Мы находимся на 407-й отметке над уровнем Великого океана.

Посидели на теплом, забытом плотниками брусе, покурили, потом вбили подвернувшийся гвоздь-«сороковку» в сосновую доску — оставили, так сказать, свой гвоздь.

Тендряков был весел, ласков, часто повторял: «Прекрасно! Ах, как прекрасно!» — и медленно, запоминая, оглядывался. Вечером мы почему-то решили подняться еще на одну высоту — на крышу недостроенной метеообсерватории. Преодолев кучи битого кирпича, песка, обломков штукатурки, побалансировав по каким-то жиденьким досточкам, завершили это причудливое восхождение на плоской асфальтовой площадке, обнесенной железными поручнями. Невидимо плескалось Братское море, в его черной мгле как-то печально и желто помаргивал огонек плавучей метеостанции, нас обдавало теплыми волнами запахов цветущего шиповника, влажной травы, дальнего рыбацкого костра. Тендряков снова, со счастливыми вздохами, повторял: «Прекрасно! Ах, как прекрасно!» — должно быть, размягчившись, разнежившись душой от необъятных сибирских пространств.

В ту пору я и понятия не имел о его крутом, неукротимом, порой нетерпимом нраве. Не был еще свидетелем его беспощадных, прямо-таки яростных споров, когда он холодно белеет лбом, когда напрягшиеся губы спокойно выговаривают хлещущие слова и презрительно вздрагивает заносчивый суворовский хохолок (если уж быть совсем точным: почти суворовский, который, к сожалению, невозвратимо поредел). Когда Тендряков может среди мирной, тихой беседы вдруг вспыхнуть, вскочить, заметаться от приступа гнева.

Но в то лето он был мягок и ровен. И в Братске, и позже, в Улан-Удэ, где посреди ослепительной жары овевал нас добрый бурятский дух, олицетворенный в Цыден-Жапе Жимбиеве, однокашнике Тендрякова по Литературному институту. Наверное, душевное равновесие Владимиру Федоровичу сохраняли сибирское хлебосольство и почти полное освобождение от литературных разговоров.

...Через год или два, не помню, но тоже летом я приехал к Владимиру Тендрякову в Красную Пахру. Походили под дачными соснами, по дачным тропинкам: он был поначалу отсутствующе-рассеян и сонлив — только-только встал из-за рабочего стола. Но потихоньку разошелся, разговорился, наконец вовсе воспрянул. Остановился под сосной и, часто, коротко тыча в мою сторону мундштуком, воскликнул:

— Что в сочинительстве главное?! Главное: довести до невозможного! Доведешь, и тогда Раскольников обязательно убьет старуху, а Анна обязательно бросится под поезд. Доведи, доведи до невозможного! И тогда я тебе поверю.

Должно быть, это «доведи до невозможного» следует понимать как густой, почти неразбавленный настой, концентрат поступков, драматическое или трагедийное столкновение которых кончается мощным психологическим взрывом — после него рассеиваются все недомолвки, недоговоренности, все приблизительности, и оседают в наших сердцах боль и сострадание к изломанным, исковерканным судьбам; появляется необходимость задуматься и над своей жизнью в лучах этой боли, этого сострадания.

Его дар «довести до невозможного» самую заурядную житейскую ситуацию приобщает нас то к страстному, прямо-таки пламенному протесту против равнодушия («Ухабы»), то к мучительным раздумьям над судьбой доброй, работящей Насти, погрязшей во лжи («Поденка — век короткий»), то к безжалостному суду над леденящим душу жизнепродвижением Ивана Ивановича («Кончина»). Короче говоря, все написанное Тендряковым, или, вернее, почти все не позволяло и не позволяет дремать нашей совести, как бы говорит вслед за поэтом: «Не позволяй душе лениться!..»

Опрометчиво, конечно, думать, что «довести до невозможного» — единственно приемлемая творческая позиция в литературе. Есть иные, более плавные, более пластичные, что ли, способы изображения, тоже ведущие к художественному успеху. Можно, разумеется, и спорить об оценках того или иного отображаемого художником жизненного материала. Но тот пыл, та страсть, с которыми Тендряков отстаивает свою «веру», служат, на мой взгляд, воодушевляющим примером.

...Бывая в Красной Пахре, я всегда с безотчетным интересом рассматриваю тендряковский письменный стол. Удивительное сооружение! Со всяческими встроенными полочками, ящичками, шкафчиками, оно так необъятно, что за него можно усадить добрую писательскую организацию с персональными диктофонами и пищущими машинками. Строил или ставил его (иных глаголов и не употребишь) какой-то народный умелец из Красной Пахры, но, поддавшись известному старинному недугу, не достроил. Чего-то недовинтил, недовыстругал, недоприлепил. Сгорая от любопытства увидеть это уникальное произведение завершенным, я всегда спрашиваю:

— Так и не появлялся умелец?

Тендряков с унылой обреченностью разводит руками:

— Появляется и опять пропадает. А доделать не успевает...

Так вот, этот стол всегда завален книгами о новейших теориях в физике, астрономии, генетике. Утверждать не берусь, но, кажется, не только научно-популярными. В простоте душевной я недоумевал: и зачем он только голову забивает? — но недоумевал молча.

Тендряков несколько раз пытался приохотить меня к чтению подобных книг и, разжигая интерес, с большим подъемом пересказывал содержание той или другой. Я внимательно, даже напряженно слушал, стараясь понять эти головокружительные теории, но почему-то постепенно голос его становился далеким и невнятным, а перед глазами возникали фантастические переплетения фантастических приборов, в которых пульсировала, клокотала передовая мысль — и не потрогать ее, не увидеть, во всяком случае мне...

Однажды Тендряков пробовал втолковать мне некоторые сведения о «черных дырах» и утечке материи (прошу покорно всех физиков и сведущих лириков извинить меня за ненаучность терминологии). И мне вдруг стало страшно. Во-первых, страшно представлять себя утекающим куда-то в тартарары, во-вторых, стало страшно за ученых: как им-то не боязно заглядывать в эти бездны? Я признался Тендрякову в своем страхе и предложил поговорить о чем-нибудь сугубо земном, например о чеховской «Даме с собачкой». Владимир Федорович расхохотался и больше уже никогда при мне не тратил времени на научное просветительство.

Но вот читаю нынче «Весенние перевертыши», элегически-прозрачную прозу, несколько непривычную для Тендрякова. Впрочем, почему непривычную? Ведь принцип «довести до невозможного» торжествует и в ней: непримиримое столкновение Дюшки и Саньки Ерахн, кровопролитный поединок поэзии и тупой силы — он неизбежен, потому что Тендряков довел до невозможности их совместное существование. И вот читаю: «Пуста улица, нет грачей. Улица та же, но и не та — изменилась. Вот-вот... Кажется, он нащупывает след того невидимого, неслышимого, что заполняет улицу, крадется мимо.

Хлопнули где-то дверь, кто-то из людей вышел из своего дома. Скоро появится много прохожих. И улица снова изменится. Скоро, пройдет немного времени...

И Дюшка задохнулся — он понял! Он открыл! Сам того не желая, он назвал в мыслях то невидимое и неслышимое, крадущееся мимо: «Пройдет немного времени...».

Время! Оно крадется.

Дюшка его увидел! Пусть не само, пусть его следы».

Прочитав эти строки о зрнмом, движущемся времени в начале повести, я почему-то подумал: может быть, стоило осилить всю бездну специальных книг только для того, чтобы так написать о времени? А потом я уже, не останавливаясь, в один присест, освоил и рассуждение Левки Гайзера о конечном и бесконечном, и тревожное свидание Дюшки с ночным небом, и забавное предположение, что Дюшкина одноклассница Римка Братенева живет второй раз, а когда-то была женой Пушкина. И все мне стало понятно: вот оно, материализованное в художественное слово пристрастие Тендрякова к чтению научных книг.

Кроме того, подозреваю теперь, что чтение это питает бесстрашие мысли. Утекает материя? Что ж, посмотрим, что произойдет дальше, но пугаться не будем. «Черная дыра»? Заглянем. Разберемся. С научной дотошностью и пристальностью вглядимся в будущее.

...Как-то я допоздна засиделся у Тендрякова, и он пошел провожать меня до автобусной остановки. Подмерзшие, синие, уже ноздреватые сугробы источали влажно-морозный, горчивший оживающим тальником запах. Нет-нет, да соскальзывали с еловых ветвей рыхло-звонкие ошметки снега. Было звездно и тихо. Тендряков опять вздыхал: «Прекрасно! Ах, как прекрасно!», — поддаваясь движениям размякшей, разнежившейся души. Я подумал, что, пожалуй, именно в такие вот минуты и аккумулируется в ней, отвердевает художническое бесстрашие, которым Тендряков наделен в высокой и завидной степени...

Вячеслав ШУГАЕВ

Юлия ДРУНИНА

НОВЫЕ СТИХИ

Окончился семьдесят третий...

Окончился семьдесят третий —
В какую я даль забрела!
На яростной этой планете
Еще мне ворочать дела.

И сердце пока не устало,
И щеки, как прежде, горят.
И надо для счастья так мало —
Работу да любящий взгляд.

И снова уводит дорога
Туда, где стихов целина.
И надо для счастья так много —
Сознанье, что людям нужна.

А я сорок третий встречала...

А я сорок третий встречала
В теплушке, несущейся в ад.
Войной или спиртом качало
В ночи добровольцев-солдат?

Мы выпили, может быть, лишку —
Все громче взрывался наш смех.
Подстриженная «под мальчишку»,
Была я похожа на всех.

Похожа на школьников тощих,
Что стали бойцами в тот час.
...Дымились деревни и рощи,
Огонь в нашей печке погас.

Взгрустнулось. Понятное дело —
Ведь все-таки рядышком смерть...
Я мальчиков этих жалела,
Как могут лишь сестры жалеть.

Окопная звезда

И вот она — родного дома дверь...
Придя с войны, в свои неполных двадцать,
Я верила железно, что теперь
Мне, фронтовичке, нечего бояться.
Я превзошла солдатский курс наук —
Спать на снегу, окопчик рыть мгновенно,
Ценить всего превыше слово «друг»,
И слову «враг», понятно, знала цену.
Изведала санбатов маяту...
Одно не знала — никому не надо
Теперь мое уменье на лету,
По звуку различать калибр снаряда,
Ужом на минном поле проползать,
А если нужно — в рост идти под пули.
(В хвосте за хлебом у меня опять —
В который раз! — все карточки стянули.)
Меня соседки ели поедом:
— Раззява, растеряха, неумёха!
Меня в свой черный список управдом
Занес, как неплательщицу, со вздохом.
...И все-таки сейчас, через года,
Я поняла, солдаты, слава богу:
Окопная суровая звезда
В то время освещала нам дорогу.
И все-таки она нам помогла
Там, где житейские бушуют войны,
Не вылететь из тряского седла
И натиск будней выдержать достойно...

Болезнь

Рентген. Антибиотики. Микстуры.
Как Травиата, кашляю всю ночь.
И сокрушается профессор хмурый,
Что он ничем не может мне помочь.

Совсем обескуражен столп науки,
Мне даже в чем-то жаль его чуть-чуть.
Острей овал лица, прозрачней руки,
И куролесит в градуснике ртуть.

А если вдруг полночною порою
В беспамятство ныряю, как под лед,
Опять военной становлюсь сестрою
И раненого волоку в санвзвод.

Пороховой захлебываюсь пылью,
Рывок, бросок — спасительный кювет.
Еще одно, последнее, усилье,
И... жалко мне, что отступает бред.

Кассир

Он много лет сидит в своей сберкассе:
Быть может — двадцать, может — двадцать пять,
Он хром. И лысина его не красит.
Ему рукой до пенсии подать.

Сидит в своем сатиновом халате,
Пиджак и брюки истово храня.
Полтинник без раздумий не истратит,
Свою жену боится, как огня.

Но в День Победы, пробудясь до света,
Он достает, торжественен и строг,
Из старого потертого планшета
С отбитою эмалью орденок.

Потом стоит он в театральном сквере
Часами с непокрытой головой —
Стоит комбат, и веря, и не веря
Во встречу с молодостью фронтовой...

Была я рядовою на войне...

Уже давно предельно ясно мне
Ни от себя, ни от других не скрою:
Была я рядовою на войне —
В поэзии осталась рядовою.

Но на судьбу не сетую свою,
Я вовсе не довольствовалась малым:
Не знаю, кем труднее быть в бою —
Солдатом рядовым иль генералом?

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Полемические заметки Станислава Куняева «Разговор книгопродавца с поэтом» («ЛГ», № 44, 1973) *послужили началом* дискуссии о тиражах и читательском спросе, о делах издательских и книготорговых. Нами были опубликованы статьи Игоря Кобзева «Незавершенный разговор», Ал. Михайлова «Без вины виноватые?..», Риммы Казаковой «Вкус тех мандаринов...», читательские отклики («ЛГ», №№ 48, 49, 51, 1973 и № 1, 1974). Сегодня мы продолжаем публикацию писем.

В конце прошлого года наша газета опубликовала ряд материалов под рубрикой «Литература в школе». Это статьи А. Чудакова «Живое слово и каноны хрестоматий» (№ 41), полемические заметки Я. Билинкиса «Уроки для литературоведов» (№ 42), беседы с руководителями филологических факультетов Московского и Ленинградского университетов (№ 47).

Эти выступления вызвали живой интерес наших читателей. Мы получили много писем от выпускников школ, учителей, библиотекарей — одним словом, от всех тех, кого кровно волнуют проблемы преподавания литературы в нашей средней школе. Авторы писем единодушно отмечают важность разговора, начатого редакцией, делятся своими размышлениями о затронутых проблемах.

Часть писем из нашей редакционной почты мы сегодня публикуем.

■

Я очень внимательно и с огромным интересом читала все статьи об изучении литературы в школе, опубликованные в последнее время в вашей газете. Я даже их вырезала, чтобы дать почитать ребятам в классе. И вот решилась вам написать. А написать мне хочется только об одном — об учебниках литературы, по которым мне приходится заниматься. Знаете, что это такое? Да попросту справочник. Удивительно даже, почему он не изден в форме, например, таблиц. Посмотрите, несколько проще и нагляднее предстала бы перед нами заключенная в нем информация:

Ф. И. О.
автора
содержание
произведения
чьих интересов
был выразителем
в чем прав и
в чем неправ

Нет, не подумайте только, что я вообще против того, чтобы попытаться осмыслить социальную позицию автора. Нет! Я только против таких вот схем, раскладывающих произведение, что говорится, «по полочкам». Ведь как только прочитаешь о «Евгении Онегине» или о «Войне и мире» в учебнике, так уж после этого сами-то романы и читать не хочется

Ирина ТЮТЮННИКОВА,
ученица 10-го класса
КОЛОМНА

■

Вот уже 8 лет, как я окончила школу. Теперь у меня высшее образование, и, казалось бы, какое мне дело до того, что происходит в школе. Но нет, это не так, потому что до сих пор я не могу спокойно вспоминать наши уроки литературы, которые, увы, оставляли меня совершенно равнодушной к лучшим произведениям наших писателей. И это не преувеличение, поверьте. До сих пор, например, я очень не люблю Катерину из «Грозы». И все потому, что в течение двух месяцев (в мы изучали «Грозу» чуть ли не целую четверть) я слышала об этой ярчайшей героине Островского казенные, штампованные, окостеневшие фразы.

У меня растет сынишка. Ему еще только год, но я накупила ему уже гору детских книжек. Сколько в них жизнерадостности, ума, юмора! Но меня охватывает ужас, когда я думаю, что настанет время, мой сын пойдет в школу и литература вдруг превратится для него в «предмет, который проходят»...

Татьяне С.
СВЕРДЛОВСК

■

Я работаю библиотекарем и вот что часто наблюдаю. Перед очередным сочинением начинается паломничество школьников в библиотеку. В ход идут любые критические статьи, оттуда «выдергиваются» цитаты, из них потом «строится» сочинение. Однажды я возмутилась: на протяжении многих лет я добросовестно подбирала критические статьи для знакомой девочки, но когда однажды она вновь попросила «что-нибудь» на тему «За что я люблю свою Родину», я сказала что пора бы ей и самой подумать. А подумать девочка не могла, попросту не умела, а ведь училась она уже в десятом...

Да, тысячу раз прав В. Кусков, интервью с которым было недавно опубликовано в вашей газете, когда говорит о привычке ребят к шаблонным чужим словам.

Хелм КЛИМОВА
ПЯРНУ, ЭССР

■

Внимательно читаю все статьи рубрики «Литература в школе». С претензиями к школе я согласна. И все-таки читать эти статьи обидно до слез.

Я очень люблю свой предмет, но очень сожалею, что не послушала добрых советов и поступила на филфак. Если я сейчас дам волю своим горьким чувствам, мне будет мало тетради. Постараюсь короче и о самом главном, наболевшем...

Попробуйте-ка прийти в школу и за 90 минут в неделю (!) в 4—7-х классах и за 2 часа 15 мин. в неделю же в 8—10-х научить ребят всему тому, что мы хотим от них услышать. Причем в классе, как правило, будет 40 (!) человек.

И еще одно обстоятельство, справедливо отмеченное в интервью с В. Кусковым, — несоответствие программ по литературе и истории. Можно добавить, что такого рода «несоответствий» еще больше: программа — одно, учебник — другое, экзаменационные билеты — третье, а методические разработки и рекомендации — четвертое.

Ну, вот вам пример: я говорила на уроке о «Железной дороге» и «Размышлениях у парадного подъезда» Некрасова. Все было и чтение вслух, и анализ, и музыка, и репродукции. В классе стояла какая-то особенная тишина. Из кабинета я выходила счастливая. А на следующем уроке — примитивные ответы, невразумительное бормотанье. Кто виноват? Ведь ученики искренне хотели ответить хорошо. Но, очевидно, моего рассказа им оказалось мало. Многим нужно было бы почитать еще и учебник. А в учебнике об этих произведениях Некрасова нет ни слова, хотя в программе они указаны в первую очередь...

В. АНДРЕЕВА,
учительница
11-й средней школы
гор. ЭНГЕЛЬС

Стоит ли бить тревогу по поводу нераспроданных книг! Да, стоит. Неоспоримый факт, что часть книг, поэтических сборников не расходится, а оседает на полках книжных магазинов Москвы, других городов и особенно в сельской местности.

И прав С. Куняев, говоря о том, что если мы расходуем лесные богатства, труд тысяч людей на изготовление бумаги, то нужно печатать на этой бумаге не такие книги, чтобы их списывать.

И. Кобзев предупреждает издательства, чтобы они не ориентировались «на зыбкие мерила книгопродавцев», что спрос на книгу — это «торговая водкость», которая не может служить «индикатором художественности». Таким образом, он категорически отрицает изучение спроса на книги. А ведь «индикатором художественности является само произведение. Плохо написанной книге никакая критика не поможет, не сделает ее хорошей, не привлечет к ней внимания читателя.

Журналист Л. Первоушина пишет: «...В библиотеках страны среди 3 миллиардов 300 миллионов изданий около миллиарда книг бездействуют... В обменных фондах лежат новые, целехонькие сборники стихов, романы, повести... У всех (библиотек. — В. А.) аналогичной литературы в изобилии — по стране более 20 миллионов экземпляров» (журнал «В мире книг», № 3, 1973).

От списания и уценки книг ежегодно Книготорговые организации терпят убытки в сотни тысяч рублей. Вот они, «индикаторы», указывающие не то, что издательства не учитывают читательский спрос при составлении своих тематических планов и издают книги, не нужные покупателю, не читаемые в библиотеках.

И. Кобзев, желая уязвить С. Куняева в его незнании, пишет: «...С. Куняев риторически вопрошает: «почему же издательские работники игнорируют читательский спрос?» К сожалению, тут обнаруживается еще одна досадная неточность... Куняев должен бы знать, что тираж каждой новой книги определяется издательством в прямой зависимости от заказов книготоргующих организаций».

Одно дело — учитывать читательский спрос, другое — определять тираж. Это не одно и то же. Вот тут обнаруживается незнание И. Кобзева...

Кем правило, издательства включают в свои тематические планы книги тех или иных авторов на свое усмотрение и мало прислушиваются к просьбам книготорговых работников, работников библиотек, а следовательно, зачастую игнорируют читательский спрос.

Автор «Незавершенного разговора» все беды, связанные с нераспроданными книгами, видит в работе продавцов, которым «не хватает... ни подлинной культуры, ни уважения к своему труду, ни любви к книге». Согласен с И. Кобзевым, «что работа книжных магазинов оставляет желать лучшего». Но оценивать труд всех книгопродавцев, согласитесь, — «это както даже не очень благородно». К нам иногда приходят люди, не любящие книгу, но процент таких работников невелик.

Беда книжной торговли в другом. За последние годы книжная торговля переходит на коммерческую основу. Планирование прибыли книжному магазину значительно опережает рост товарооборота. Увеличилась нагрузка на одного продавца. Теперь один продавец продает в месяц книг не на тысячу рублей, а на две тысячи и более. При такой нагрузке даже продавцу, знающему свое дело и любящему книгу, не хватает времени на улучшение культуры торговли, на изучение книги.

Вопрос, затронутый «Литературной газетой», очень серьезный, и к решению его должны быть привлечены все специалисты: работники издательств, полиграфии и книжной торговли с широким участием читателей и писателей.

В. АБАКУМОВ,
директор книжного
магазина «Универсуя»
КИШИНЕВ

Прав, на мой взгляд, С. Куняев — надо чувствовать каждому поэту меру своего значения. Некоторые поэты действительно чересчур уж часто издаются, а иные авторы умудряются выпускать в год по 2—3 сборника, хотя спрос на их творения не особенно велик.

Но обвинять одних только поэтов в том, что по их вине не раскупаются и залеживаются книги, вряд ли справедливо. В Госкомиздате СССР есть Управление тематического планирования и координации, которое обязано контролировать тематические издательские планы во избежание повторения книг одного и того же автора в нескольких издательствах. Исключение, конечно, могут быть. Не следует и книготоргам, имеющим много книг какого-либо поэта, заказывать его новый сборник большим тиражом. Тогда не будет книг, обреченных на уценку.

А критике пора бы шире освещать поэтические новинки центральных и местных издательств. До сих пор процентов 80 поэтических сборников остается вне критики, проходит бесследно. Шумихи идет вокруг одних и тех же имен. В областные книготорги, как правило, поступает по десятку, по два книг этих авторов, и они раскупаются книжниками или же продаются из-под прилавка. В результате — хронический аншлаг при появлении каждой книжки той или иной «поэтической звезды»...

Зачастую на прилавках книжных магазинов подолгу залеживаются книги малоизвестных, а порой и известных поэтов с хорошими стихами, поскольку они не рекламируются ни в печати, ни работниками Книготорга. Стоит приехать какому-либо поэту — автору одной из таких книг — провести литературную встречу с читателями, как она моментально раскупается. Почему? Да потому, что покупателю показан товар лицом. Книга в конечном счете — товар и нуждается в умной рекламе, раскрывающей нутро ее.

Поэтические переводные книги идут плохо — тут я полностью согласен с Куняевым. Переводить нужно избранное, учитывая, что спрос на переводную поэзию, за малым исключением, незначительный.

Госкомиздату надо обратить особое внимание на полиграфическое оформление поэтических книг. По сравнению с прозой — поэтическая книга внешне выглядит бедно. Это тоже немаловажный фактор в «судьбе» поэтических книг. Покупателю нужна книга не на один день, и за ценой он не стоит.

Владимир КУЛАГИН,
инспектор облкниготорга
НОВГОРОД

Галина СЕРЕБРЯКОВА

ВРЕМЯ МОЛОДОСТИ НАШЕЙ

Отрывки, которые публикуются сегодня, взяты из новой работы писательницы Галины Серебряковой — романа «Поварх барьеров». Передавая рукопись нашему корреспонденту, она сказала:

— Книга носит автобиографический характер. Речь в ней идет о судьбе моего поколения, о моих ровесниках, о людях разных — партийных и государственных деятелях, о работниках культуры, о писателях и артистах.

О двадцатых годах — времени ее действия — написано многое. Тем не менее я решилась на эту книгу, ибо в памяти моей живут и хранятся такие события и такие эпизоды, которые — так сложилась моя судьба — известны только мне.

В первых двух отрывках, представленных сегодня читателю, рассказывается о том, как сразу же после освобождения Крыма от белых, в тяжелейших условиях хозяйственной разрухи, когда у молодого Советского правительства и без того была масса неотложных дел, партия победившего пролетариата

думала и об отдыхе, и о здоровье трудящихся. Мне посчастливилось быть у самых истоков освоения жемчужины Черноморья, у истоков создания всероссийской здравницы рабочих и крестьян.

В третьем отрывке я рассказываю о человеке, с которым меня столкнула судьба в более позднее время.

Книга выйдет в издательстве «Советский писатель».

1.

Мне было четырнадцать лет, когда мы двинулись в одном строю от Ливен до Перекопа. В политотделе не было девушки моложе, но этого никто не замечал. Все мы были молоды. Начальнику политотдела Андрею Бодрову, питерскому рабочему, позднее директору Московского шарикоподшипникового, исполнилось двадцать пять. Он был доступен, прям, резок и мог отправить нас в тыл. Это считалось срамом и наказанием.

Бодров был худощавый, узкогрудый задиристый парень с той врожденной наблюдательностью, энергией и умом, которые творят деловых и зажигательных администраторов. Образование, чеканку он получил позже, но и в то время этот молодой рабочий от станка отлично справлялся с совершенно новой задачей, вставшей перед ним. Ведь никогда до того не было пролетарских революций, армий и в них политотделов. Все бралось ощупью, в самой действительности и насущных задачах, поднятых необычным временем и обстоятельствами. Вместе с Бодровым на фронт пришла его жена Анна Ивановна, тоненькая и остра, как иголка. На лице, с провалившимися и часто лихорадочно вспыхивавшими румянцем щеками, с узким носом и большими бледными всегда разомкнутыми губами, удивляли два огромных, ярких, серо-карих глаза. Они производили сильное впечатление, и некрасивое, больное лицо женщины казалось по-своему прекрасным, хотя и не имело тени обаяния. Анна Ивановна была совсем еще юной, но выглядела безвозрастной. Пока однажды она не выступила на митинге с речью, никто не знал, для чего она тоже с одного из заводов бросилась в Красную Армию. Нет, не одна только отчаянная любовь погнала ее. Анна Ивановна была настоящим борцом, природой данным пропагандистом, и, глядя на ее большой рот оратора, на трагический блеск изумительных глаз, на натруженные руки истой пролетарки, слушая убежденную речь революционерки, твердо решившей, если потребуется, подороже и полезнее отдать свою жизнь, я видела Теруань де Мерикур, ведущую на приступ Версаля униженных, распрямивших души француженок первой буржуазной революции и коммунарок, стрелявших в убивавших их версальцев. Но в обычной обстановке жена Бодрова была молчалива, усердна в труде и беспощадна ко всему, казавшемуся ей вредным для революции.

В начале двадцатых годов вернулся из освобожденного Крыма, с войны Альфин, бывший при Бодрове инструктором политотдела. Михаил Альфин — рабочий, волжанин, он отдал себя революции сразу же после Октября и в 1920 году был уже интеллигентом, значительно опередившим в знаниях и духовных запросах всех нас, в том числе и обладателей нескольких курсов университета. Широкоскулый, с несколько бугристой кожей и превосходной коричневой вихрастой чуприной волос над большим лбом, с широким носом, открытыми глазами и улыбкой, призывающей к ответной, Альфин был всеобщим любимцем. Среднего роста, коренастый, он быстро прославился ловкостью, физической силой и совершенным бесстрашием. Он поражал нас любовью к поэзии, какой-то не рассуждающей, страстной приверженностью к идее коммунизма, завидной памятью, с которой наизусть повторял казавшиеся нам трудными положения из книг Маркса, Энгельса, Ленина, из Бебеля, Чернышевского и Писарева. Я никогда не могла застать Альфина спящим. Его пуританские привычки, убогий, потрепанный военный костюм, прохудившиеся кирзовые сапоги плохо вязались с изысканными стихами Бодлера, Верлена, Блока и воинственными — Маяковского, которые читал он нам то после работы, в холодной, неубранной комнате со случайной мебелью, реквизированной где придется, то ночью, когда проверял наши дежурства, то после собрания. Он мог часами вслух мечтать о будущем, и перед нами проходили казавшиеся фантастическими картины грядущих взаимоотношений людей, нашедших наконец рай на земле. Для меня Альфин был сам человеком другой формации. Я гордилась его приязнью. Он даже, когда изредка высмеивал меня за мои напыщенные и наивные доклады по поводу работы клубов в армейских частях, не обижал этим. Было что-то доброе в его юморе, и каждый из нас знал, что Альфин грудью закроет друга-единомышленника в любом бою, хоть и спрашивает с него сурово в часы передышки.

В двадцатые годы Бодров учился, как многие вернувшиеся после победы фронтовики. Альфин также окончил вуз и уехал за границу в одно из открывшихся советских посольств.

Все мы, потеряв самомнение и сознание своего могущества, сели за парты. Наша готовность пожертвовать жизнью, наш поход сквозь бури и пожарища уже не требовались в той форме, как это было недавно, во время военной страды, мы готовились к новым боям на другой почве, другим оружием и торопились освоить новое в науках.

Часто отношения наши с окружающими определялись единым общим делом, обстановкой, сложившимися обстоятельствами. На фронте, в горячке и опасностях сблизились люди, но кончился бешеный ритм, пришли иная пора и задачи — встретились недавние приятели, а прежней тяги друг к другу не стало. Грустно это, необъяснимо, но восстановить ничего нельзя. Жить прошлыми чувствами не удается, и начинается размычка. Появляясь, новые друзья облегчают неуловимый разрыв, отдаление. Каждый из однополчан навсегда остается дорогим и чем-то близким, к нему стремишься снова, в минуты трудные — на помощь, но он всего лишь часть воспоминаний. Происходит невольный отбор, и в новый поход идут с тобой бок о бок немногие, отстают или опережают тебя, и до положенного предела ты движешься один или с теми, кого узнал в иное, более позднее время.

В 1921 году весной с Дмитрием Ильичем Ульяновым мы, десятка два молодых коммунистов, отправились в Крым, незадолго до того освобожденный Красной Армией от белых.

Симферополь, находившийся вдали от моря и гор, был ничем не примечательным заштатным городком. Тем поразительнее казались прибрежная полоса и горные перевалы. С каждого последующего уступа дороги открывалась иная панорама, и, расступаясь, горы манили скалистыми, неприступными высотами. Безлюдье подчеркивало суровость пейзажа. Мы ехали на дымящем, как примус, автомобиле.

Из однополчан в Симферополе я встретила Абрашу Шварцборда, недавнего комиссара части, коренастого румяного блондина, секретаря Дмитрия Ильича Ульянова, и Федора Абрамова, инструктора ревкома. Узколицый, меланхоличный, как и в Александровске (Запорожье), он декламировал Тютчева и Бальмонта, а иногда — свои собственные стихи. Сын подмосковного ткача, плоть от плоти рабочий, он учился в университете, но позднее ушел воевать. Упрямый и слабовольный, он легко впадал в хандру, считал себя неудачником и физически отталкивающим, нуждался в постоянной похвале и был не лишен позерства. Его добродушно назвали «интеллигентщиком».

Работы в ревкоме было непочатый край. Крым освободили незадолго до этого, и в горах все еще шныряли белогвардейские банды, прорывавшиеся к берегу, чтобы на фелюгах отплыть в Турцию. Снабжение на берегу было крайне плохим. Брошенные знатью и богачами дворцы и дачи едва охранялись. Учета покуда не велось.

Дмитрий Ильич был назначен заместителем председателя Крымского ревкома. Нам предстояло создать первую всероссийскую здравницу на берегу моря.

Еще до отхода поезда он познакомился с каждым из нас.

Дмитрий Ильич внушал большое уважение. Он как бы заставлял людей подтянуться. Это гипнотическое свойство присуще лишь натурам прямым, честным и значительным. Он стал не только нашим руководителем, но и учителем. Он был душой всего дела. Дмитрий Ильич часто приезжал на Южный берег, проводил там конференции, проверял, как готовятся санатории к приему первых больных. Уверенный наездник, не зная усталости, Дмитрий Ильич верхом объезжал районы, не тревожась тем, что белобандитская пуля могла настигнуть его за любым горным поворотом.

Дмитрий Ильич обладал присущим всей семье Ульяновых обаянием. Высокий, худощавый, со строгим лицом и мелодичным голосом, он умел слушать собеседника, подбодряя его доброжелательным, умным взглядом и вниманием. Сам был неговорлив, но тверд и в трудные для дела минуты суров. В эту пору в его жизни произошли счастливые перемены, он отыскал в Крыму любимую жену, о которой долго не имел вестей. Опытный врач и хороший организатор, он старался, собирая нас, прежде чем отправить на места, объяснить, сколь важны и ответственны наши обязанности, и подучить нас хоть немного для предстоящей работы.

Я бродила в потемках, смутно представляя, что буду делать в звании комиссара санатория, а потом и целого санаторного района. Но дерзость юности побеждала сомнения.

Весь апрель с группой комсомольцев Мисхорского района я целыми днями описывала вещи дворца Юсупова и соседних магнатов, отбирала постельное, столовое белье для открывавшейся здравницы. Вожаком нашим стал недавний севастопольский юнга Саша, рябой миловидный паренек редчайшей неутомимости, подвижности и какой-то детской пытливости. Сын матроса, он чувствовал себя в воде, как на суше, и добывал один столько же хамсы, сколько вся наша братия. Его сетям мы обязаны были ловом, который питал нас весь день.

У нас не имелось никаких приправ, и кулинарное искусство Саши было действительно удивительным. Когда прозаический голод настраивал нас на грустный лад и где-то под грудиной образовывался тошнотворный ком, бывший юнга предлагал петь, доказывая, что звуки насыщают тело.

С ненавистью копошились мы в потемневшей, залежалой, шуршащей пене шелковых дамских рубашек и панталон, раскладывали чьи-то тугие фраки и смокинги, стопками выкладывали тысячи носовых платков, шалей, безделушек. Смело свидетельствую, что ни одна вещь не была утаена. А складывали их, отправляли молодые девушки в нищенских одежках и парни в тельняшках и полотняных или военных брюках.

Революция воистину обладает очистительной силой и не только закаляет лучших, но стирает любую нечисть.

Вскоре начали приезжать и наши долгожданные гости — те, кто прямо от станков ушел в революцию, на фронты гражданской войны. Первыми прибыли рабочие Иваново-Вознесенска и из Москвы. За ними — пролетарии из других городов страны. Курортный Крым распахнул свои двери людям труда.

2.

Как-то после одного из обычных для нас, заполненного заботами дня, после очередной погони за теплыми одеялами, которые мы чистили на ветру и обезвреживали солнцем, я узнала, что к нам приезжают неожиданные гости. И мне придется их встречать.

На краткий отдых в Крым съехалось несколько человек из тех, кто возглавлял Октябрьскую революцию, фронты и армии гражданской войны. Их называли старыми большевиками, а это были еще совсем молодые, полные энергии и творческой мощи люди.

Мы встретились поздно вечером в большой столовой, которую накануне я отмывала и убирала вместе с единственной уборщицей санатория, женой нашего сторожа, совмещавшего также работу садовника и экспедитора. Весь штат состоял из главного врача Бейлина, жена которого умирала от чахотки в этом же доме, завхоза, пребывавшего всегда в разъездах и хлопотах, сторожа с женой и поварихи, выполнявшей в свободные часы множество иных дел.

Свет над столом горел тускло. В вазах цвели тюльпаны, нарциссы и пунцовый гранат. Мы отыскали их в запущенных садах, на разрушенных клумбах. Меню состояло из закуски — хамсы, — чечевичного супа и сухой, сомнительного качества баранины. И уж совсем безвкусным был чуть сладкий кисель из найденного завхозом в каком-то складе старого варенья. Таким, казавшимся нам роскошнейшим ужином встретили мы усталых москвичей.

Я забилась в угол комнаты, стараясь быть менее заметной, но мой заржавевший брауншвейг, нахмуренные брови и, по-видимому, несолидная внешность заинтересовали всевидящего Фрунзе. Он что-то шепнул сидящей рядом Марии Ильиничне, та — почтенной седой старой большевичке, и на меня обратили внимание. Я услышала фамилию моего отца, слова «комиссар», «15 лет» и почувствовала себя обескураженной. Мария Ильинична улыбнулась мне. Ее своеобразное лицо с серповидными, узкими черными глазами, редкой прелести узкие руки и приятный голос не могли не смягчить моего беспокойства при мысли, что я смешна и совсем не нужна в этом обществе.

Приручил меня вскоре Михаил Васильевич Фрунзе, назвав «комиссариком», приласкали его жена Софья Алексеевна и свояченица Маргарита, приподнятые ко мне с приглашением подняться на третий этаж в комнату маленькой Танюши. И я оказалась свидетелем трогательного и забавного ритуала купания восьмимесячной девчурки и сразу же приняла в нем участие, отправившись с ведром за горячей водой в кубовую. Это был вечер, как будто бы и ничем не замечательный, но полный ясной простоты, свежих чувств и наивной радости. Я согрелась в молодой семье, где каждый излучал тепло на других и как бы отвечал на извечный, перешедший вопрос, в чем счастье. Люди любили жизнь, верили, стремились к ясности. Свободные, правдивые, ничем не опутанные. Чужая, случайная комната, мебель, привал среди весенних гор, у моря. Маргарита говорила о любви — ее ждал жених. Фрунзе, его жена перебрасывались отдельными фразами, но их глаза, их руки, соединявшиеся, когда они играли с дочерью, их смех — все было прекрасно, и, чутко схватывавшая происходящее вокруг, я невольно обучалась этими лучшими из лучей — добротой и любовью.

А вскоре Мария Ильинична позвала меня в угольную гостиную. Она рассказала о своей матери, сестре Ольге и любви к музыке в ее семье. Я благоговейно слушала, робея, удивляясь естественности и вместе с тем твердости, с которой говорила со мной эта казавшаяся доныне недосягаемой женщина.

«Как она доступна, ни следа заносчивости...» — думала я, учась у Марии Ильиничны скромности и сознанию, что только в доброте и простоте — истина, достоинство и подлинная сила. Я боялась сказать Марии Ильиничне, как она мне дорога, именно потому, что инстинктивно ощущала, что более всего ненавидит она лесть: а вдруг заподозрит меня в этом коварном и мерзком свойстве? Я слушала ее молча.

В те дни, как никогда, жалела я, зачем осталась полузнайкой в игре на пианино. Ослушаться Марии Ильиничны не могла и плохо, хоть и усердно стараясь, играла ей все, что помнила. Нот в санатории не было, да и я в музыкальной грамоте была слабовата. Но чем бы ни занялся человек, у него бывают минуты высшей отдачи. Уверена, что если я когда-либо искупила недостаток техники вдохновением, то только играя на расстроенном пианино красного дерева в мисхорском санатории для единственного слушателя — Марии Ильиничны. В числе особых качеств всей семьи Ульяновых было инстинктивное поощрение в людях хороших начал и такт — следствие чуткости и доброжелательства.

Мария Ильинична не имела детей и сожалела об этом, о чем как-то сказала нам сама. В ее поощряющей манере говорить с молодежью, в ее требовательности и вместе с тем мягкости было много материнского. Она не была красива в общепринятом понятии, но лицо ее нравилось все больше с каждой встречей, и прелесть его была не только в экзотическом складе, но и в необычайной женственности всего облика, обаянии улыбки. Мне довелось встречать в 20-е годы в среде творцов революции многих, кто самим своим присутствием благотворно влиял на окружающих. Эти с виду обычные люди как бы воздействовали на самое главное в человеке — на его совесть и природой заложенное стремление к движению ввысь. Соприкасаясь с людьми высокой пробы, я в юности особенно испытывала страдание от своего несовершенства, от отступлений и мелких гадостей, которые подчас придирчиво и безосновательно в себе предполагала.

Что создавало этих подлинных учителей жизни? Обычно их собственный нелегкий путь в саморазвитии и в биографии. Они как бы получили право судить и становились мерилом того, «так ли живешь, так ли готовишься к будущему, кто ты?».

Мария Ильинична была одной из избранных, хотя сама этого и не знала. Мы любили ее за этот безмолвный призыв к самоочищению.

Оттого так страшно прозвучала летним утром в 30-х годах весть, что не стало сестры Ленина. Умерла. Мне чудилось, что в бурную черную ночь судорожно прочертила небо молния, взвыла земля, ведьмой кружилась гроза. Так хотелось бежать в Кремль, в квартиру, где я бывала несколько раз у двух воистину лучших из лучших женщин эпохи — Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Две подруги жили столько лет, не разлучаясь. Сколь стеснялась я в первый раз переступить порог их комнат! Робко протянула им свои книги, несмело присела на краешек венского стула, подавленная сознанием, что соприкасаюсь с вещами и людьми, которые навечно принадлежат уже истории, и с какими к тому же людьми! Совсем недавно снова вошла я в эту квартиру. Увидела в комнате Марии Ильиничны ширму, отделявшую ее постель. Всплеснулось сердце: а вдруг, как тогда, в 20-х годах, она будет говорить со мной из-за этой перегородки, переодевая одновременно кофточку? А вот и эта серая, такая скромная одежда, которую она носила... Время остановилось. Мне чудится: я вдыхаю запах хвои и увядших листьев, который обоняла и тогда, почти пятьдесят лет назад...

3.

Я ищу в своих глазах отражение, как в речной глади, тысяч лиц, чей свет упал некогда на меня.

Они стоят передо мною, эти лица, как живые, через них прочнее связь времен — времени молодости нашей и сегодняшнего дня. Это люди разные, они разные и по характеру, и по роду своей деятельности. Но все они делали одно общее дело, служили народу своим талантом и трудом. Я вспоминаю Куйбышева и Луначарского, Тухачевского и Алексея Толстого, Москвина и Неждановну, Демьяна Бедного и Станиславского. И многих, многих других.

С Неждановой, например, я познакомилась в доме отдыха актеров близ Тарусы. Вскоре она с дирижером Головановым побывала у нас дома. Разговор зашел об искусстве, о музыке, о литературе.

Вдруг кто-то поставил пластинку, довольно бездарную, из серии какофонических, в то время ходовую.

— Пошлость! — в сердцах воскликнул Голованов.— Я способен сбежать отсюда, чтобы не заболеть.

Диск патефона остановили. Облегченно вздохнув, Неждановна сказала:

— Какая дешевая поделка, одна такая пластинка может испортить вкус тысячи людей!

Говоря о музыке, о пении, Неждановна повторяла в тот вечер:

— Всю жизнь надо прививать себе хороший вкус. Это никогда не поздно...

В бездонной памяти отыскиваю штрихи чувств и событий, связанных с людьми, встреченными на жизненных перевалах. Не моря, ручьи, горы, леса, а люди определили строй моих мыслей и маршрут по планете. Они умирают и уносят частицы нас с собой. Навсегда замер голос Лидии Руслановой, а во мне он звучит с неослабной силой.

Я услышала этот голос, сочный, разнозвучный, в конце 20-х годов и тогда же увидела скуластое, игривое лицо певицы, этой стихийно мощной царь-бабы. Талант Руслановой отражал силу и душу не ее одной, а народа.

Спустя более двух десятилетий судьба свела нас тесным-тесно на несколько лет. Восьмого марта 1972 года в последний раз провели мы с Лидией Руслановой и другими целый день за городом. Несмотря на немощь, из убивавший ее недуг, она была все еще человечески очень хороша. Самородок всегда необычен и юн. Из-под спущенных монгольских век смотрели на нас мудро и живо скифские глаза Руслановой, широкая улыбка не исчезала с большого бледного лица с широким носом, бровями, ртом, напоминавшими одного из будд. Лидия Андреевна передвигалась уже с трудом, но была все еще величава в темно-лиловом платье и раздетайке.

Глубоко и требовательно знала Русланова искусство, я особенно русскую школу живописи. До последнего вздоха высокие страсти бушевали в талантливейшей женщине. Каждое ее выступление лишь подчеркивало великий талант, темперамент, драматический дар. Она затмила всех, кто был до нее. Поблекли Вяльцева и Плевицкая, и ни одна современница не поднялась до ее мастерства и творческой магии.

А в душе волжской сироты боролись Васса Железнова, разудалый бурлак, тончайший поэт-психолог и всегда неудовлетворенная, ищущая совершенства замечательная актриса, владевшая ярчайшим и прекрасным голосом. Иногда она металась, похожая на великолепную, сильную львицу.

То ухарски-развязная, то скорбная, отчаянно веселая, шутница, фантазерка и мечтательница. Всегда честная, отважная, готовая заступиться за обиженного, этакая Марфа Посадница, она была истинной дочерью своего народа.

Память темной тучей окутала сегодня мое небо. Если бы я успела о каждом, с кем поднималась и падала, карабкалась по кручам и шла по печальным или спокойным лугам, написать все без исключения, миссия бытия была бы исполнена и — уход легче.

И хотя я не видела Русланову поющей перед рейхстагом и ранее, в канун многих боев, под аккомпанемент рвущихся снарядов, кажется мне, слышу переливы и рокот чудесного голоса, одушевленного страстью и все сметающей волей к добру и победе. Великим драматическим талантом обладала Русланова. Ни одной фальшивой позы, интонации, жеста. Театр, музыка, звуки были ее воздухом, самой сутью существа и стремлений. Приютская девчонка — поводырь слепой бабушки, поющая на улицах и во дворах саратовских богатеев-купцов, истинно народная певица и огневой патриот России.

Но я оторвалась от времени, приковавшего заново мои чувства. Впрочем, и Русланова — часть 20-х годов; ей было тогда за двадцать, и после работы на заводе, выступлений на случайных подчас подмостках она начала уже учиться у полузрячей, погруженной в себя Ольги Ковалевой. Не раз эта большая, замкнутая женщина пела у нас дома, сидя, призакрыв глаза, опершись на руку, как-то особо протяжно, таинственно и завлекательно.

Песня — всегда голос эпохи, народа, его чаяния и надежды. Почетный избранник природы, певец облечен миссией донести слова и мелодию до сердца, сохранить их во времени. Ковалева вернула нам множество забытых, рожденных вглубь напевов. Русланова с редкой одаренностью взяла у нее все самое драгоценное, но не для повторов, а для нового созидания и рождения. Она осталась совершенно самобытной, и вряд ли кто-либо из ее последователей в чем-нибудь повторит ее. Истинно талантливое отличительно во всем.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Н. И. АЛЕКСЕЕВУ — 75 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по белорусской литературе и Комиссия по военно-художественной литературе направили Николаю Иаковлевичу Алексееву приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас с семидесятипятилетием со дня рождения.

Начав службу в Красной Армии рядовым в годы гражданской войны, Вы всю свою жизнь посвятили делу защиты нашего социалистического Отечества. Участник сражений против белогвардейцев и Антанты, боев на Хасане, исторической битвы советского народа с фашизмом в годы Великой Отечественной войны, Вы с честью пронесли сквозь суровые испытания высокое звание офицера Советских Вооруженных Сил.

Ваша любовь к Советской Армии, отличное знание жизни советских солдат и офицеров помогли Вам создать запоминающиеся образы борцов за становление Советской власти и мужественных защитников нашей Родины в дни Великой Отечественной войны.

Мы высоко ценим Вас и как активного общественного деятеля. Председатель Комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей Белоруссии, Вы много сил и энергии отдаете воспитанию чувств советского патриотизма у молодых воинов, выступая в армейских частях с рассказами о славных боевых традициях Советских Вооруженных Сил.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов».

Н. И. СКАЗБУШУ — 70 лет

Исполнилось 70 лет Николаю Иосифовичу Сказбушу.

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие:

«Горячо поздравляем Вас, известного советского писателя, с семидесятилетием со дня рождения и пятидесятилетием творческой деятельности.

С первого рассказа, опубликованного в 1922 году, и до произведений, появившихся в наши дни, Вы настойчиво и последовательно разрабатываете одну из важнейших и благороднейших тем нашей литературы — тему труда. Особенно обстоятельно раскрывается она в таких Ваших широкоизвестных произведениях, как романы «Рабочий народ», «Октябрь», «Золотой перстень». Героями этих книг выступают честные труженики, люди высокого долга, интернационалисты. Ваши произведения помогают молодым читателям глубже осмыслить героическую историю борьбы рабочего класса под руководством Коммунистической партии за победу Октября, увидеть величественные плоды созидательного труда народа в послеоктябрьский период.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов».

Н. Ф. КОСТЕНКО — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по молдавской литературе направили Николаю Федоровичу Костенко приветственную телеграмму:

«Горячо поздравляем Вас в день Вашего шестидесятилетия. В Вашем лице мы приветствуем талантливого представителя старшего поколения современных молдавских поэтов, творчество которых началось в тяжелые времена буржуазно-помещичьего строя. Ваши патриотические стихи, поэмы, роман «Севастополь», написанные с одинаковым мастерством, воспевают героическое прошлое и настоящее молдавского народа. Высоко оценены и Ваши переводы произведений Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Есенина.

Желаем Вам большого счастья и многих лет плодотворной работы».

Т. А. АХТАНОВУ — 50 лет

Исполнилось 50 лет Тахави Ахтанову. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по казахской литературе направили юбиляру приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, одного из крупных прозаиков и драматургов Казахстана, с пятидесятилетием со дня рождения.

Принадлежа к тому поколению советских писателей, которое начало свой творческий путь в первые послевоенные годы, Вы внесли весомый вклад в развитие советской многонациональной литературы. Ваша биография — это биография военного поколения.

Особой популярностью и любовью пользуются среди читателей Ваш роман «Грозные дни» — о Великой Отечественной войне и пьесы «Сауле», «Буреи».

Большая удача выпала на долю Вашей повести «Буран» — о нелегком ратном труде чабанов республики, — за которую Вы удостоены Государственной премии Казахской ССР имени Абая.

Достойно оценены Ваши литературно-критические статьи, исследования о творчестве казахских писателей. Вами переведены трилогия А. Н. Толстого «Хождение по мукам», рассказы М. Горького и другие произведения.

В каждом жанре Вы являетесь признанным мастером. Отличный знаток жизни своего народа, писатель, гармонично сочетающий в себе талант художника и аналитика, Вы завоевали любовь широких кругов читателей.

Как писатель большого опыта, Вы много сил и энергии отдаете воспитанию творческой молодежи Казахстана.

Желаем Вам крепкого здоровья и новых творческих успехов на благо нашей многонациональной советской литературы».

И. Л. ВАЛЦАНУ — 50 лет

В связи с пятидесятилетием Иосифа Львовича Валцана секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по молдавской литературе направили юбиляру приветственную телеграмму:

«Примите наши сердечные поздравления в день Вашего пятидесятилетия.

Мы высоко ценим Ваше поэтическое творчество, литературно-общественную деятельность в республиканских органах печати, в издательствах, творческих секциях Союза писателей Молдавской ССР.

Многое сделали Вы для ознакомления молдавского читателя с произведениями писателей России и многих братских республик.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу через посредство вашей газеты выразить мою признательность всем, кто поздравил меня с шестидесятилетием.

Сергей ЗАЛЫГИН

А. КАРАГАНОВ

ПОИСК

Заметки о болгарском кино

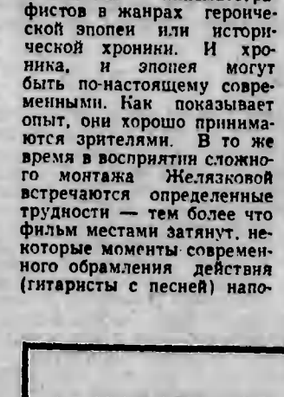
НИ ОДНА кинематография мира не знает постоянных восхождений, прочерченных прямой линией. Еще три-четыре года назад в Софии можно было слышать горькие разговоры о схемах и стереотипах кинематографического мышления, довольно часто проникавших в тогдашние фильмы. Некоторые режиссеры увлекались приключенческими лентами про разведчиков, не замечая в своих увлечениях (зрительский успех, даже внешний, поверхностный, мешал трезвости самооценок), что искусство обрисовки характеров вытеснялось хитросплетениями хорошо скроенного сюжета. Другие слишком большие надежды возлагали на стиль, ослабляя связи между поисками современного языка фильма и постижением современной жизни. Третьи с высокой степенью достоверности показывали любопытные частности быта, но вне исторических контекстов развития общества. А несколько талантливых режиссеров вовсе не снимали фильмов — находились в затянувшемся простое.

В последние годы положение заметно переменилось. Речь идет не о «смене эпох» — и тогда на экран выходили хорошие фильмы, и сейчас встречаются слабые, серые. Речь идет о тенденциях. В болгарском кино активизировались поиски новых тем и образов. Традиционный для него пафос социальной педагогики рождает повышенную энергию исследования жизни. Драматические конфликты переносятся в область духовного и нравственного развития личности. Новую глубину и целеустремленность приобретает кинематографическое осмысление связей поколений и эпох, образующих социалистические традиции народной жизни.

ЦЕНА ПОДВИГА

Характерен в этом смысле новый фильм Бинки Желязковой «Последнее слово». В нем рассказана история женщин из камеры смертников, которых фашистские тюремщики терзают допросами, пытками, соблазняют обещаниями, надеясь заставить их «раскаяться» в своих вчерашних «заблуждениях». Непокорным грозит смерть. И это знают женщины: им дано право «свободного выбора».

Перед нами не просто еще одна история подвига героических узников фашизма. Цена непреклонности в данном случае особенно велика. Ведь речь идет о молодых женщинах. А у одной из них в камере смертников родился ребенок, она уйдет из жизни, оставив его тюремщикам. Тут требуются двойное мужество, двойная сила самопожертвования, если вообще можно сравнивать меру мужества людей, сознательно идущих на смерть.

Кадр из фильма «Последнее слово»

Сильнейшая сцена фильма — встреча главной героини — учительницы (Цветана Манева) с учениками, которых она учила свободолюбию, честности, мужеству. Организуя встречу, тюремщики рассчитывали: хотя бы частичным отречением от своих идей учительница поможет сломить непокорство учеников. За это ей обещаны не только послабления режима в камере. От изнасилования и пыток будет избавлена попавшая в тюрьму молодая девушка. Однако учительница не произносит ни слова. Поразительны лица школьников, поразительны и ее лицо, ее молчание. Учительницу и учеников разделяет решетка, молчание — объединяет. Она знает: теперь ту девочку распнут, надругаются над ней, так было с другими. Она знает: теперь — виселица, оставленный без матери ребенок. Знает и молчит. Но отчетлива внутренняя мысль: что оставить им, молодым, — вырванное тюремщиками неверное слово или вот эту бескомпромиссность молчания и смерти? Та же мысль живет и в финале. Тюремная стена, в ней — арка с виселицей, в просвете арки — женщина, кормящая ребенка (накормить ребенка — таково было ее последнее желание). В круговом объезде кайера всматривается в кормящую мать и младенца. Перекличка с полотнами мастеров Возрождения очевидна. Перед нами образ, исполненный поэзии, — Мадонна революции.

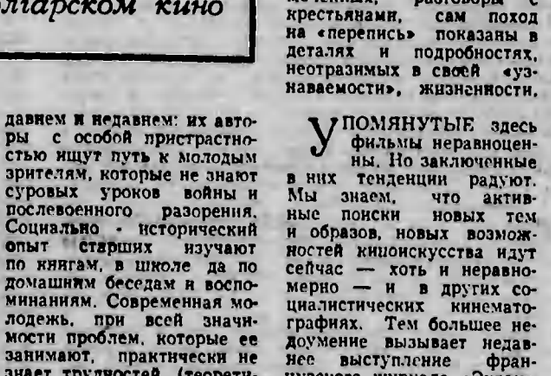
В «Последнем слове» многие детали представлены с документальной точностью. Хроникально, словно бы «врасплох» зафиксированы на улицах теперешней Софии минуты молчания — в память о погибших. Подробно показан быт тюрьмы. Однако документальная достоверность повествования не становится первоэлементом и тем более определителем стиля. Она нужна режиссеру, чтобы с расстояния трех десятилетий охватить целое, не теряя деталей. Возвышенная мысль фильма опирается на убеждающую пластику экранных изображений. В «Последнем слове» впечатляет и сюжет, и поэтический язык кинематографа, который знает силу концентрации мысли, емкость метафор, многозначность символических олицетворений. Выразительна «переживающая камера» (оператор Борислав Янакиев). Режиссура пользуется приемами свободного монтажа: монтажные переходы и стыки возникают под напором чувств, переживаний, ассоциаций, воображения...

Разумеется, сказанное не означает, что поэтическая структура «Последнего слова» имеет неоспоримые преимущества перед исканиями кинематографистов в жанрах героической эпопеи или исторической хроники. И хроника, и эпопея могут быть по-настоящему современными. Как показывает опыт, они хорошо принимаются зрителями. В то же время в восприятии сложного монтажа Желязковой встречаются определенные трудности — тем более что фильм местами затянут, некоторые моменты современного обрамления действия (гитаристы с песней) напоминают привычные кинематографические стереотипы. А такие эпизоды, как праздничный карнавал, воссоздающие — в воображении — погубленную тюрьмой женскую красоту, весьма прямолинейны в своей назидательной иллюстративности. Есть в фильме сцены, где взвинченность стиля, старательно подчеркиваемая многозначность образов-символов мешают их эмоциональному восприятию. И тем не менее режиссерский образ фильма, взятый в целом, его лиричность, его поэтический строй, который хочется назвать музыкальным, исполнены большого эстетического и социального смысла. Образ этот рожден стремлением показать крупным планом человека, которому надо сделать трудный выбор и выдержать все его драматические последствия. Показать не только тюремный быт, допросы, пытки, но чувства узниц, ход мысли, муки, надежды, мечты, сомнения, победы над своими слабостями. Впрямую связать день нынешний и день минувший в размышлениях об ответственности человека перед своей совестью и перед теми, кто идет за тобой. Фильм Бинки Желязковой утверждает значение исторического мышления в противовес механическому, школярскому запоминанию, когда история воспринимается лишь как сумма фактов, не переживается эмоционально, духовно. Фильм заставляет думать не только о том, какими были погибшие, но и о том, что они оставили живым.

МОЛОДЫЕ НА ЭКРАНЕ И В ЗАЛЕ

Почти одновременно с «Последним словом» на болгарский экран вышел фильм «И грянул день» (сценарий Васила Акъова, режиссер Георгий Дюлгеров). Проблемы антифашистской борьбы и мирного жизнестроительства здесь сталкиваются в сложных (может быть, даже чересчур сложных) движениях мысли из настоящего в прошлое, из прошлого в настоящее (действие фильма происходит в день победы). Фильм «Иван Кондарев», поставленный режиссером Николой Корабовым по роману Емелиана Станева, воссоздает образы участников антифашистского сентябрьского восстания 1923 года, помогая современному зрителю приблизиться к ним на дистанцию душевного понимания, делает нас сопричастными их действиям.

Не просто к современному зрителю обращены все эти фильмы о прошлом, давнем и недавнем: их авторы с особой пристрастностью ищут путь к молодым зрителям, которые не знают суровых уроков войны и послевоенного разорения. Социально-исторический опыт старших изучают по книгам, в школе да по домашним беседам и воспоминаниям. Современная молодежь, при всей значимости проблем, которые ее занимают, практически не знает трудностей (теоретически может знать), выпавших на долю борцов революции.

Кадр из фильма «Перепись зайцев»

У современной молодежи есть свои преимущества перед молодежью прошлых поколений, связанные с материальной обеспеченностью, свободным доступом к образованию и культуре, изменением характера труда, вызванным социалистическими преобразованиями и научно-технической революцией. И есть такие особенности, даже сложности (не будем называть их недостатками) социального и нравственного развития, которые порождают, по крайней мере для некоторой части молодежи, повышенную опасность соблазнов и влияний потребительского отношения к жизни, деляческо-прагматического подхода к ее проблемам.

Столкновение нравственных поисков молодежи с замутняющими влияниями мещанства интересно разрабатывается в отмеченном высокой наградой московского кинофестиваля фильме «Любовь» (автор сценария Александр Карасимеонов, режиссер Людмил Стайков), в новых работах болгарских кинематографистов «Мальчик уходит» («Вольная птица») Георгия Мишева и Людмила Киркова, «Мужчины без работы» («Пути-дороги») Руфена Георгиева и Ивана Терзиева. «Самый добрый человек, которого я знаю» Лиляны Михайловой и Любомира Шарланджиева. В каждом из этих фильмов процесс становления социалистической личности раскрывается в историческом контексте движения народной жизни, как живое воплощение накопленного народом социального и духовного опыта.

Нынешние творческие искания болгарских кинематографистов разнообразны по направлению и стилю. В этой связи хочется особо отметить «Перепись зайцев» (сценарий Георгия Мишева, режиссер Эдуард Захариев).

...В некое село приезжает статистик Асенов (Ицхак Фициц) с ассистентом (Филипп Трифонов), чтобы организовать учет и перепись зайцев. Возможно, такая работа действительно нужна для охраны природной среды. Возможно. Но в фильме речь идет не о полезном мероприятии. Асенов с серьезным видом делает несерьезное дело. То ли из почтения к уполномоченному, то ли потому, что они не сра-

ценностей жизни, достоинства болгарского труженика.

Эдуард Захариев начинал как документалист. Это «происхождение» режиссера, а не только современные увлечения документализмом в игровом кино отчетливо сказалось на построении фильма «Перепись зайцев». При всем том, что фильм внутренне ироничен, явно тяготеет к анекдоту или притче, очень точно «выстроен», рассчитан во всех своих структурных элементах, он убеждает своей конкретностью: быт деревни, приезд и ночлег уполномоченных, разговоры с крестьянами, сам поход на «перепись» показаны в деталях и подробностях, неотразимых в своей «узнаваемости», жизненности.

Упомянутые здесь фильмы неравноценны. Но заключенные в них тенденции радуют. Мы знаем, что активные поиски новых тем и образов, новых возможностей киноискусства идут сейчас — хоть и неравномерно — и в других социалистических кинематографиях. Тем большее недоумение вызывает недавнее выступление французского журнала «Экран» (№ 16, 1973) с серией статей Марселя Мартена и Миры Лим под общим заголовком «Неуверенность социалистического кино».

Критики из «Экрана» пишут о «застое» польского кино, об упадке других кинематографий. Что касается болгарского кино, то «Экран» высокомерно поставил под сомнение недавнюю неделю болгарских фильмов во Франции, заявляя, что болгарское кинопроизводство находится сейчас на таком качественном уровне, который не может оправдать подобное мероприятие. Необъективность, чтобы не сказать предвзятость, всей серии статей становится здесь особенно отчетливой.

Журнал «Экран» декларирует свою заинтересованность в успехах социалистических кинематографий. Однако оценивает их развитие без учета реальностей кинематографического процесса, его особенностей, порожденных движением народной жизни. В качестве критерия оценок используются схемы и модели вчерашнего происхождения, старательно навязываемые сегодняшнему кинематографу. В результате и получается: там, где происходят очевидные перемены к лучшему, «Экран» видит признаки упадка, там, где идут целеустремленные поиски нового, «Экран» усматривает неуверенность и кризис.

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ БАЛЬЗАКА

Кадр из телефильма «Большая любовь Бальзака». В роли Бальзака — Пьер Мейран, Эвелины Ганской — Беата Тышкевич

В эти дни Центральное телевидение демонстрирует совместный польско-французский телевизионный художественный фильм «Большая любовь Бальзака». Картина снята режиссером Войцехом Солярским. В роли Бальзака — французский актер Пьер Мейран. Журналист Александр Жигарев беседовал с автором сценария фильма известным польским писателем и кинодраматургом Ежи Ставинским и исполнительницей роли Эвелины Ганской актрисой Беатой Тышкевич.

Ежи Ставинский. Всех нас обрадовало известие, что фильм «Большая любовь Бальзака» будет демонстрироваться советским телевидением. В то же время можно понять волнение, которое мы испытываем, поскольку у польских зрителей отношение к нашей работе не было однозначным. Она вызывала споры, оживленные дискуссии. Впрочем, это можно объяснить — ведь речь идет о воссоздании на экране образа гениального художника, чья жизнь и творчество всегда привлекали интерес и внимание.

— Почему вы обратились к Бальзаку? Ведь читатели и зрители знают вас как приверженца современной темы.

Ежи Ставинский. Действительно, обращение к Бальзаку было для меня не совсем обычным. И все-таки я улавливаю некоторую связь этой работы с другими своими произведениями. Независимо от описываемых мною событий — будь то война, варшавские каналы или возрождение польской столицы, будь то пылкий юноша, «влюбленный пингвин», выступавший против пошлости и эгоизма, или Адам, скитающийся по свету в поисках призрачной благоустроенности, — меня больше всего волновал сам человек, его внутренний мир, его чувства и переживания, объясняющие те или иные поступки. С такой же эмоциональной настроенностью я пришел к сценарию телевизионного фильма о Бальзаке. Как и многие мои кинопроизведения, он родился из небольшой новеллы, опубликованной в 1966 году.

Сама история любви Бальзака и Эвелины Ганской, о которой рассказывает наш фильм, исключала поверхностный подход к теме. Долгое время я изучал в Париже, в музее Бальзака, документы, воспоминания его современников. Мне хорошо известны и работы русских дореволюционных и советских литературоведов о Бальзаке. Еще в 1856 году Н. Г. Чернышевский напечатал на страницах журнала «Современник» биографию писателя, написанную его сестрой Лорой Сюрвиль, со своим введением и заключением. Но, конечно, основным материалом для меня как литератора была переписка Бальзака и Ганской.

Беата Тышкевич. Первое письмо от Ганской. Бальзак получил 28 февраля 1832 года, оно было послано из Одессы и подписано: «Чужестранка». Спустя несколько месяцев Чужестранка писала Бальзаку: «Ваша душа прожила века... ваши философские взгляды кажутся плодом долгого и проверенного временем поиска... мне захотелось познакомиться с вами, но я полагаю, что в этом даже нет нужды: душевный инстинкт помогает мне почувствовать вашу сущность...»

— Вы цитируете наизусть?

Беата Тышкевич. Да. Потому что произношу эти слова в фильме. Можно цитировать еще и еще.

Ежи Ставинский. Мне нравится, как Беата читает письма Ганской. В них она вкладывает свою страсть, свой темперамент, свое понимание этого сложного, порой противоречивого образа.

— Если я не ошибаюсь, это вторая известная в истории польна, которую Беата Тышкевич сыграла в кино.

Беата Тышкевич. Вы имеете в виду Марысю Валевскую в фильме «Марыся и Наполеон», но ведь то комедия...

Ежи Ставинский. Конечно, эти две роли несравнимы. Возможно, я не вполне объективен, но мне кажется, что роль Эвелины Ганской — лучшее из того, что до сих пор сыграла Беата Тышкевич в кино и на телевидении.

— Биографический жанр становится популярным на телевидении.

Ежи Ставинский. Да, когда мы работали над картиной, то часто обращались к опыту телевизионных фильмов о величайших гениях человечества — Леонардо да Винчи, Копернике. И невольно ловили себя на мысли, что у наших предшественников задача была легче — можно показать Леонардо за работой во время анатомических исследований, занятий живописью, проведением научных экспериментов, можно, наконец, сосредоточить внимание на Копернике, глубоко изучающем астрономию и проблемы, связанные с вращением небесных тел. Но как показать работу писателя, как представить современному зрителю творческую лабораторию автора «Человеческой комедии»?.. Мы пошли по единственному, на наш взгляд, верному пути — жизнь писателя, его муки, страдания, переживания, семейные неурядицы, постоянная нужда, заставляющая его не только работать сверх человеческих сил, но и пускаться в сомнительные коммерческие операции, наконец, поначалу невинный флирт с Эвелиной Ганской, превратившийся в большое и сложное чувство, — все это не только фон, но и почва, на которой рождались великие литературные творения.

Беата Тышкевич. Как известно, существуют разные точки зрения на отношения Бальзака и Эвелины Ганской. Конечно, трудно говорить о полной идиллии в отношениях аристократки, богатейшей владелицы Верховни, и писателя, чье творчество было направлено против хищнической эксплуатации, социальной несправедливости, в защиту гуманизма и человеческого достоинства.

Ежи Ставинский. Как я уже говорил, мы отнюдь не стремились представить творческую лабораторию гения, а лишь только попытались воспроизвести одно из наиболее ярких и противоречивых событий в его жизни, оказавшее огромное влияние на великого писателя. И если зрители после нашего фильма вновь обратятся к творчеству Бальзака, как бы заново начнут перечитывать страницы бессмертных книг, мы будем считать, что работали не напрасно.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

ДЕТЕКТИВ БЕЗ ДЕТЕКТИВА?

Себастьен Жапризо
Фото В. АНДРЕЕВА

В составе делегации французских кинематографистов, недавно приезжавших в Москву на первый советско-французский симпозиум, находился известный писатель Себастьен Жапризо (советские читатели знают его роман «Ловушка для Золушки», опубликованный в журнале «Москва»). Корреспондент «ЛГ» беседовал с писателем.

Жан-Батист Росси родился в Марселе в 1931 году. А дата рождения писателя Себастьена Жапризо (этот псевдоним составлен из букв настоящей фамилии писателя) — 1964 год, когда вышел роман «Убийство в спальном вагоне».

Ж.-Б. Росси с детства воспитывался в католическом колледже иезуитов. Но за два года до конца учебы он бросил это учебное заведение. Окончив обычный лицей, уехал в Париж, в Сорбонну, получил там два диплома — литературы и филологии...

— Но, — смеется Жапризо, — некоторые лекции я занятия не доставляли двадцатилетнему студенту никакого удовольствия. И я... писал. Писал свой первый роман «Дурное начало». Герой был очень похож на меня самого и взращен на ниве моего собственного опыта. Его чувства — это мой бунт против «нравственных постулатов, внушаемых церковью, против ханжества буржуазного общества.

— И вам удалось его напечатать?

— Удалось. Более того, он привлек к себе внимание. Особенно сверстников моего героя. Мне рассказали, что у одного из учащихся того иезуитского колледжа, где я сам учился, нашли этот роман. Кто-то из преподавателей сказал на уроке старшеклассникам: «Это такая дрянь, что, право, не теряйте времени...» Эффект был обратный — все учащиеся купили книгу...

Между первым и вторым романами прошло более десяти лет. Я работал в рекламном агентстве, придумывал завлекательные надписи, написал сценарии и сам поставил две короткометражки (было ясно, что сценарист сильнее постановщика). А потом приятель, работавший в издательстве «Деноэль», предложил мне написать роман для их «полицейской» серии. Придумав сюжет по канонам этого жанра, я написал «Убийство в спальном вагоне». Этот роман получил премию Единогласия и был переведен в 28 странах, что очень редко для французских книг подобного жанра. То был счастливый 1964 год. Почему счастливый? Потому, что тогда же вышел и другой мой роман — «Ловушка для Золушки», тоже за подписью Себастьена Жапризо. Так родился автор криминальных романов. За двумя первыми последовал третий — «Дама с очками и ружьем в автомобиле».

— Все они экранизированы?

— Да. Лично мне больше всего нравится киновариант «Убийства в спальном вагоне», меньше — «Ловушка для Золушки» и совсем не нравится «Дама...», которую поставил американец Анатоль Литвак.

— Вы участвовали в создании этих фильмов?

— Нет. Я писал оригинальные сценарии. Так появился фильм «Прощай, друг» режиссера Ж. Эрмана, фильм о дружбе между двумя очень разными людьми — врачом (его играл Ален Делон) и американцем (Чарльз Бронсон). Успех привел к «рецидивам» — еще двум сценариям, поставленным известным режиссером Рене Клеманом, — «Пассажир, пришедший из дождя» и «Бег зайца через поля». Как и свои книги, я отношу их к жанру психологического детектива. Занимательная интрига является здесь как бы лакмусом для открытия человеческого характера. В этом смысле мои книги отличаются от традиционного детектива, скажем, американского. Честно говоря, я не люблю этот жанр. В нем описываются события, которые уже состоялись, и задача детектива, раскручивая все назад, прийти к началу. Конечно, порой это интересно, но если читать их подряд... Мне ближе та разновидность криминального романа, где раскрытие преступления наслаивается на множество других обстоятельств, ведущих к более полному раскрытию персонажей, мотивировки их поступков, поведения. Скажу вам по секрету, что в моих новых книгах доля Жапризо будет постепенно уменьшаться, а Росси — увеличиваться.

— Это значит?..

— Это значит, что мой новый роман будет не похож на те, что создали известность Себастьену Жапризо. Он будет называться «Варварская хроника» и расскажет историю бежавшего из тюрьмы человека...

— Но ведь и тут присутствует элемент приключенческий!

— Только элемент... Рассказ ведется от лица мальчика. Его любимая книга — это «История Французской революции» Мишле, и часто в повседневной речи он цитирует Дантона, Робеспьера.

— А кино?..

— Вместе с режиссером Жаном Беккером пишем сценарий. Но это тоже не детектив. В дневнике маршала Файоля, относящемся к событиям первой мировой войны, рассказывается о жестокости Петена, который заменил расстрел пяти дезертиров иного рода казнью. Они были связаны и выброшены на «ничейную землю» между французскими и немецкими окопами. О судьбе этих людей и будет фильм. Мы ненавидим войну и хотим сказать о ней свои два-три недобрых слова.

— Словом, конец приключенческому жанру?

— Не буду столь категоричен. Мало ли что может случиться? А вдруг читателям писатель Жан-Батист Росси не понравится?..

Интервью вел
А. БРАГИНСКИЙ

КИНОПАНОРАМА

В конце прошлого года исполнилось пятьдесят лет со дня выхода на экраны первого мультипликационного фильма Уолта Диснея, создавшего всемирно знаменитых персонажей — Микки Мауса, Бэмби, Трех поросят и Серого волка, Белоснежку и Семь гномов и многих других. Теперь, через семь лет после смерти знаменитого американского художника и мультипликатора, его студия продолжает работу по планам, намеченным им на много лет вперед. Недавно вышел на экраны новый фильм — «Робин Гуд», поставленный режиссером Вольфгангом Рейтерманом по рисункам Диснея. Все действующие лица в этой картине — звери.

■

На американские экраны вышел фильм «Некими мы были» режиссера Сидни Поллака, постановщика картины «Загнанных лошадей пристреливают — не так ли?». В основу сюжета положена повесть Артура Лоуренса «Дом смелых». Это рассказ о трагедии молодой американки Изти (ее играет популярная американская актриса Барбара Стрейзанд, знакомая нам по фильму «Смешная девчонка»), участницы студенческих волнений и движения протеста конца сороковых годов в США.

В фильме воссоздана атмосфера маккартистской Америки, показан канал борьбы молодежи. Трагедия Изти в том, что она выходит замуж за Хюббелл (артист Роберт Редфорд), молодого преуспевающего писателя, который не разделяет взглядов своей жены. Кати пытается приспособиться к жизни мужа, отойти от антивоенной борьбы. Но это невозможно, и вот она снова в гуще событий, а движении протеста пятидесятых годов против атомной бомбы, среди своих соратников...

На снимке: кадр из фильма «Некими мы были»

■

Известный итальянский режиссер Пьер Паоло Пазолини завершил съемки нового фильма «Тысяча и одна ночь», последнего а его кинотрилогии. Первые две части — «Декамерон» и «Кентерберийские рассказы» — привлекли внимание западной критики своеобразным прочтением знаменитых произведений Боккаччо и Чосера. В частности, в своей версии «Декамерона» режиссер стремился подчеркнуть глубоко народную основу новелл Боккаччо, создав портреты итальянских бедняков.

«Тысяча и одна ночь» снималась в Индии и Йемене. Главные роли, как и в первых двух фильмах, сыграли артисты Франко Читти и Иннетто Дзолли.

На снимке: кадр из фильма «Тысяча и одна ночь»

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ!

Мировая печать продолжает широко комментировать новогоднее выступление товарища Л. И. Брежнева и Обращение ЦК КПСС и партии к советскому народу. Мы публикуем сегодня некоторые из откликов.

«Достигнув значительных успехов в 1973 году, Советский Союз может со спокойной уверенностью смотреть в будущее, что представляет резкий контраст по сравнению с неровностью, существующей в западном мире.

Советская дипломатия в закончившемся году одержала ряд новых побед. В последовательном проведении в жизнь политики мира выдающаяся роль принадлежит Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу».

«Энсальснор», МЕКСИКА

«Мощь социализма растет с каждым годом — таков лейтмотив новогоднего поздравления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева советскому народу».

«Нойес Дойчланд», ГДР

«Советские люди, как и другие народы мира, все в большей мере ощущают реальные плоды ленинской политики мирного сосуществования».

«Жолнеж вольности», ПОЛЬША

«Благодаря инициативе Советского Союза, других социалистических стран в ушедшем году была достигнута разрядка напряженности в международных отношениях, укрепились принципы мирного сосуществования государств с различным общественным строем».

«Руде право», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

«Руководитель Коммунистической партии Советского Союза подчеркнул большие успехи политики разрядки напряженности».

«Зюддойче цайтунг», ФРГ

«Оптимизм, который выразил в своем новогоднем послании Леонид Брежнев, отражает преобладающие здесь настроения. Гордость русских укрепляет несколько факторов, в особенности рекордный урожай зерновых и рост промышленного производства».

«Таймс», АНГЛИЯ

«Этот оптимизм основывается на убежденности в том, что политика мира, проводимая Советским Союзом, отвечает надеждам и чаяниям всех народов».

«Стампа», ИТАЛИЯ

«Обращение к советским людям имеет торжественный и мобилизующий характер».

«Политика», ЮГОСЛАВИЯ

ШТРИХИ

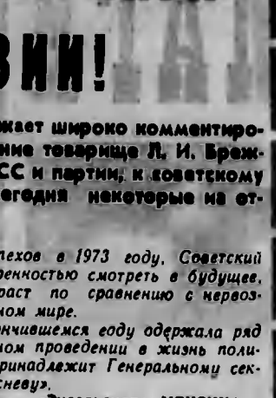
Рядовая английская семья, связанная по рукам и ногам. Вот что ее ожидает в уже наступившем году: высокие цены, низкая заработная плата, огромные прибыли и жирные дивиденды монополий, злоупотребления в области налоговой политики...

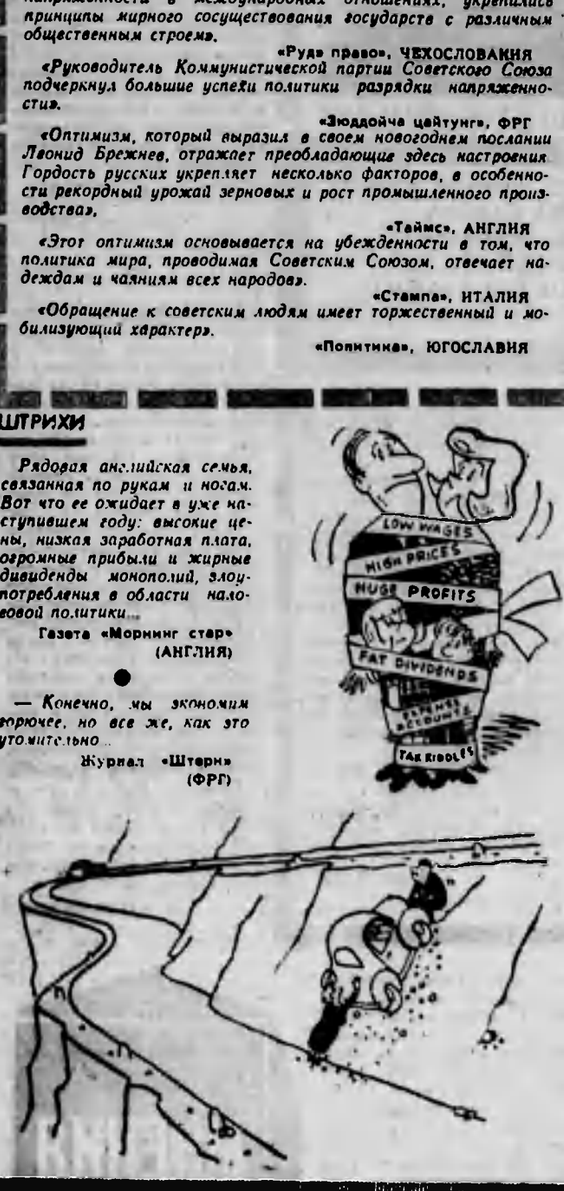
Газета «Морнинг стар» (АНГЛИЯ)

●

— Конечно, мы экономим горючее, но все же, как это утомительно...

Журнал «Штерн» (ФРГ)

СЕМЬ ДНЕЙ В ЯНВАРЕ...

КИТАЙ СЕГОДНЯ

ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ. НО ЧТО ИМЕННО?..

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

В новогодней передовой статье газеты «Жэньминь жибао», журнала «Хунци» и газеты «Цзефанцзюнь бао», статье, которая в нынешнем Китае является важнейшим директивным, направляющим документом, говорится о «прекрасной обстановке внутри страны и за ее пределами». Великолепие международной обстановки пекинское руководство видит в том, что «происходят колоссальные потрясения на земле», вроде войны на Ближнем Востоке. Великолепие внутренней обстановки вроде бы характеризуется обратным признаком — отсутствием потрясений, «тесной сплоченностью» и в партии, и в народе. Однако тут же, не переводя дыхания, авторы статьи предупреждают:

Нужно проводить марксизм, *а не* ревизионизм; нужно сплачиваться, *а не* идти на раскол; нужно быть честным и прямым, *а не* заниматься интриганством...

Само по себе предупреждение не новое: эти слова Мао Цзэ-дуна многократно цитировались, когда шла отчаянная борьба против сторонников низложенного Линь Бяо, причем имя последнего еще не называлось. Сейчас с «делом Линь Бяо» как будто покончено. Кому же адресовано недвусмысленно сформулированное предупреждение?..

Иностранные наблюдатели обращают внимание на то, что некоторые явления в сегодняшнем Китае весьма напоминают — при всем учете различия в обстановке — начало приснопамятной «культурной революции». Как известно, для внешнего мира «культурная революция» началась с критики учащимися своих учителей. А вот что сообщило на днях агентство Синьхуа:

28 декабря газета «Жэньминь жибао» на первой странице опубликовала письмо одной школьницы-пятиклассницы и отрывки из ее дневника, сопроводив их «Словом от редакции».

Школьницу зовут Хуан Шуай, ей 12 лет. В один сентябрьский день 1973 года она по радио услышала о том, как ученики Н-ской средней школы помогают учителю в исправлении недостатков. Это радиосообщение побудило ее высказать в дневнике (то есть в классном сочинении, написанном в форме дневника) свои критические замечания в адрес учителя. А тот тут же принялся зажимать критику со стороны своей ученицы, считая, что она этим подрывает его авторитет.

По этому поводу девочка написала письмо в редакцию газеты «Бэйцзин жибао», в котором спрашивает: «В чем же я виновата? Разве мы, подростки, живущие в эпоху Мао Цзэ-дуна, все еще должны быть рабами под игом старой педагогической системы «неприкосновенности абсолютного авторитета учителя»?»

12 декабря газета «Бэйцзин жибао» опубликовала письмо Хуан Шуай и отрывки из ее дневника и в «Слове от редакции» горячо рекомендовала их читателю для прочтения, призывая к широкому и глубокому обсуждению.

28 декабря газета «Жэньминь жибао» отметила, что «тот факт, что Хуан Шуай осмелилась открыть огонь по пагубному влиянию ревизионистской линии в области просвещения, живо отражает революционный духовный облик нового поколения, воспитываемого на мао-цзэдуновских идеях. Таких подростков, как Хуан Шуай, в нашей стране тысячи и тысячи».

На своей первой странице газета «Жэньминь жибао» опубликовала и сообщение о том, как учителя и ученики первой Чжунгуаньцуньской начальной школы, сплоченные воедино, принимают деятельное участие в просветительной революции после обнародования письма Хуан Шуай в газете «Бэйцзин жибао». Под руководством партячейки школы учителя и ученики дальше изучали указания председателя Мао Цзэдуна относительно просветительной революции. В школе везде и всюду — в классных комнатах, в коридорах и на спортивной площадке — люди горячо и оживленно спорят по следующим вопросам: «Чему мы должны учиться у Хуан Шуай?», «Как понимать, что учителя и учащиеся — товарищи по оружию в одном окопе?». Старшеклассники выпускают стенгазеты, посвященные критике тлетворных влияний ревизионистской линии в области просвещения. Многие школьники заявляют, что будут учиться у Хуан Шуай революционному духу — духу смело выступать против ошибочной тенденции, быть маленькими застрельщиками революции, а не покорными ягнятами.

Учителя и ученики сердечно беседуют и совместно пишут критические статьи.

Совпадение этого факта с тем, что творилось в начале «культурной революции», быть может, случайное, но многозначительное. Оно подкрепляется многими фактами, цитатами, мыслями, запрятанными между строк в той или иной статье. И не случайно газета «Таймс оф Индиа» задается вопросом: «Не будет ли еще одной культурной революции?» В статье под таким заголовком газета пишет:

Судя по напряженным дискуссиям, которые проходят сейчас в школах и колледжах, среди рабочих и крестьян, и по язвительной полемике в печати, создается впечатление, что идет подготовка к очередной «культурной революции».

Подлинная политическая цель нынешней кампании еще не ясна. Однако... косвенно это свидетельствует о борьбе за власть среди правящей элиты.

Хотя нет никаких веских доказательств, которые подтверждали бы эту догадку, тем не менее есть основания считать, что предполагаемым объектом нападок со стороны некоторых кругов являются «умеренные», возглавляемые премьер-министром Чжоу Энь-лаем. Чжоу Энь-лай, по-видимому, подвергается критике со стороны радикальных левых, которых представляют жена председателя Мао мадам Цзян Цин и так называемая шанхайская группа.

Это не все. Есть сведения, что в среде военных существует некоторое недовольство. Военные, несомненно, опасаются попытки радикалов подорвать их политическое влияние.

Чиновники, на которых тоже сыпались клеветнические выпады во время «культурной революции», также, вероятно, решительно не одобряют какие-либо уступки радикалам. Они знают, что, если их страна снова будет страдать от неразберихи в результате радикальных потрясений, понадобятся их административное искусство и опыт.

В ближайшем будущем решающим станет вопрос о том, сколько будет стоить еще одна «культурная революция». Как долго сможет выносить страна, и особенно ее крестьянство, режим навязанных лишений — спорный вопрос.

Эти, как и многие другие подобные предположения находят косвенное подтверждение в недавней перетасовке, произведенной в китайской армии. Как известно, заменено большинство командующих военными округами. Эти перемещения являются самыми большими со времен массовой чистки, последовавшей в китайской армии после смещения Линь Бяо. Французская газета «Насьон» называет «сенсационным» назначение на пост командующего военным округом Шэньяна Ли Дэ-шэна.

«одного из пяти заместителей председателя партии, который с сентября 1970 года был начальником Главного политического управления армии; он, по-видимому, теряет этот пост»,— замечает газета.

Прокомментировав некоторые другие перемещения, «Насьон» приходит к выводу:

Следовательно, перемещения, о которых было сообщено, в некоторых случаях были вызваны тем, что командующие военными округами с течением времени приобрели слишком сильное влияние. Проводя эти изменения, партия хотела лишний раз убедительно доказать свою власть над армией; по отношению к многим кадрам армии в недавнем прошлом уже были приняты меры по «перевоспитанию».

Кроме того, эта предварительная мера, может быть, была необходима для дальнейшей перестройки государства.

В комментарии на ту же тему парижская газета «Эно» подчеркивает:

«Создается впечатление, что за внешне монолитным фасадом великий спор о «культурной революции» далеко не исчерпан».

Признаки, подтверждающие это предположение, скрыты в понятном лишь для посвященных идеологическом споре, все больше занимавшем внимание Коммунистической партии в Китае за четыре месяца, прошедшие после того, как она инсценировала национальный съезд, который, как казалось на первый взгляд, был предназначен послужить демонстрацией единства. Теперь стало очевидно, что этот съезд подготовил условия для борьбы между политическими группировками, высказывания которых друг о друге становятся все более ожесточенными и несдержанными.

Если давать каждой группировке ту характеристику, которую сочинили ее враги, то эта борьба ведется между «оппортунистами» и «представительными главарями буржуазии». Специалисты по анализу обстановки за пределами этой страны склонны называть их соответственно «левыми» и «умеренными» и предполагают, что «левые» — это должностные лица партии, которые выдвинулись в период «культурной революции», а затем увидели, что их влияние ослабевает. Как бы их ни называли, они, очевидно, настроены серьезно.

Подлинный характер этой борьбы и вопрос о том, кто именно и на какой стороне находится, остаются туманными. Наблюдатели извне видят лишь тени на стене, которые ведут дебаты, принимающие форму, достойную средневековой схоластики, — относительно роли конфуцианства в китайской истории или смысла какого-то конкретного афоризма председателя Мао.

Приведем один пример подобной замысловатости. Председатель Мао однажды, как сообщают, сказал: «Идти против течения — это один из принципов марксизма-ленинизма». Но против какого течения? Те, кого считают левыми, говорят, что имеется в виду «реакционное течение» этих «представительных главарей буржуазии», которые «украли власть». Те же, кого считают умеренными, заявляют, что речь идет о противоположном течении, которое они называют «течением оппортунизма», представляемым «главарями оппортунистической линии в рядах партии», «выступающими против партийной дисциплины».

Если перевести все это на нормальный язык, то эти обвинения, по-видимому, сходятся в одном пункте, что умеренные — это те, кто обладает властью сейчас. А их противники подчеркнуто заявляют, что «истина неизбежно находится в руках не большинства, а меньшинства».

Как же в таком случае это меньшинство осмеливается вести себя столь напористо? Из всей этой мешанины, кажется, можно найти смысл лишь в одном ответе: им покровительствует и их защищает сам председатель Мао, который, возможно, пытается еще раз заставить Китай подчиниться его революционной прозорливости, прежде чем наступит время его преемников.

Говорят, он однажды сказал, что «обстановка меняется от великого брожения к великому миру через каждые семь или восемь лет». И сейчас как раз прошло почти 8 лет с момента последнего упомянутого им великого брожения. В то время как он вступает в девятое десятилетие своей жизни, возникает вопрос: а не намерен ли он предпринять что-нибудь столь же радикальное и всеохватывающее снова?

По-видимому, «прекрасная обстановка» внутри Китая отнюдь не характеризуется идиллическим спокойствием. И остается только повторить вопрос, заданный индийской газетой: какую цену придется заплатить за очередное «потрясение»? И кто будет платить эту цену?

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

SOS ИЗ ПРОШЛОГО

Несколько дней назад мы прислали в редакцию «ЛГ» вот этот сигнал бедствия:

Всем! Всем! Всем!

«Нефтяной кризис, под нажимом которого пошатываются демократические общества, неизбежно оказал катастрофическое воздействие на соотношение сил в мире. Он разразился в такое время, когда другие последствия бесплодности и разъединения Запада... начинают бить по нему же в напряженный момент.

За несколько недель Россия добилась таких стратегических, дипломатических, экономических и идеологических преимуществ, которых в обычное время можно достичь лишь в результате крупной военной победы...

Помимо нефтяного кризиса, возник раскол между Европой и Америкой, который выявился и усилился в результате разногласий по поводу ближневосточной войны.

Кроме того, в европейском сообществе наметились разногласия, порожденные трудностями из-за сокращения поставок арабской нефти, в связи с чем на может не возникнуть вопрос о том, как следует себя вести некоторым из этих стран перед лицом общего или выборочного военного нажима России.

Обе перспективы, создаваемые Россией для Европы, — жесткая, или военная, и мягкая, или политическая, — колоссально обострились в результате неудач, которые Запад потерпел в последние несколько недель.

Что касается первой перспективы, то возможности и решимость НАТО явно резко сократились в результате нехватки нефти и тревоги в отношении дальнейших поставок, особенно в случае военной напряженности или войны...

Но именно политические последствия, прямые и косвенные, в рамках НАТО и за его пределами, приносят наибольшие вознаграждения России за ее долгосрочную стратегию.

Чем больше будет Америка возмущаться недостаточными военными усилиями Европы, в результате которых на нее ложится все большее ядерное бремя, тем больше она будет культивировать свои особые отношения с Россией, чтобы ослабить ядерную опасность.

Это в свою очередь ведет к усилению у Европы подозрений в отношении мотивов Соединенных Штатов, а следовательно, и к ее большей уязвимости перед лицом дипломатического или военного нажима России...

«Мягкую перспективу» для Европы принимает форма «разрядки напряженности», которую в данных обстоятельствах можно считать только фальшивой...

...Разъединенность Запада в обстоятельствах нефтяного кризиса дает России важные идеологические преимущества в такое время, когда парламентская демократическая система все больше ставится под сомнение и получает все более сильный вызов...

Тот факт, что Россия и страны СЭВа не переживают топливного кризиса, приводят а доказательство превосходства коммунистического планирования. Что еще важнее, темпы их экономического развития будут беспрепятственно расти, в то время как на капиталистическом Западе они сократятся.

Экономические затруднения в западных странах могут привести к усилению социальных волнений и вызвать сильное полевение...».

SOS! «Дейли телеграф» Лондон. SOS!

В ответ мы решили срочно направить следующую телеграмму:

Лондон, «Дейли телеграф».

Ваш сигнал приняли. Помочь бессильны. Положение ваше действительно критическое, ибо вы дрейфуете в том района напряженности, вражды, злобы и отчаяния, который ныне почти никто не посещает, и поэтому помощи ям ждать, пожалуй, неоткуда. Попробуйте выплыть самостоятельно. Для этого вам необходимо усвоить, что:

1. Нефтяной кризис, оказавший столь катастрофическое, как вы сообщаете, воздействие на соотношение сил в мире, разразился не столько вследствие «беспечности и разъединения Запада», сколько в результате возросшего единства арабских нефтедобывающих стран, их отказа быть и впредь для Запада *лишь* объектом экономического грабежа, их твердой решимости положить конец всем *последствиям* израильской агрессии, восстановить свой суверенитет и мир для всех народов Ближнего Востока.

2. Те преимущества, которых, как вы говорите, наша страна добилась, стали возможными не в результате каких-то там «интриг», «нажима» или закулисных маневров, на что вы намекаете, а в результате последовательной и принципиальной миролюбивой политики СССР. Нефтяной же кризис является лишь подтверждением правильности нашей точки зрения о необходимости равноправия и недопустимости произвола в международных отношениях.

3. Ваш серьезнейший просчет состоит в том, что вы полагаете, будто кто-то волен «позволять» или «не позволять» социалистическим странам повседневно подтверждать уже давно доказанное превосходство их строя над строем капиталистическим

Да, это превосходство состоит, в частности, и в «коммунистическом планировании», и в том, что темпы экономического развития в странах социализма действительно беспрепятственно растут и будут расти. Превосходство социалистического строя над тем строем, который вы именуете «парламентской демократической системой», состоит, как это для вас ни прискорбно, и в том, что именно он является истинно демократическим, что только социализм, как бы ни тщились вы и ваши единомышленники доказать обратное, обеспечивает всем гражданам подлинные права и свободы.

4. Ваш вопрос о том, как следует себя вести некоторым странам, входящим в «Общий рынок», «перед лицом общего или выборочного военного нажима России», — это бесполезная в вашем положении инсинуация. Ибо ни «общего», ни «выборочного» нажима ни «военного», ни иного свойства Советский Союз ни на кого не оказывал и не оказывает. Вести же себя всем странам, видимо, следует, исходя из понимания неизбежности и пользы для всех мирного сосуществования.

5. Приборы, по которым вы определили, что «разрядку напряженности» в данных обстоятельствах можно считать только «фальшивой», явно плохо отрегулированы и потому врут. Судя по поступающей из разных стран мира (в том числе и из вашей) объективной информации, общественность Европы (всей, а не только Западной, которую вы неграмотно называете просто Европой) убеждена в подлинности, реальности разрядки. Мы разделяем эту точку зрения.

Мы убеждены, что, только точно определив, в каком десятилетии XX века вы находитесь, вы сможете пробиться сквозь затершие вас льды. Ждем ваших новых сообщений.

Ответ передал
Виктор ЦОППИ

«ДЕЛИРИУМ ПЕТРОЛЕУМ» ДЖОЗЕФА ОЛСОПА

Во всяком безумии должна быть своя система. Есть она и у Джозефа Олсопа, выступившего перед Новым годом в американской газете «Вашингтон пост» с поистине маниакальным прогнозом не столь уж далекого, по его словам, будущего своей страны. Прогноз не окончательный. Возникнет некая ситуация—прогноз сбудется, а не возникнет — так и не сбудется. Но первые признаки «нарождающейся ситуации», по мнению Олсопа, уже налицо.

Оглядев горизонт в десятикратный морской бинокль, Джозеф Олсоп узрел советские военные корабли почти во всех районах мирового океана. И это его напугало. А почему, собственно? У Советского Союза есть современный Военно-Морской Флот — было бы странно, если бы такового не было. А международное право объявляет океаны и моря открытыми для плавания флотов под любыми флагами.

И Олсоп не случайно направляет внимание своих читателей прежде всего на Ближний Восток. Ведь там — «нефтяные ресурсы Аравийского полуострова». И они-де не защищены, и они-де уязвимы. А поблизости режут волны своими острыми форштевнями советские военные корабли. Вот уже почти и ситуация!

Чувствуется, что использование арабскими странами «нефтяного оружия» вызывает у него ярость, а советская помощь народам арабских стран едва ли не сводит его с ума. И вот, набросав почти батальную картину советской военно-морской мощи в водах, омывающих Аравийский полуостров, Олсоп преподносит американцам свой новогодний прогноз: «если Кремлю удастся использовать нефтяную *артерию* в целях шантажа, можно не сомневаться, что это сильно подорвет нашу национальную независимость».

Это же явный случай «делирium tremens» — «нефтяной горячки»!

Психиатры возразят: нет и никогда не было такой болезни. Однако мы будем твердо стоять на своем: иначе состояние Джозефа Олсопа определить невозможно.

В безумии, которое продемонстрировал своим читателям Олсоп, есть своя система — мы к ней и подошли. Это означает, что он взялся за перо вовсе не для того, чтобы объявить: «Дела — керосин!». То есть плохи настолько, что хуже некуда. В общем-то, западному миру действительно не позавидуешь. Нефтяной кризис обернулся серьезным бедствием. Но Олсоп озабочен совсем другим. «Общему ослаблению американского военно-морского могущества», по его словам, противостоит то, что «впервые в истории Советский Военно-Морской Флот стал в этом году больше американского флота».

В дела Пентагона мы не вмешиваемся. Но мимо предложений Олсопа использовать ситуацию на Ближнем Востоке для усиления гонки вооружений пройти не можем. Он формулирует программу максимум: «немедленно приступить к разработке широкой программы, призванной укрепить нашу военно-морскую мощь».

Теперь многие, очень многие американцы поверили в возможность разрядки и высказываются в пользу нее. Олсоп хочет переборота общественное мнение. Но как? В атмосфере ослабления международной напряженности арсенал пропагандистов «холодной войны» оскудел. Остается «советская угроза». В чистом виде этот штамп давно не приносит прежних дивидендов. Но поскольку у Джозефа Олсопа ничего другого нет, он драматизирует «советскую угрозу», намекает на перерезанные артерии, пугает американцев потерей независимости... К чему эти ужасы?

«Ястребам» на Капитолийском холме удалось узаконить неоправданно тяжелое бремя военных расходов. «Ястребам» из Пентагона, по всему судя, не терпится начать дележку тех без малого 74 миллиардов долларов, которые составляют новый военный бюджет США.

Перманентное соперничество родов войск внутри Пентагона никогда не было секретом. И пером Олсопа всегда водил не просто Пентагон — нет, каждый раз он выступал от имени тех, кто считал себя обойденным при распределении бюджетных ассигнований. Сейчас, возможно, в положении таких «обиженных» почувствовали себя адмиралы военно-морского флота — и Олсоп тут как тут. Впрочем, в процессе окончательной доводки военный бюджет может возрасти еще на несколько миллиардов долларов, и «обиженных» в Пентагоне не будет вовсе. Но Олсопу только того и надо.

Если бы советская печать уже не присваивала однажды звание «адмирала чернильной лужи» престарелому Хэнсону Болдуину, военному обозревателю газеты «Нью-Йорк таймс», мы предложили бы удостоить такого звания Джозефа Олсопа. Но вот затруднение — как быть, если в следующий раз он будет защищать интересы военно-воздушных сил? Нет уж, остается ему до гробовой доски персоной без звания и чина в миру и заклятым сторонником «холодной войны» и таким же заклятым противником международной разрядки в политике.

Юрий ЯРЦЕВ

МЕХИКО

Мексиканский комитет защиты мира

Дорогие друзья!

С чувством глубокой скорби восприняли советские сторонники мира тяжелую весть о кончине выдающегося мексиканского художника и борца за мир, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», нашего большого друга Давида Альфаро Сикейроса.

Всемирно известный художник и неутомимый общественный деятель, он снискал глубочайшее уважение и искреннее признание своей приверженностью делу упрочения мира.

Созданные им произведения, прославляющие мир на земле, борьбу за торжество благородных идеалов свободы, равенства, независимости народов, навсегда останутся в благодарной памяти миллионов людей доброй воли.

Советские люди навсегда сохранят светлый образ последовательного интернационалиста, великого художника нашего времени Давида Сикейроса, безраздельно отдавшего свое горячее сердце, свой яркий, самобытный талант делу мира и прогресса всего человечества.

Примите, дорогие друзья, искреннее соболезнование по поводу кончины незабвенного нашего друга Давида Сикейроса.

От имени Советского комитета защиты мира
Николай ТИХОНОВ,
председатель комитета;
Михаил КОТОВ,
ответственный секретарь

ТЕЛЕКС

В СЕНАТЕ

Председатель сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайт (демократ от штата Арканзас) заявил, что он будет добиваться переизбрания в сенат во время промежуточных выборов в конгресс в этом году. В случае переизбрания Фулбрайте — это будет его шестой срок пребывания в сенате.

ТАСС

ОПЯТЬ ЯРОС

Как заявили семьи греческих политических заключенных, нынешнее правительство вновь открыло концентрационный лагерь на Яросе, безводном необитаемом острове площадью 7 квадратных миль в Эгейском море.

«Нью-Йорк таймс»

СМЕРТЬ ОТ ОБЕЗВОЖИВАНИЯ

В бразильском городе Сан-Паулу в первый день нового года от обезвоживания организма умерло 8 детей. Показательно, что все эти дети жили в фавелах — городских районах крайней нищеты.

ТАСС

ХЛЕБ КУЛЬТУРЫ

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ЛИСТА БУМАГИ

Почему прочитанные газеты выбрасываются в мусорный ящик? Почему горят в кострах старые журналы, безвозвратно уничтожаются отслужившие деловые документы? Это ли не пример бесхозяйственности? Вся макулатура может и должна обретать вторую жизнь. Как этого добиться? Читатели предлагают конкретные меры.

Фото С. МАЙСТЕРМАНА (ТАСС)

Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу призывает нас ознаменовать четвертый год пятилетки новыми трудовыми успехами, настойчиво бороться за повышение эффективности производства. Как подчеркивалось на декабрьском (1973 г.) Пленуме ЦК партии, где с большой речью выступил Генеральный секретарь Л. И. Брежнев, мы располагаем огромными производственными резервами; чтобы умело использовать их, требуется широкий комплекс мер, и начинаться они должны с определенного сдвига в мышлении хозяйственных кадров, которые призваны покончить с бесхозяйственностью и расточительностью.

Разительные примеры такой расточительности и бесхозяйственности неоднократно назывались в ходе нашей кампании «Хлеб культуры», посвященной проблемам использование бумаги. Опубликованные в ходе ее материалы (статья А. Лвеикова «Семь лет — один ответ...», рейд Ленинградской писательской организации «Как самочувствие, товарищ Рулон?», статья писателя И. Халифмана «А костры все горят и горят...», «ЛГ», №№ 35, 37, 48, 1973) вызвали широкий и взволнованный отклик многих читателей.

Есть огрехи и просчеты, истинную цену которых хорошо знают лишь специалисты. Они могут назвать точную величину потерь от того, что дефицитное оборудование «лежнем лежит» на затянувшейся стройке, ценный металл переводится в стружку, а газ сгорает в факелах над промыслами, не дойдя до потребителя. Человек непосвященный такие потери представляет лишь примерно. Но когда бумага расходуется на никому не нужные издания, когда кипы макулатуры просто сжигаются, когда трудно выписать любимый журнал, а старые подшивки некуда деть — это видно всем и каждому. Никто не мог бы хладнокровно пройти мимо, если бы на его глазах топтали хлеб. Бумага — подлинный хлеб культуры, и к ней следует выработать такое же отношение, как и к хлебу, который мы едим,— этой мыслью пронизана наша почта.

Продолжаем начатый разговор. Для сегодняшней публикации мы отобрали прежде всего такие материалы, авторы которых выступают с различными — существенными и более частными, но неизменно конструктивными — предложениями.

Итак, предлагается:

- НЕСКОЛЬКО СТАРЫХ ГАЗЕТ В ОБМЕН НА СВЕЖУЮ
- ЗА МАКУЛАТУРУ—ТАЛОН ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЦЕННЫХ КНИГ
- МАШИНЫ ЕЗДЯТ ПО ДВОРАМ ЗА МУСОРОМ. ПОЧЕМУ НЕ ЗА СТАРОЙ БУМАГОЙ?
- УЧЕБНИК НАПРОКАТ
- СМЕННЫЙ КОНТЕЙНЕР РЯДОМ С КИОСКОМ
- ФУТЛЯР — ЗАЩИТА ДЛЯ ТОВАРИЩА РУЛОНА
- СМЕННАЯ ОБЛОЖКА ДЛЯ ТЕТРАДИ
- ЭТИКЕТКИ БЕЗ ГРАММА БУМАГИ

РЕПЛИКА ПИСАТЕЛЯ

КЛЯКСЫ НА ПРОМОКАШКЕ

РЕЙД ленинградских писателей констатировал, что дела с транспортировкой бумаги и ее хранением сегодня обстоят нисколько не лучше, а может быть, и еще хуже, чем несколько лет назад.

Надо, надо наконец принять меры к тому, чтобы так необходимый нам хлеб культуры — бумагу — не рвали, не мяли, не подмачивали, не валяли в грязи. Но вот что касается дальнейшей судьбы доставленного к печатной машине товарища Рулона, то тут, считаю, разговор — очень нужный и важный — даже еще и не начинался.

Пришлось мне встречаться в Госплане СССР с опытнейшим специалистом-бумажником, состоящим в руководстве группы Госплана, ведающей бумажной промышленностью. Говорили о многом, и в том числе о том, как нерационально, как невкономно мы расходуем порой бумагу, используемую и для печати, и для технических целей.

Вот один из примеров. Ежегодно в СССР изготовляется свыше четырех миллиардов ученических тетрадей. У каждой из них—обложка, на лицевой стороне которой пишется фамилия ученика, а на обратной напечатана таблица умножения. И—все. Внутренние стороны остаются чистыми; тетрадь использована, обложки выбрасываются вместе с нею.

— А вачем они, эти обложки? — резонно спросил мой собеседник. — Разве нельзя выпускать сменяемые обложка с кармашками, изготовленные из плотной бумага или тонкого картона? Они будут служить долго: одной и той же обложкой можно воспользоваться много раз! За рубежом это широко распространено.

Он быстро сделал подсчет и добавил:

— Один только бессмысленно фабрикуемые эти обложки к ученическим тетрадям забирают ежегодно 10 тысяч тонн бумаги, причем не какой-нибудь, а хорошего качества!

Но разве речь может идти только о зеленых, розовых, желтеньких обложках?.. А промокашки?.. В каждой тетради — обязательно промокашка. Зачем такое расточительство?.. Не лучше ли выпускать в продажу промокашки тонкими пачками по 5—10 листиков? И пусть каждый ученик приобретет для себя столько, сколько ему требуется. Сейчас практически девять десятых этих промокашек выбрасывают, рисуют на них рожицы и т. п. А ведь на круг за год эти промокашки тоже берут не одну тысячу тонн бумаги!

Дальше. В стране действуют тысячи районных типографий и не одна сотня сравнительно небольших ведомственных. Как рассказывали мне работники таких типографий, бумага, доставляемая им в рулонах для полиграфических работ (в основном для многотиражных газет), дает при разрезании на листы огромные отходы. Далеко не во всех типографиях имеются специальные устройства и механизмы для резки рулонной бумаги. Делать это приходится вручную. В размеры плоскопечатных машин стандартный рулон не укладывается. Остаются в виде узких полосок сотни и тысячи килограммов, а по стране тысячи и тысячи тонн ни на что не пригодных отходов. Они идут в макулатуру. Для того чтобы этого не было, следует резко увеличить производство так называемого флата, то есть печатной бумаги в пачках, разрезанной заранее на самой фабрике. В пачках бумага не страдает от транспортировки и дает минимальное количество отходов.

Для предметов массового потребления, идущих в продажу (бытовая химия, галантерея, продукты питания в упаковке и т. п.), выпускается неисчислимое количество всевозможных этикеток, наклеек, ярлыков. Давным-давно ведется разговор о том, что необходимо их заменить надписями, напечатанными прямо на упаковке, на таре. Но прогресс в этой области ничтожен. Огромное большинство производств, изготовляющих коробки, банки и прочую мелкую тару, не обеспечено простейшими печатными устройствами. Вот вам еще не десятки, а сотни тысяч тонн бумаги, которую мы могли бы употребить на цели более разумные.

У нас по-прежнему никак не используется, выбрасывается огромное количество старой бумаги, макулатуры. И не только потому, что сбор ее все еще организован скверно и безответственно, но и потому, что наша промышленность не в состоянии переработать собранное.

— Не можем, — говорят в Госплане СССР. — Не позволяют мощности бумажных предприятий.

А вот о чем говорили мне работники торговли:

— Для упаковки одежды, трикотажных, галантерейных, хозяйственных товаров бумаги мы получаем в обрез. Ее постоянно не хватает. А вот использовать старые газеты нам не разрешают: мол, некрасиво. Но почему нельзя организовать производство пакетов для непищевых товаров из старых газет, может быть, предварительно обработав бумагу в целях гигиеническая?

Иные из ручейков бумажных потерь по отдельности кажутся не столь существенными. Но попробуйте задуматься: во что сливаются ручейки?..

З. ДИЧАРОВ

ЛЕНИНГРАД

***

Почему автомобиль или мотороллер с небольшим грузом на подъезжает раз в неделю к каждому дому! Почему тут же возле дома нельзя выплачивать людям небольшое вознаграждение за бумажные отводы!

Ведь в малогабаритных квартирах никто не станет хранить ненужные газеты больше недели, и никто не повезет их сам в пункт утильсырья — не автобус потратишь больше, чем выручишь.

В иных странах удельный вес макулатуры в производстве бумаги составляет 50—60 процентов. В США миллионы тонн бумаги делают из ненужных газет и журналов.

Мне кажется, каждый киоск и магазин, торгующий изделиями из бумаги, должен принимать и макулатуру. Весы, контейнеры и все прочее, что для этого требуется, не такая уж неразрешимая проблема. Надо в обмен на старые газеты, журналы, книги тут же продавать новые, а том числе и наиболее интересные, дефицитные издания — энтузиастов сбережения бумаги непременно поощрять, предоставляя им преимущество в покупке литературы! В конце дня специальная машина, объезжая все магазины и киоски, заберет контейнеры с бумагой и оставит пустые. А киоскерам и продавцам книжных магазинов — выплачивать дополнительное вознаграждение, чтобы они тоже были заинтересованы.

В. МЕЯБАУМ,
кандидат медицинских наук

СОЧИ

***

Я железнодорожник, очень часто вижу, как грузчики уродуют бумажные рулоны. И мне не просто жаль бумагу — меня злость берет на тех людей, кто допускает такую бесхозяйственность. Но только злиться и критиковать — этого мало. Поэтому хочу выразить то, что говорят грузчики, проткнув очередной рулон вилами. По их мнению, можно уберечь бумагу от повреждений при транспортировке и без дорогостоящей техники. Вот что нужно — специальная упаковка для каждого рулона индивидуально. Что-то вроде металлического футляра с откидной стенкой, в который рулон закатывался бы плотно. Сверху — петли, кольца, чтобы можно было поддеть автопогрузчиком. И, естественно, надпись: «Срочный возврат!».

Простите, что написал небрежно — спешу, сейчас рулоны катать будем из вагонов. И не смейтесь над таким «рацпредложением»: оно, может, наивно, но от души.

М. ДАНИЛЕВСКИЙ

СЕВАСТОПОЛЬ

***

Я ваш старый подписчик и читатель и скажу откровенно: «ЛГ» нравится мне тем, что поднимает актуальные и наболевшие вопросы, требующие безотлагательного решения. Однако я обращаю ваше внимание на низкий коэффициент полезного действия ваших статей постановочного характера. Вся эпопея с макулатурой, о которой газета не раз писала, вновь поднятая И. Халифманом в статье о горящих кострах, — это ли не разительный пример недостаточной, увы, эффективности? Речь идет о вопросе государственной важности—утилизации старых газет, журналов, ненужных книг, тетрадей, наконец, бухгалтерских и канцелярских архивов (разумеется, тех, в сохранении которых отпала надобность). Дать всем этим сотням и тысячам тонн никому не нужного бумажного хлама вторую жизнь—значит во многом сберечь, предохранить от истребления леса. Надо разобраться в этом дело до конца. Предлагаю: проблему взять под общественный контроль всех читателей «ЛГ», не отступать, пока не решим этот вопрос, пока не перестанем выбрасывать и сжигать старые газеты и журналы. Есть вопросы, трудно поддающиеся решению и контролю, а с макулатурой все достаточно ясно, и надо добиваться безотлагательного решение, собрать все резумные предложения.

Г. ОЛИТСКИЙ

КАЛУГА

***

Думается, к проблеме сбора и переработки макулатуры надо подойти с другого конца. Недостаточно одного лишь внешнего воздействия не те организации, которые по роду своих прямых обязанностей должны это делать, но все еще делают из рук вон плохо и безответственно. Вот бросающееся в глаза противоречие: тот, кто кровно заинтересован в книгах, непосредственно никак не заинтересован в сборе макулатуры. А если за макулатуру расплачиваться с населением не деньгами, не лотерейными билетами, а специальными талонами, дающими право на преимущественное приобретение дефицитных книг новых изданий! Для этого надо выделить особые книжные магазины, которые будут принимать у владельцев «макулатурных купонов» заявки на новые издания и удовлетворять их. Тогда рубль, вырученный от сдачи макулатуры, будет представлять собой совсем иную ценность, чем рубль, полученный за то же самое «живыми деньгами» в палатке утильсырья. И не приходится сомневаться, что многомиллионная армия наших книголюбов не только будет собирать каждую бумажку, но и возьмет на себя инициативу подтолкнуть деятельность тех организаций, которые должны эту бумагу принимать и оплачивать.

По этому образцу можно было бы принимать и макулатуру от организаций, обеспечивая их взамен дефицитной продукцией из бумаги.

Думается, такого рода меры быстрее погасят костры из бумаги, чем самые строгие наказания или благородные призывы. Конечно, все это не избавит нас от необходимости дополнительных вложений в промышленность по переработке макулатуры. Однако в новых условиях они будут высокорентабельны, имея под собой столь надежное и объективное основание, как налаженная по всей стране эффективная системе сбора старых газет, журналов и прочих ненужных бумаг.

Г. СУНЯГИН

ЛЕНИНГРАД

МНЕНИЯ

Георге МААРЧУК, собственный корреспондент «Литературной газеты»

УРОК РАСТОЧИТЕЛЬНОСТИ

НАШИ РЕБЯТИШКИ — сорок девять миллионов школьников — прошли половину очередной дистанции: кончилась вторая четверть. В эти дни в каждой семье, естественно, много говорят о дневниках и отметках, но у меня есть знакомые, которые еще и теперь, по прошествии целого школьного полугодия, продолжают говорить об учебниках, недостающих их ребятам. А три-четыре месяца назад все подряд домали голову над одним: как бы побыстрее достать учебники, все учебники, которые требуются...

Дети, как и взрослые, привыкли к тому, что в поисках лучшего все вокруг — и программа, и, следовательно, учебники — находится в постоянном процессе обновления и дополнения. Учебник должен шагать в ногу с временем и даже чуть впереди. Это понятно: вместе с учебником растет наша завтрашняя смена. А каков же он, школьный учебник, каким он должен быть? И, в частности, правильно ли мы его издаем? Во что обходится учебник с точки зрения затрат бумаги?

Один только год!

Предложу чисто школьную арифметическую задачку. Если на три тысячи учебников расходуется примерно одна тонна бумаги, а для ее изготовления необходимо срубить около 40 елок, то спрашивается: сколько леса можно было бы сохранить, продлив жизнь учебников на 3—4 года? Дополнительно к задачке известно, что только в Российской Федерации, например, в минувшем году было подготовлено около 200 миллионов экземпляров учебников, в нашей Молдавии — больше трех с половиной миллионов. Спрашивается повторно: по-хозяйски ли мы используем бумагу и лес, идущие на учебники? Нет, думается, пока не по-хозяйски.

Взрослые, правда, частенько подают один добрый совет: поучился — передай книжки младшему брату или товарищу. Или сдай свои учебники — «в хорошем состоянии»! — в школу и в обмен получи новые. Но тут, как говорится, и возникает ряд вопросов. А если нет младших брата или сестры?.. А как расшифровать растяжимую формулу «в хорошем состоянии»?.. А как быть с так называемыми нестабильными учебниками, стареющими за один год?..

Я интересовался в Госкомиздате Молдавии, а также в Научно-исследовательском институте школ и педагогики Министерства народного образования республики: принимают ли школы старые учебники в обмен на новые? Мне ответили, что да, в принципе принимают, но... в ничтожно малом количестве, да и то лишь там, где есть энтузиасты.

Вообще скупка подержанных учебников по нашей, скажем, республике не превышает 10—15 процентов от общей потребности. Остальная часть тиражей ежегодно попадает в те дикие костры, что устраиваются во дворах школ после экзаменов, или сваливается в коридорах, поближе к мусорным ящикам. Сотни тысяч рублей, сотни тонн бумаги летят на ветер. Целыми лесными массивами приходится покрывать это незаметно укоренившееся расточительство... Что же получается? Мы предлагаем детям быть друзьями леса, помогать «зеленому другу», заботиться о нем и т. п. Мы организуем (изредка) их в походы за макулатурой. И мы же по существу мало чем препятствуем превращению в такую макулатуру живых учебников. Логично ли?

Библиотека «арифметик» и «грамматик»

Уже несколько лет на разных уровнях дебатируется проблема стабильных учебников и связанная с ней очень, на мой взгляд, важная проблема создания библиотечных фондов школьных учебников. Имеются документы, разработаны мероприятия — одним словом, и по этому вопросу тоже исписано немало бумаги. В Молдавии, например, в соответствии с требованиями новых программ к 1974/75 учебному году из 122 учебников для общеобразовательной школы 65 должны быть стабильными. А раз так, возникает вопрос: нельзя ли выпустить их сразу на всю потребность пятишести лет и не молоть каждый год заново огромное количество средств и сотни тонн бумаги? Ведь только в Молдавии на учебники уходит — сколько бы вы думали? — 43 процента ежегодных фондов бумаги, в том числе огромное количество остродефицитной офсетной. Книга, изданная сегодня, по своим техническим качествам должна служить минимум пять — семь лет, а к учебникам это требование относится в первую очередь.

А что же на деле?

Пока для 1 — 3-х классов в Молдавии печатается ежегодно заново около 80 процентов потребного тиража всех учебников; значит, за пять лет будет выпущено четыре (!) полных тиража, что обойдется государству в 2 миллиона 200 тысяч рублей и на что уйдет свыше 1250 тонн бумаги. Таким же, и для 8-го) будет все же легче, так как после создания библиотечных фондов учебников их придется лишь пополнять.

Проблема «библиотечного учебника» не нова. Для решения ее и практически уже немало сделано, например в Эстонии, в некоторых областях РСФСР, в Узбекистане и Таджикистане. Таким образом, дело касается распространения накопленного уже положительного опыта.

Есть такой опыт...

Как ни парадоксально, но основной помехой создания библиотечных фондов учебников являются... сами учебники, их пресловутая недолговечность. Уж очень медленно и по стране в целом, и в каждой из союзных республик разрабатываются стабильные школьные учебники в соответствии с новыми программами. Издатели жалуются на обилие различного рода изменений, пересмотр принятых решений, нарушения научных рекомендаций по объемам. Учебники 1—3-х классов молдавских школ, например, на 24 издательских листа «толще» утвержденных. Это десятки тысяч неподанных чудесных книжек для тех же читателей младшего школьного возраста. Быть может, целесообразнее вносить изменения отдельными блоками, чтобы не перекраивать весь учебник? Или же тщательно собирать поправки, доработки и вносить их один раз в четыре-пять лет?

Издатели ссылаются и на другое возможное препятствие. Баланс бумаги напряжен. Где же, мол, взять «фонды», чтобы «сразу» выпустить упомянутые полтора тиража на пять лет? Однако «абонементное». «библиотечное» использование учебников можно внедрить в нескольких этапов: сначала 1—3-е классы, а потом—в два или три этапа — остальные классы восьмилетки.

Другой вопрос: где взять деньги на приобретение учебников для школьных библиотек, кто будет за них платить, если на родители каждого ученика, как водилось прежде? Средства самих школ весьма ограничены... Жизнь, однако, дает уже ответ и на этот вопрос. В Эстонии фонд для приобретения учебников Министерство просвещения республики получило за счет отчисления колхозов и совхозов, промышленных предприятий, других организаций. Для этого еще в 1969 году было принято специальное решение о создании библиотечных фондов учебников.

Не таким уж сложным на практике оказалось и распределение учебников и вообще школьных пособий. Сейчас в Эстонии при Министерстве просвещения создана специальная служба, которая (через такие же службы при гор- и районо) координирует все, что связано со снабжением школ учебниками. Школы лишь заказывают, что им нужно.

Оппоненты могут ссылаться еще на нехватку помещений для хранения учебников или на необходимость создания в будущем мастерских для реставрации подпорченных книг и т. д. Что ж, это вопросы практические, и их решение с участием самих учащихся, несомненно, положительно повлияет на процесс воспитания в целом. Дело ведь не только в экономии денег и бумаги, в хозяйском отношении к делу, хотя ребятам нелишне получше знать повседневные «взрослые» заботы. Забота об учебнике — это и важный педагогический, воспитательный момент.

Ответственный работник Госкомиздата Молдавии рассказывал мне о своей поездке в Эстонию: во втором классе, например, дети учились по учебникам двухгодичной и трехгодичной давности. Просматривал он эти учебники в конце декабря, то есть спустя еще половину учебного года. И ничего. Учебники были в самом нормальном состоянии, дети очень бережно с ними обращались. Кстати, за сохранность учебников им ставят оценки, специальная графа введена в школьный табель. Обо всем этом прекрасно осведомлены и родители.

Отец и мать, где бы они ни работали, знают, что такое бережное, государственное отношение к инструменту, орудию труда. Школьный учебник — тот же инструмент, а может быть, еще более важный: он — инструмент знания.

Придет время, я думаю, когда в школах ежегодно будет торжественно отмечаться «День учебника», за бережное обращение с книгой будут учреждены почетные дипломы и похвальные грамоты. Возможно, на обложках учебников будут рисовать алые звездочки, по одной за каждый год продления жизни, как рисуют на автомобилях или комбайнах. А пока хотелось бы, чтобы читатель выделил в своем календаре «День учебника», чтобы задуматься о его судьбе, о связанных с ней важных путях большой экономии бумаги.

КИШИНЕВ

Рис. В. ПЕСКОВА

ЧТО ДАЛА ШКОЛА МОЕМУ СЫНУ

Уважаемая редакция!

Мой сын закончил школу. Обязательное среднее образование получено. Но образование это подчас следовало бы назвать принудительным. Десятилетнее наблюдение убедило меня в этом. И я решился на это письмо.

Прежде всего познакомимся с семьей. Я, отец, — главный специалист проектного института, инженер. Мать — начальник сектора в другом институте, инженер. Сын, Андрей, 17 лет, рост 174 см, вес 81 кг, имеет 1-й разряд по вольной борьбе (для взрослых!).

В первых числах мая Андрей изложил свое кредо. Вот выдержки из него: 1) школа вызвала у меня отвращение к учебе, 2) все знать не нужно и невозможно, 3) быть инженером не обязательно, 4) готовиться к выпускным экзаменам не желаю, все равно учителя «вытянут»...

Первые годы учебы Андрей провел в школе, где преподавание велось на английском (прошу запомнить о языке). Одни ученики успевали, другие — нет. Но всех регулярно переводили из класса в класс.

(Я учился в советской школе в период 1923—1928 гг. Тогда лодырей исключали, это не считалось чрезвычайным происшествием. Многих из исключенных учеников я встречал потом. Они стали хорошими рабочими, выросли детей, большая часть которых получила высшее образование.)

Посмотрим на занятия глазами детей. Вот строки из дневника Андрея:

14 мая 1969 г. (6-й класс). На уроке арифметики учительница спросила Сергея, на сколько делится число 35. Он ответил: на 2 и на 3. Получил единицу.

16 марта 1970 г. (7-й класс). На уроке русского языка Николай писал предложение так: «Ана жила обоконченой ребячю жизню». Получил 2...

Записи дневника говорят о многом. Безнадежно отстающие ученики сидят в классе, исключать их нельзя, им скучно, они начинают развлекаться (один, например, мазал доску салом, и следующий урок срывался и т..д.). Уровень знаний определялся не лучшими учениками, а худшими, так как учитель уделял отстающим все внимание. Все ученики поголовно переводились из класса в класс. А почему? Нельзя иметь двойки в четверти — за это будет нагоняй на педсовете, нельзя оставлять на второй год — за это накажет район. В результате у многих наблюдательных учеников появилось наплевательское отношение к учебе («Учитель все равно вытянет!»).

Андрей не готовился к выпускным экзаменам и сдал все на 4 и 3. Интересная деталь — я спрашиваю сына, как будет по-английски: «Я вижу». И — о, чудо! — Андрей не знал этого глагола. А отметка в аттестате по английскому языку — 4! «Другие знают еще меньше», — успокоил меня он. Куда же меньше?

Много лет мы ищем новые методы обучения, начиная от знаменитого Дальтон-плана и кончая последними «экспериментами», когда второклассники, не зная таблицы умножения, решают задачи с «иксами» и бедные мамы с высшим образованием не знают, как помочь своим очумевшим детям. Наверно, все эти «новейшие» методы приемлемы для отдельных детей (будущих гениев), но неприменимы для массовых школ.

Я должен сказать, что с удовольствием читал учебник физики для 10-го класса (тоже какой-то «экспериментальный»). Но мой сын брал его в руки с ужасом и без помощи родителей не мог осваивать. Действительно, наука бурно развивается, но школьники не должны все усваивать (Андрей прав: все знать невозможно).

Читаю характеристику сына: способный юноша, программный материал усвоил хорошо, много читает художественной литературы... В последний раз школьные работники покривили душой. Он не прочел до конца ни одного произведения классиков...

«Школа вызвала у меня отвращение к учебе». Может, Андрей прав? Нужно отдать справедливость — он не склонен ко лжи.

С уважением
Н. СОРИН

КИЕВ

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

ГРАНИЦЫ ЗРЕЛОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Наши читатели проявляют большой интерес к дискуссии, ведущейся на страницах «ЛГ» под этой рубрикой. Только на очерк Аркадия Ваксберга «У крутого обрыва» («ЛГ», № 43, 1973) редакция получила свыше двухсот откликов. Обстоятельное, аргументированное письмо слесаря-наладчика Челябинского завода электромашин Г. Дементьева было опубликовано в последнем номере газеты за прошлый год. Рассказывая о жизни рабочего поселка, о фактах формального отношения к сложным вопросам воспитания подростков, автор этого письма адресовал немало упреков нашим общественным и правовым организациям. И, естественно, эти упреки не могли остаться без ответа.

Сегодня мы публикуем комментарий к письму Г. Дементьева члена коллегии МВД СССР С. КРЫЛОВА и мнение кандидата психологических наук Ф. МАХОВА.

Трудная задача Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА

В СТАТЬЕ Аркадия Ваксберга «У крутого обрыва» («ЛГ», № 43) и в письме слесаря-наладчика Челябинского завода электромашин Г. Дементьева («ЛГ», № 52) поднимаются актуальные вопросы борьбы с правонарушениями подростков. Однако, как представляется, рассмотрение этих вопросов носит слишком узкий характер.

Конечно, очень важно, чтобы хорошо работал клуб, крайне необходимо, чтобы больше было кафе и ресторанов. Хорошо, чтобы в поселке был милицейский патруль, а еще лучше, если не один, а несколько... Серьезные вопросы, но, думается, не они лежат в основе преступления Слугина и Бульбакова. Преступление — это прежде всего нравственная деформация, или, точнее, результат деформации личности. Почему эта деформация происходит? Как могло случиться, что подросток дошел до последней степени падения?

Попробуем раздвинуть рамки события, о котором идет речь в «Литературной газете», и посмотреть на случившееся более широко. Нас не может не тревожить тот факт, что работающие подростки совершают в восемь раз больше правонарушений, чем подростки, обучающиеся в школах. Возникает вопрос: почему? Думается, что ежедневный контроль за школьниками со стороны учителя, большая степень занятости, более высокий уровень воспитания, более строгие материальные взаимоотношения с родителями дают в определенной мере ответ на этот сложный вопрос. Далее. Передо мной диаграмма уровня преступности по отраслям народного хозяйства. На самом неблагополучном фланге находятся предприятия, где наибольшая текучесть кадров, где нет хороших общежитий, плохо поставлена воспитательная работа, неудовлетворительно ведется борьба с пьянством. Уровень преступности среди лиц, занятых на таких предприятиях, в десять раз выше, чем на предприятиях, где труд более квалифицированный, где сложились прочные трудовые традиции, где хорошо поставлена воспитательная работа не только на производстве, но и по месту жительства. Посмотрим на показатели преступности по городам. Они также далеко не равномерны. Есть города, где уровень преступности в несколько раз превышает средние показатели. Может быть, в одном городе милиции больше, чем в другом? Нет, ее численный состав определяется пропорционально величине того или иного города. Нет особых различий и в уровне работы милиции.

Общественный порядок нарушают люди, которые работают в тех или иных коллективах или учатся в школах. Лишь девятнадцать процентов преступлений совершают лица, которые нигде не работают и не учатся. Хулиган не вырастает на улице. В стране немало городов с образцовым общественным порядком. И это то города, где борьба со всеми уродливыми явлениями не сводится только к охранным мерам, где вся общественность конкретно, предметно занимается именно теми вопросами, от которых зависит общественный порядок, воздействует именно на те причины и условия, которые влияют на рост преступности; в других городах этим занимаются недостаточно. Корень зла, о котором идет речь,—в низком уровне воспитательной работы, сознательности, культуры, в неумении использовать свободное время. В поселке кузнечно-прессового завода, о котором идет речь в письме Г. Дементьева, никого не беспокоило то обстоятельство, что профессионально-техническое училище плохо справляется с воспитанием своих питомцев, что в семье Слугиных господствовали пьянки, побои, что этот неприглядный семейный уклад самым отрицательным образом влиял на формирование характера и привычек подростка.

С. КРЫЛОВ,
член коллегии МВД СССР

«02» в эфире

Служба порядка: современный ритм

Мы еще далеко не удовлетворены работой милиции. Но нет ничего более пагубного, когда коллективы уповают только на силу милицейских мер. Традиционный вопрос «куда милиция смотрит?» используется часто как оправдание собственного равнодушия. Как бы ни была многочисленна милиция, как бы ни были высоки ее профессиональные качества и добросовестность, она не может решить тех социальных задач, которые должны решаться обществом в целом и отдельными коллективами в частности.

Как известно, всюду разрабатываются планы производства материальных ценностей, но порой мы забываем о ценностях духовных, о формировании человеческой личности. Борьба с преступностью — это серьезная социальная проблема и, как подчеркивается в Программе нашей партии, общенародная, общепартийная, общегосударственная задача, а не только «милицейский вопрос». Передний край борьбы с преступностью проходит в семье, в школе, в трудовом коллективе. Это фронт воспитания людей. И принуждение не может восполнить недостатки этого воспитания.

Г. Дементьев сетует, что в поселке нет постового милиционера. Требование законное и вполне убедительное. Правда, преступление может быть совершено, к сожалению, и там, где стоит патрульный постовой, в двухстах—трехстах и более метрах от него.

Однако милиция всегда должна своевременно включаться в дело и прибывать на место преступления в кратчайшие сроки, гибко маневрировать своими силами и средствами. Машинный патруль умножает силы милиции, а не уменьшает их. Он обязан не только появиться и на большой скорости проскочить мимо удивленных прохожих, он должен, заметив хоть малейшую потребность в своем вмешательстве, остановиться и заняться наведением общественного порядка. А если есть необходимость, некоторое время патрулировать пешком. Г. Дементьев справедливо считает, что маршрут патрулирования должен быть известен населению и дружинникам. Это совершенно необходимо. Больше того, мы должны сделать все, чтобы люди в любое время дня и ночи в случае необходимости могли своевременно и быстро вызвать патрульную машину. Мы убедились в том, что успех борьбы с правонарушениями зависит от возможности вовремя и незамедлительно поставить в известность дежурную службу, которая так же незамедлительно в пределах трех, максимум пяти минут высылает служебный наряд к месту происшествия.

За последние двадцать лет население наших городов значительно выросло. Этот процесс будет продолжаться. Численность же милиции за это время возросла значительно меньше. Такие пропорции закономерны. Нравственный климат в нашем обществе становится более здоровым. Правонарушения идут на убыль. И мы вовсе не ориентируемся на дальнейший численный рост рядов милиции. Наше социалистическое общество располагает мощными, можно сказать, безграничными возможностями, чтобы одолеть это зло, но они еще не всегда используются должным образом. Все дело в низком уровне организаторской работы. Кое-где у нас еще слишком много призывов, упований на то, что все уладится само по себе, и мало активных организаторских усилий. Там, где они есть, там есть и порядок. Об этом хорошо сказано в письме Г. Дементьева. Думается, что не следует на основе факта, который стал предметом статьи А. Ваксберга и письма Г. Дементьева, делать мрачные обобщения. Сам по себе факт вопиющий, но также бесспорно, что это не типичное явление для нашего общества, и думается, что для Челябинска в целом. Вместе с тем это тревожный сигнал, из которого нужно сделать соответствующие выводы всем нам, в том числе и милиции. И такие выводы будут, бесспорно, сделаны.

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ

С. СОЛОВЕЙЧИК

ПОСЛЕДНИЕ ПРОЦЕНТЫ

ОТВЕТ РАССЕРЖЕННОМУ ОТЦУ

ВОПРЕКИ законам логики, доводы и мысль часто расходятся. Бывает, что доводы — неопровержимы, а между тем мысль, которую эти доводы должны были бы подкрепить, — ложна. В письме инженера Сорина, напротив, многие положения или неверны, или случайны, их нетрудно опровергнуть. Но от тревоги автора письма отмахнуться нельзя. Можно рассказать ему о замечательных школах и талантливых педагогах, можно даже привести его в тот класс, где учился Андрей, и доказать, что у многих ребят этой школы серьезные знания. Но будет ли от этого легче отцу, для которого его сын — всё, вся школа? Когда человеку больно, трудно убедить его, что он ошибается. Уверяй, не уверяй — больно... С инженером Сорином случилось вот что: его сын оказался в числе немногих отпавших от школы.

Я не знаком с Андреем Сориным — и знаком. Видел его в разных городах. Вот сидит мальчишка-девятиклассник и не на «камчатке» сидит, а почти на первой парте, но в крайнем ряду, сбоку от учителя, сидит и механически, размеренно тычет сухим пером в парту — тык, тык, тык, тык... Плечи согнуты, время-от-времени пиджачка торчит над худой шеей. Глаз не поднимает, позы не меняет, только тык, тык, тык пером в парту. Я провел в классе неделю — с первого урока в понедельник до шестого урока в субботу. И пять часов в день, шесть дней в неделю, а уж наной год не знаю, сидит мальчишка и тычет пером в парту. Никто из учителей не вызывает его — бесполезно, никто не обращается к нему даже с простым вопросом, а когда в классе письменная работа, он неторопливо достает листок бумаги, дожидается, пока сосед спишет работу у сидящего сзади, потом списывает у соседа, как попало списывает, безучастно отодвигает листок от себя и опять — тык, тык. Он не больной. Я разговаривал с ним долго и подробно, он живой и содержательный мальчишка, он прочитал мне лекцию о ловле и содержании певчих птиц; с ним, пожалуй, все в порядке будет в этой жизни, у него есть и планы, и воля, и даже подобие чувства долга есть: в школу ходит аккуратно, не пропустил и урока. Но в школе он не учится, школу он отбывает. От школы он ОТПАЛ.

Присмотримся — да ведь не один он в классе!

Вот и другой — шумный, веселый, остроумный. Этот списывает открыто, через весь класс, весело препирается с учительницей (ему весело, и классу весело, а не учительнице), и если вы хотите поговорить с ним, то надо назначать свидание заранее, как с директором большого завода, — узнавать почтительно, будет ли он завтра в школе, а если будет, то досндит ли, например, до четвертого урока. Этого вызывать к доске не просто бесполезно, но даже и опасно: от него можно ждать любой выходки. Ну, конечно, потом будут разбирательства и вызовы родителей, но начой в них толк? Лучше учителю и не нарываться. И этот от школы ОТПАЛ.

Не берусь заниматься статистикой, да и критерии неясны для сводок, да и не подают таких сводок в роно: сколько в школе отпавших. Отсеявшиеся — известны. Отстающие, о двойками в четверти или в году, тоже пересчитаны — в процентах и в головах: они снижают успеваемость. Отсеявшегося устроят на работу или в училище. С отстающим будут заниматься дополнительно и воздействовать на его чувства всячески. Отпавшему, который «тянет на тройку с минусом», без разговоров и проволочек выдадут аттестат о среднем образовании. Это и произошло с Андреем Сориным.

НА ПЕРВЫЙ взгляд кажется, что проблему эту решить легко. Да отпустите этих «отпавших» из школы — здоровые парни, пусть идут работать, хватит им пером в парту тыкать!

Но нет! Нет, нет и нет!

Освободившись от обоза, армия легко и прытко поскачет вперед, но далеко ли? Освободившись от трудных учеников, школа жила бы замечательно привольно, но главная проблема ее осталась бы нерешенной — мы просто отложили бы ее на несколько лет или десятилетий, оставили бы для будущих поколений.

Впервые на такой огромной территории, как наша страна, поставлена задача дать среднее образование, открывающее путь к высшему, всем! Без какого бы то ни было отбора и отсева. Гуманный смысл этого поворота, определенного решениями XXIV съезда партии, трудно сразу и охватить. В решениях съезда сказано: обеспечить полный переход ко всеобщему среднему образованию. Но что значит полный? Это значит посадить за парты девятых и десятых классов, средних профтехучилищ, техникумов и тех ребят, которые прежде ни за что не стали бы учиться, которые не очень-то и хотят учиться, которые не собираются продолжать образование в вузе, которым труднее всего дается учение и которых во всем мире считают не способными учиться. И при этом школа не имеет права сдавать своих позиций, вводить облегченные программы и «более интересные» предметы. Наоборот, содержание образования усложняется, создают новые программы и учебники, с тем чтобы всякий, получивший аттестат, мог реально, а не формально иметь право учиться и в вузе, чтобы не было тупиков на его пути.

Советская школа должна учить — и выучивать! — тех, кого прежде ни в какие времена, ни в какой стране, ни при каких самых великих педагогах школа учить не умела, не хотела, не могла и не старалась.

Наша школа замечательна тем, что она вовлекла в обучение огромные массы детей и подростков, причем за неслыханно короткое время. Ведь даже всеобщему начальному образованию в нашей стране всего сорок лет, а не полтора века, как в других европейских странах. И при этом наша школа достигла очень высокого качества обучения, что признано всеми. Эти успехи, эти возможности и порождают нашу общую большую требовательность к школе. Заметим: инженер Сорин не только о сыне своем беспокоится, — его письмо отражает общественную озабоченность.

ЧЕМ БЛИЖЕ школа к заветным, счастливым ста процентам, тем острее проблема отношения к учению, тем больше школа зависит от желания учеников учиться. И так будет до тех пор, пока вопрос «зачем среднее образование?» вообще не перестанут задавать, как не задают сегодня вопроса «зачем начальное образование?» (а в прошлом веке задавали). Если бы сегодня была стопроцентная экономическая нужда в среднем образовании, если бы народное хозяйство не принимало людей без аттестатов, то и сегодня все старались бы учиться. Но тысячи и тысячи ребят из восьмилетки устраиваются в жизни, и неплохо. Зачем же, рассуждает парень «на последних процентов», тратить силы на долгое «мученье» в школе, если наука для меня трудна, а я и без науки проживу сам и пользу государству принесу? Однако он идет в девятый класс: в одних местах школа уговаривает, у нее план; в других местах среднее ПТУ уговаривает — у него тоже план; и вечерняя школа уговаривает, и родители уговаривают — у них все больше возможности содержать сына не то что до вуза — до пенсии. Парень идет в девятый класс школы или среднего ПТУ и вскоре оказывается в числе «отпавших». Потому что, повторим, учителя столетиями приучены учить тех, и только тех, кто более или менее хочет учиться, и не знают, что делать с теми, кто учиться не хочет: по старинке заставляют учиться двойками, вызовами родителей и прочими наказаниями, которые для этих новых учеников вовсе не наказания. Заставить учиться можно лишь того, кто все-таки боится остаться вне школы; а кто не боится, того ничем не заставишь, нет такой силы на земле. Того можно только прихотить.

Педагогическая же пропаганда по-прежнему убеждает всех без разбора: долг, долг, учение — долг, и объясняет «отпавшим», для чего учиться: для духовного, знаете ли, развития. Конечно, долг! Но чувство долга вырабатывается в школьном труде, а не только призывами. Духовное развитие — прекрасная штука, но того, кто может оценить его уже в юности, агитировать за учение не нужно — все равно что читать антирелигиозную лекцию для неверующих. И учитель, повторяя в классе правильные слова о труде и долге, недоумевает: все делаю, как положено, а результат... Ибо с «отпавшими» учениками и разговор должен быть другой: острее и прямее. Их не трогают речи о величии знания, и на каждый пример благотворного влияния геометрии на заточку резцов они приведут и свой, житейский, пример: такой-то не учился, а живет! И я проживу.

Цели обучения в средней школе меняются на наших глазах. А объяснение, зачем учиться тому, кому учиться трудно и неинтересно, надо искать, вырабатывать, уточнять.

ПРИХОТИТЬ к учению... Так что же, скажут, превратить школу в цирк? Облегчить учение? Учитель теперь должен на голове стоять перед учениками?

Нет, школа не цирк, учение не может быть легким, а учителю нужно стоять на ногах тверже, чем когда-либо, и трезво оценивать свое положение. Потому что тяжесть новой задачи почти целиком и без раздела ложится на плечи учителя. Учитель сам мучается с «отпавшими», сам и прикрывает их лжетройками; даже для директора школы и завуча они вроде бы и не существуют.

Издается богатая методическая литература о работе с отстающими — о работе с отпавшими писать не принято. Но «методика» такой работы есть.

На уроке географии в девятом (!) классе учительница дает самостоятельное задание: переписать в тетрадь из учебника данные о Мексике. Все получат отметки — для того и работа. Но надо открыть учебник и найти нужную страницу! При посторонием человеке, про которого известно, что он московский корреспондент, на моих то есть глазах. не стесняясь ни друг друга, ни меня, постороннего, ни учительницы, примерно треть класса эту таблицу вовсе не из учебника списывает, а у соседей: так легче. Да и то не все списывают: если учительнице нужны отметки в журнале, пусть она и беспокоится, а мне зачем утруждать себя?

А как на уроке немецкого языка, где класс разделен на подгруппы и где, кажется, невозможно не вызывать? Все устроено гениально просто. Прежде на первых партах сидели отличники, а отстающие — сзади. Теперь на первых трех партах — «отпавшие», а учительница стоит возле четвертой, спиной к первым партам, и занимается с остальными учениками, хорошо занимается, профессионально: ученики толково отвечают... Первым же партам — за спиной учительницы — ни слова. Ни взгляда в их сторону. И чтоб на глаза не попадались!

Пока Академия педагогических наук разрабатывает науку учить, другая, невидимая академия, без защиты диссертаций, без присвоения званий, бесплатно, на общественных началах разрабатывает науку не учить.

СЕГОДНЯ учителю говорят: пройди тему, спроси, поставь отметки. Реже говорят — развивай. И уж совсем редко призывают: учи учиться, пробуждай интерес к учению, это самое важное!

«Отпавших» можно прихотить к учению только учением же, и ничем больше. Ученик теряет интерес к школе не потому, что в школе «неинтересно» (большинству-то интересно!), а потому, что он безнадежно отстал, не понимает, о чем там говорят, у доски, и не видит возможности догнать класс. «Я не способен», «мне это не нужно», «зачем учиться?» — обычные защитные реакции. Стоит показать такому ученику, что он может, способен учиться, — и сразу возникает интерес.

Обычно ученику вроде бы и не обязательно сосредоточенно слушать учителя и постоянно делать уроки — вчера вызывали — завтра не спросят. Слушать или не слушать, заниматься сего дня дома или не заниматься — это вопрос совести и дисциплины. Но вот какой-то материал остается непонятым. Пробел... Для сильного — нестрашно: догонит самостоятельно. Для слабого, из «последних процентов» — беда: он не может наверстать упущенное и вот уже все — непонятно и, следовательно, все — «неинтересно». И тут к совести взывать бесполезно.

Донецкий учитель математики Виктор Федорович Шаталов, например, учит так, что у его учеников буквально нет возможности отстать от класса, — и сразу всем стало интересно учиться. У Шаталова все вынуждены слушать учителя, потому что по ходу объяснения он чертит на доске схему-конспект урока, и кто не слушает, кто не поймет конспекта (учебник его не заменит!), на следующем уроке пропал. На следующем уроке весь класс будет писать эти же конспекты по памяти и на отметку. После того как конспекты сданы, тут же кого-нибудь вызовут к доске и весь класс внимательно будет слушать отвечающего: интересно сейчас же узнать, как ты сам справился с работой, в чем ошибся. Таким образом, каждому ученику на каждом уроке ПРИХОДИТСЯ слушать учителя и товарищей и самому отчитываться. Постоянный контроль и самоконтроль! Учитель не и совести взывает, он вроде бы и не заставляет учиться — он просто-напросто лишает учеников возможности избежать работы. И через некоторое время «отпавших» уже нет, все чувствуют себя сильными, все воодушевлены, горды собой и учатся с великой охотой и трудолюбием.

Выпускники учителя Шаталова нынешним летом держали экзамены в вузы Ленинграда, Харькова и Донецка. На 71 экзамене по физике и математике они получили (не в школе — на конкурсных экзаменах!) 49 пятерок, 19 четверок и 3 (три) тройки! А в седьмом классе до прихода Шаталова будущие ученики его имели круговую отметку по математике за год два балла и семь десятых...

Дело тут не в самом методе — можно найти и иные совершенные способы обучения. В поисках Шаталова и других учителей важен новый психологический настрой: давать прочные знания всем без исключения, учить ребят школьному труду, не мириться с «отпавшими», не закрывать глаза на них.

Школа может учить всех, может у всех развивать страсть к учению. Не надо только делать вид, будто все это легко, все получится само собой, тем самым принижая поистине героический труд советского учителя 70-х годов. Инженер Сорин вправе сердиться на школу, но надо быть к ней и справедливым. Мы на серьезное дело замахнулись, и надо искать, искать, не стесняясь, искать способы увлекать учеников учением, использовать весь наш богатый опыт, подхватывать каждую крупицу творчества учителей, чтобы распрямился на парте и последний из «отпавших» и смолкло бы скрипучее тык, тык, тык да тык.

ЧТОБЫ С «ТРУДНЫМИ» БЫЛО ЛЕГКО...

ПОДРОСТКИ, как известно, свободное время проводят чаще всего в коллективе сверстников. Коллектив коллективу —рознь: преступления против личности, хулиганские выходки тоже обычно совершаются не в одиночку. Подчас поражает жестокость, которой сопровождаются преступления подростков. Мне думается, что это вовсе не свидетельство патологического садизма, в своеобразный «допинг» для чувств и ощущений, самое доступное средство возбуждения психики, извращенная реализация потребности в нервной разрядке. Такая линия поведения в определенных ситуациях особенно характерна для людей с крайне низким уровнем культуры и укоренившимся пренебрежением к нормам морали.

У подростка это усугубляется еще тем, что демонстрация силы, физического превосходства не только укрепляет его авторитет среди сверстников, но и возвышает его самого в своих глазах. Переключить энергию подростка, его «агрессивность» (весьма зависящую, кстати сказать, от темперамента, от индивидуальных свойств характера) в иное, тоже активное, но социально полезное или хотя бы социально безвредное русло — вот важнейшая задача тех, кто работает с «трудными» подростками.

Легко сказать: «переключить». Нет ведь такого «переключателя»: повернул налево — хулиганство, повернул направо — трудовое соревнование или спортивный азарт. Для того чтобы «переключить», иногда требуются огромная подготовительная работа, время и терпение. Впрочем, порой достаточно и одного слова, если оно сказано непререкаемым авторитетом, например, старшим парнем, играющим за любимую команду...

Вместо отвлеченных разговоров о том, что «надо сделать», чтобы предотвратить противоправные действия «трудных» подростков, не лучше ли изучать и внедрять пока еще скромный, но все же существующий положительный практический опыт?

Вот уже несколько лет ленинградские обком и горком ВЛКСМ совместно с Управлением внутренних дел и Комитетом ДОСААФ ежегодно проводят летние состязания — слеты подростков — своеобразную военно-патриотическую и спортивную игру, проходящую в полевых условиях со всеми атрибутами лагерной обстановки (палатки, полевые кухни и т. д.).

В минувшем году было решено собрать на этот слет 500 «трудных» подростков из Ленинграда и области — тех самых «трудных», чей «творческий почерк», к сожалению, хорошо знаком органам милиции. Поразительно, что именно эти подростки, которых принято называть педагогически запущенными, причинялки организаторам намного меньше хлопот, чем иные участники других молодежных слетов, куда собираются только лучшие из лучших.

Впрочем, ничего поразительного в этом я не вижу. Приподнятая обстановка, повышенное возбуждение, дух соперничества, ритм спортивной борьбы—все это в полной мере отвечало «внутреннему настрою» его участников, их темпераментам, потребностям, вкусам. Все время надо было что-то делать, преодолевать трудности, соревноваться, достигать, завоевывать, сознавая при этом, что каждый промах отразится на положении товарища, всей команды, всего отряда. Да, целыми днями ребята жили в атмосфере напряженности, но это была прекрасная напряженность, которая вызвана не страхом или паникой, а желанием во что бы то ни стало победить.

В программу слета входили спортивные соревнования, военизированная эстафета, конкурсы художественной самодеятельности, многочисленные турниры, требующие ловкости, находчивости, сноровки.

Известно, что ничто так не сплачивает ребят, как коллективное стремление к победе. Здесь оно было настолько велико, что любое нарушение дисциплины (за него штаб слета немедленно сбросил бы несколько очков) расценивалось самими ребятами как ЧП, как потеря, завоеванных позиций. Вот почему таких нарушений на слете почти не было. Лишь один из нескольких сотен подростков совершил кражу зажигалки и сигарет и был строго судим своими товарищами.

Разумеется, за считанные дни такие относительно устойчивые черты личности этих ребят, как расхлябанность, грубость, лень, цинизм, равнодушие к моральным ценностям, не могли быть «сняты». Они просто как бы ушли «в подполье», спрятались на время. Но есть, оказывается, возможность вытеснить их качествами положительными, социально полезными.

От самодеятельности в профилактической работе с трудными подростками надо наконец перейти к ее научной организации. Давно пора уже объединить разрозненные усилия комсомола, органов милиции, отделов народного образования, комиссий по делам несовершеннолетних в единую систему воспитательных мероприятий. Давно пора уже перестать делать основную ставку на энтузиастов, которых хватает максимум на год или два. Не могу не согласиться с мнением М. Коченова («ЛГ», № 43, 1973) о том, что в этом деле нужны научная основа, кадры, организация, которая вела бы всю работу «не только по зову сердца, но и по долгу службы».

Тогда, возможно, будет в наших городах меньше «безмотивных» преступлений, совершаемых подростками, не знающими, как «убить» свободное время.

Ф. МАХОВ,
кандидат психологических наук

ЛЕНИНГРАД

ЛЮДИ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Б. УРЛАНИС,
профессор

СЛИШКОМ МАЛО И СЛИШКОМ МНОГО

Перед разными странами мира стоят различные демографические проблемы — в одних странах рождаемость слишком велика, в других — слишком мала. Проблемы народонаселения много обсуждали печать, научные конференции. Нужны, наконец, решения авторитетных органов. Именно с этой целью ООН и рекомендовала созвать Международный конгресс по проблемам народонаселения на уровне правительств. Он состоится в августе 1974 года. Предстоит обсудить и решить важные и весьма острые вопросы.

В Советском Союзе, в европейских странах социализма ставится задача увеличения темпов роста населения. На стимулирование подъема рождаемости направлен целый ряд мероприятий. Ярким примером их эффективности служит Чехословакия, где усилия правительства помочь женщине сочетать материнство с участием в общественном труде увенчались значительным успехом. Коэффициент рождаемости, то есть число родившихся на 1000 жителей, в этой стране непрерывно возрастает: с 14,9 в 1968 году до 19,2 в первой половине 1973 года.

Чехословацкие демографы считают, что на три четверти этот рост является итогом активной демографической политики и лишь на четверть — результатом благоприятных изменений в возрастной структуре женщин.

У нас в последние годы также замечен некоторый рост потомства в молодых семьях. Так, в 1970—1971 годах на 100 женщин в возрасте 20—24 лет родилось немногим более 170 детей, а в 1971—1972 годах — около 174. Соответствующие цифры для возраста 25—29 лет — 132,1 и 137,1. Однако это ни в какой мере не снимает с повестки дня необходимость активизации нашей демографической политики, с тем, чтобы существенно облегчить для трудящейся женщины условия воспитания детей.

Совсем по-другому ставится вопрос о рождаемости в странах «третьего мира» (кстати сказать, этот термин ввел в обиход крупный французский демограф Альфред Сови) и даже в некоторых экономически развитых капиталистических странах. Вовсе не всюду и не при всех условиях высокий уровень рождаемости — благо.

Однако такая точка зрения не имеет ничего общего со взглядами печально известного священника Томаса Мальтуса. Его основная цель состояла в том, чтобы объяснить нищету английского народа результатом «полового инстинкта». Мальтус, как писал Август Бебель, сказал в нужный момент нужное для английской буржуазии слово.

Тем не менее и сегодня многие социологи и демографы на Западе прибегают в свою колесницу мальтузианского коня, называя рост населения «ящиком Пандоры», источником всяческих бедствий на земле: голода, войн, эпидемий, нарушения экологического баланса. Согласно их позиции, всякий рост населения следует рассматривать как отрицательную доминанту общественного развития.

В развивающихся странах действительно пока еще существует диспропорция между количеством рабочих рук и возможностью их использования. Но это не что иное, как так называемое относительное перенаселение, вызванное историческими условиями определенной социально-экономической формации.

ПОЖАЛУЙСТА, БЕЗ ПАНИКИ!..

Спор между демографами социалистических стран, с одной стороны, и капиталистических — с другой, ведется вокруг главной проблемы: что является причиной тяжелого материального положения многих народов, для которых недоедание и голод — не миф, но печальная реальность, а что — следствием? Да, чрезмерный рост населения в отдельных странах может обострить продовольственную проблему, этого нельзя отрицать. Однако первопричина трудностей лежит в социально-экономической отсталости ряда стран: ведь большинство из них совсем недавно освободилось от пут колониального рабства. Новый общественный строй создает предпосылки для подъема уровня жизни трудящихся масс; только в этих условиях женщина может получить образование, освободиться от суеверий, от устарелых обычаев — и встать на путь сознательного материнства.

В США и других странах нет недостатка в книгах, сеющих панику по поводу роста населения. Бюллетень Международного бюро труда в Женеве один свой номер начинает абзацем, выделенным черным курсивом: «В своей книге, озаглавленной «День Страшного суда», американский автор Гордон Раттрей Тейлор указывает, что в наше время мир проходит не через простой «взрыв населения», но нечто гораздо более серьезное. Ибо при взрыве, пишет он, частицы теряют скорость по мере того, как они отдаляются от центра взрыва. В области же демографии скорость частиц возрастает постоянно. Ясно, что демографическое развитие не может продолжаться бесконечно такими темпами. Однако до сего времени было мало признаков замедления. Как бы то ни было, реальным фактом остается то, что в момент, когда читатель пробежит эти строки, население во всем мире продолжает увеличиваться примерно на 100 человек в минуту». Сто человек в минуту — это неточно: примерно 150. Но и с утверждением о том, что «мало признаков замедления», нельзя согласиться. Во-первых, начинает снижаться рождаемость в ряде развивающихся стран; во-вторых, — и это особенно примечательно, — она резко падает в экономически развитых капиталистических странах. В 1957 году в США коэффициент рождаемости был равен 25 на тысячу жителей, к 1972 году он снизился до 15,6! Это небывало низкий уровень в истории США. Переход от трехдетной семьи к двухдетной означает огромное изменение в будущей численности населения. Через 50 лет он даст разницу по США в 100 миллионов человек!

ДЕТИ ПО КАРТОЧКАМ

Но и это многим кажется недостаточным. Выдвигаются проекты налоговых льгот супругам, имеющим только одного-двух детей. Известный американский демограф Кингсли Дэвис полагает, что если рост населения не поставить под «контроль» на добровольных началах, принуждение брачных пар к рождению минимального числа детей может в конце концов стать необходимостью. Таким образом, если в Англии подготовили карточки на бензин, то в США уже поговаривают о карточках на детей...

В то же время коэффициент рождаемости в экономически развитых капиталистических странах продолжает падать. В Канаде с 17,2 на тысячу жителей в 1971 году до 15,7 в 1972-м, в Нидерландах — с 18,8 до 16,1, в Великобритании — с 16,2 до 14,9 и т. д. Но особенное внимание привлекает процесс снижения рождаемости в ФРГ, где уровень рождаемости к 1972 году опустился до 11,7. Число умерших в ФРГ уже превышает число родившихся!

Такова пестрая демографическая картина современного мира. Это с полным основанием дает возможность говорить о том, что следует разделять проблемы населения на глобальные и локальные. Так и должен подходить к решению проблем Международный конгресс по проблемам населения. В нем примет участие и Советский Союз. Этот конгресс должен явиться самым крупным мероприятием года народонаселения.

СКОЛЬКО НАС БУДЕТ?

Человечество на земле существует один, а по некоторым данным, даже два миллиона лет. За это время оно увеличивалось в своей численности. Как французский естествоиспытатель Жорж Кювье мог по одной кости животного восстановить весь его скелет, так и демографы по отрывочным данным и косвенным источникам восстанавливают сейчас всю историю человечества в отношении его численности. К началу неолита (нового каменного века), когда происходила первая научно-техническая революция, численность населения земли достигала примерно десяти миллионов человек, к концу неолита — пятидесяти миллионов, а к началу нашей эры — 230 миллионов человек.

А вот последние, только что опубликованные расчеты ООН будущей динамики населения (в миллионах):

Годы	1070	1980	1990	2000
Менее развитые страны	2 542	3 247	4 102	5 040
Более развитые страны	1 090	1 210	1 336	1 454
Итого	3 632	4 457	5 438	6 494

Если этот прогноз подтвердится, удельный вес населения Азии (зарубежной), Африки, Латинской Америки возрастет к концу столетия с 70 до 78 процентов, а удельный вес экономически развитых стран соответственно сократится с 30 до 22 процентов.

Темпы ежегодного прироста населения, согласно этому расчету, до 1985 года сохранятся на уровне двух процентов, а затем начнут снижаться и дойдут до 1,7 процента к концу столетия.

Научно-техническая революция сказывается во всех областях жизни: внесет она свой вклад и в распространение сознательного родительства. Осуществлять планирование семьи станет легче и доступнее. Недавно, скажем, поступило сообщение о том, что вскоре контроль над рождаемостью можно будет осуществлять «путем вдыхания определенных ароматических веществ». Говорит об этом не какой-то авантюрист, а известный английский биолог А. Комфорт, книга которого «Биология старения» была издана у нас в 1967 году.

Открытия науки обеспечат всем женщинам возможность иметь только желанных детей, детей, «задуманных» на решающей инстанции — «семейном совете». Пока же в самих США, по данным комиссии Рокфеллера, в 1966—1970 годах появилось на свет 44 процента «незапланированных» ребятишек. Этот процент постепенно будет сокращаться в результате роста культурного уровня населения, потребностей, других факторов. Следует рассчитывать, что в будущем желательное число детей в семье во всех странах приблизится к той цифре, которая необходима для возобновления поколения. Поэтому в XXI веке, очевидно, будет происходить дальнейшее снижение темпов роста населения, и где-то во второй его половине, по моему мнению, население подойдет к стабилизации своей численности, примерно на уровне 11—12 млрд. человек.

В Лондоне, на Хайгетском кладбище, где похоронены Карл Маркс и члены его семьи, на цоколе памятника-надгробия, изображающего голову Маркса, высечен текст его знаменитого 11-го тезиса о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Эти слова должны служить путеводной звездой и при изучении проблем населения. Дело не только в том, чтобы объяснить объективные закономерности демографических процессов, но и изменить их в соответствии с условиями и требованиями времени и места. Марксисты исходят из того, что демографические процессы в условиях рационально организованного общества являются в значительной степени процессами управляемыми. Поэтому мы и говорим об определенной демографической политике. Мы вовсе не считаем целесообразным предоставить демографической «ладье» без руля и без парусов качаться на волнах безбрежного океана и плыть неведомо куда... Нет, мы за то, чтобы дать этой «ладье» определенное направление, чтобы она смогла приплыть к желанным берегам...

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

● ДЕМОГРАФИЯ: СПОРЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПАРАДОКСЫ

● РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ ТЕХ, КТО УШЕЛ НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ

● ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ ПОЛУЧЕН. МОЖНО ЛИ СТАВИТЬ ТОЧКУ?

ПЕНСИЯ, ХОББИ И ЛЮБОВЬ...

Ада БАСКИНА

ЧЕЛОВЕК выходит на пенсию под звуки торжественных речей, прославляющих его заслуги. А ему невесело... По многим причинам. Не только оттого, что выход на пенсию подчеркивает возраст — человеку придется менять весь жизненный уклад, а в такие годы это нелегко. «Начинающий» пенсионер боится утратить общественный престиж. Вдобавок он не приучен содержательно и с пользой проводить свободное время.

Престиж — авторитет в семье и обществе — складывается годами. Основан он на том, что ты необходим людям. Только тот, кто уверен, что окружающим нужны его опыт, знания, ум, руки, чувствует себя полноценным членом общества. Независимо от возраста. Пенсионер в свое свободное от помощи семье время ищет утверждения своей личности в работе общественной.

Признаюсь: я не без робости приступаю к этой теме. Знаю — она требует большой осторожности и деликатности. Пенсионеры охотно занимаются общественной деятельностью, они полны энтузиазма и готовности «без какого-либо вознаграждения потратить время и энергию на пользу дела, чем часто превосходят более молодых своих сограждан. Но с другой — увы! — не менее хорошо известны примеры, когда пожилые люди свой несомненно ценный опыт превращают в эталон. Порой проявляется нетерпимость к тому, чего не было «в наше время».

Несколько лет назад мне довелось изучать в одном южном городе работу общественного совета Дома образцового быта. Совет, состоявший почти сплошь из пенсионеров, делал массу превосходных дел — благоустраивал двор, возился с детьми, боролся с хулиганами и пьяницами. Когда было рассказано все, активисты совета вдруг вспомнили: «Да, вот еще какое было безобразие!..»

Переехали в этот дом супруги: доцент вуза и его жена. Жили отчужденно, в общей жизни двора участия не принимали. Однако не в том дело. Когда жена уехала в отпуск, а к мужу повадились ходить молодые особы, жильца вызвали на общественный совет и потребовали объяснений. Как и полагалось в том доме поступать с каждым, кто нарушает нормы — пьянствует, или хулиганит, или развратничает. Жилец, однако, на заседание совета не явился, общественному же представителю объяснил, что ходят к нему студентки — сдавать «хвосты» и на консультацию. Представитель поинтересовался: отчего же это они раньше не ходили, при жене-то? Доцент, уже раздражаясь, ответил, что раньше не было сессии и что вообще это не их дело. Совет долго заседал и вынес решение: до приезда жены запретить жильцу впускать к себе девиц. Тот, однако, несколько недипломатично ответил, что ему плевать на их решение и чтоб они убирались к черту. Совет хотел было вызвать милицию, потом устроить товарищеский суд, но в конце концов решил: шума не создавать. Просто написали жене на курорт письмо, где изложили события объективно, однако же несколько дополнив воображением. Жена примчалась сразу. Вместо благодарности, однако, кинулась в обменбюро. И лишь перед переездом на другую квартиру бросила что-то совсем неуважительное.

Вот чем обернулось искреннее желание приносить пользу людям...

Недавно в Свердловске на Верх-Исетском металлургическом заводе мне довелось познакомиться с работой тамошнего совета пенсионеров. Поражало, с какой продуманностью и целесообразностью организована тут общественная деятельность тех, кто уже перестал трудиться на заводе, но и по сей день чувствует себя неотъемлемой частью коллектива. Представитель совета есть в комиссии по проверке результатов соревнования. Это естественно — опытный производственник скорее определит, какой коллектив лучше работает. Есть представители совета и в комиссии социального страхования, и в бытовой, и в отделении городской ВТЭК на заводе. Все очень разумно: пожилые люди занимаются тем, что им хорошо известно и на что требуется время, которого у работающих всегда в обрез. Но особенно мне понравилось, как пенсионеры заботятся... друг о друге.

Я намеренно поставила тут многоточие, потому что очень уж нам непривычно, что общественная активность пожилых может быть направлена на них самих. А кто, как не они, нуждается в помощи?

В совет пенсионеров Верх-Исетского металлургического приходят за тем, чтобы получить путевку в дом отдыха, чтобы улучшить жилищные условия. По ходатайству совета завод выдал несколько квартир в новом доме бывшим своим работникам.

Но общественная работа полностью занять свободное время не может. Да и не должна. И от нее нужен отдых. Чем же его заполнить? При всей кажущейся незначительности (ну чего тут думать-то — лежи, гуляй, читай, в кино ходи) проблема эта может оказаться чрезвычайно сложной и даже неразрешимой. Если не готовиться к ее решению задолго до пенсии.

Дело в том, что ведь очень быстро приедаются любые занятия, кроме тех, которые действительно любишь. И если к старости оказывается, что таких занятий нет, что к ним не так уж сильно привязан, очень возможно, что предстоит весьма скучный «заслуженный отдых».

На IX Международном конгрессе геронтологов в Киеве известный австрийский социолог Леопольд Розенмайер, отвечая на вопросы журналистов, как предупредить раннее старение, сказал: «Люди ускоряют ритм своего старения тогда, когда для чтения остается больше времени, книги читаются реже! В поисках объяснения этого странного явления авторы выдвигают гипотезу: пожилые читают меньше молодых, потому что они менее образованны. Проверяют — нет, не подтверждается: и там, где у обоих поколений одинаковый образовательный уровень, все равно охота к чтению в старости падает. Правда, это не касается газет: их читают примерно так же. Думается, что интерес к книге угасает там, где он не стал привычкой, не перерос в потребность.

У пожилых людей, говорят социологи, значительно больше времени тратится на внесемейное общение: хождение в гости, прием гостей, в у мужчин — встречи с друзьями на улице. Ученые подчеркивают, что эта тяга к свободному общению, напоминающая стремление молодежи собираться во дворах, вне дома, коренится в самой социально-психологической природе старости. Об этом заключения в первую очередь должны узнать те, кто помогает организовать досуг, — заведующие клубами, директора кафе архитекторы, работники ЖЭКов. Ведь это их прямой долг — облегчить пожилым людям возможность общения со сверстниками, помочь им в том, к чему они так естественно стремятся — встречам друг с другом.

В небольшом эстонском городе Вильянди мне довелось быть на заседании клуба пенсионеров.

Там я чувствовала легкую атмосферу, которая тут, по-видимому, установилась давно и прочно. Что мешает открыть такой вот клуб при любом Доме культуры, или в красном уголке ЖЭКа, или при кафе?

Кроме общих целей и тем, создающих фон для интересной беседы, клубы пенсионеров рассчитывают и поддерживают любительство — одно из мощных средств, по мнению геронтологов, сохраняющее бодрость духа, тонизирующее душевный настрой. Польский социолог А. Каминский, исследовавший хобби городских жителей старше шестидесяти, пришел к выводу, что «любительские занятия — это хорошая геронтологическая профилактика и автотерапия — как психическая, так и физическая». А киевские социологи выявили, что легче выходит на пенсию, не испытывая при этом сильного душевного надрыва, любители-садоводы и цветоводы. Следует подумать о новых учреждениях и, например, о домах отдыха и пансионатах. Ведь есть у нас курорты молодежного типа. Есть — для людей семейных. Почему же нет для пожилых?

В какой-то степени это, возможно, объясняется тем, что интересы и потребности людей старших возрастов мало изучены. И если можно себе довольно легко представить, что нужно во время месячного отдыха холостым людям или родителям с детьми, то придумать особую программу отдыха для тех, у кого вроде бы отдых круглый год, значительно труднее. Для этого нужны исследования, экспериментальные базы отдыха, пусть сначала небольшие, для маленьких групп пенсионеров. Итальянские социологи и медики в течение трех лет набюдали за пожилыми людьми, разумеется, из числа более состоятельных, которые отдыхали на побережье Адриатического моря. Средний возраст их составлял 68 лет, каждая группа по 30—40 человек отдыхала по очереди в течение двадцати дней (всего набюдалось 120 человек). Отдыхающим были предоставлены газеты, журналы, настольные игры, шашки. Им демонстрировались фильмы, устраивались музыкальные концерты, организовывались туристические поездки. При этом все время набюдалось изменение состояния здоровья и духа отдыхающих.

У нас есть все возможности организовать подобные курорты — наши пенсионеры в массе своей зажиточнее. Такие курорты для пожилых можно оборудовать хорошей библиотекой, снабдить спортивным комплексом. И сделать это на широкую ногу! Деньги вполне окупятся.

Одним из наиболее содержательных, эмоциональных и физически полезных видов отдыха, несомненно, является туризм. Профессор Н. Сачук из киевского Института геронтологии АМН СССР провел выборочное исследование по всей Украине, которое охватило 25 тысяч человек. Анализ показал, что туристы старше пятидесяти лет составляют всего 6,5 процента, да и среди тех подавляющему большинству меньше шестидесяти. Число же туристов, которым идет седьмой десяток, составляет менее полутора процентов. Киевские социологи попытались выяснить: хотят ли пожилые люди путешествовать? Оказалось, хотят. Преимущество отдают пароходу и поезду. Предпочитают Прибалтику, Черное море, Байкал. Маршруты — в города-герои, места боевой и партизанской славы. А что же мешает? То, что путевки распределяют только среди работающих. А главное — недостаточно подготовленное общественное мнение к важности охвата этими видами отдыха старших возрастов.

Вот тут-то и вся загвоздка. А там, где это мнение созрело, и цифры совсем другие: 28,6 процента всех туристов, приехавших на социалистических стран, — это люди старше пятидесяти. Надо ли говорить, как ценна для этих людей возможность увидеть новые места, получить свежие впечатления и обсудить их друг с другом! Заметим, что именно здесь, на отдыхе, часто возникают симпатии. И отнюдь не только дружеские...

Во время геронтологического конгресса мне пришлось присутствовать при любопытном споре Л. Розенмайера со шведским социологом Ж. Хелландером. Шведский ученый утверждал, что наилучшей профилактикой преждевременного старения служит «интерес к противоположному полу». Розенмайер же, ни в коем случае не отрицая этого фактора долголетия, ставил его лишь на второе место после привычки «к потреблению культурных ценностей». При этом оба коллеги дружно утверждали: если мужчина до самых преклонных лет хочет нравиться женщине, а женщина — мужчине, то это дает им прекрасный стимул для поддержания внешней формы и бодрого духа...

У некоторых все это может вызвать ироническую улыбку, но рассказывают же киевские геронтологи, что многие пациенты их института, выписавшись из больницы, идут — в загс!

ОТПИСКА

«СКАЖИТЕ СПАСИБО...»

ПУТЕШЕСТВИЕ оказалось неудачным. В самом деле, стоило ли группе из тридцати человек преодолевать расстояние чуть не в десять тысяч километров, совершать десятичасовой перелет из Комсомольска-на-Амуре в Минск, чтобы побывать на камвольном комбинате, посетить местный планетарий и поплавать на пароходике по местному озеру? Обещанные же путевкой экскурсии на тему «Это не должно повториться...» проводились второпях, мимоходом, а многие и вовсе не состоялись. Об этом, а также о других сторонах неудовлетворительной организации экскурсионного обслуживание — плохо поставленной информации, мытарствах с жильем, транспортом, даже с обедами, грубости и недоброжелательности тех, кто принимал гостей с берегов Амура, — рассказал в своем письме в редакцию один из участников туристской группы А. Раздобреева. Особенно возмущала путешественников стереотипная фраза, сопровождавшая их всю поездку: «Скажите спасибо и за это...»

Под заголовком «Скажите спасибо...» сердитое письмо А. Раздобреева и было опубликовано в № 42 «Литературной газеты» за 1973 год. В конце его автор поставил четыре конкретных вопроса:

Почему бюро путешествий и экскурсий, взимающее с туристов немалые деньги, работает в стиле благотворительной организации?

Почему турист оказывается в роли жалкого просителя?

Какими должны быть взаимоотношения между ним и теми, кто его обслуживает?

Как сделать, чтобы уплата определенной суммы денег обеспечивала туристу определенный (а не любой, или сейчас) набор услуг?

Первый официальный ответ был получен редакцией от председателя Белорусского республиканского совета по туризму и экскурсиям П. Богданова («ЛГ», № 47, 1973). Напоминаем: в нем говорилось о том, что «заведующей отделом Минского бюро путешествий и экскурсий тов. Якутович объявлен строгий выговор с лишением премиальных за III квартал 1973 года», что наказаны директор того же бюро и некоторые другие должностные лица, что письмо обсуждено во многих туристских организациях и что «в принятых постановлениях определены практические меры по устранению недостатков в организации обслуживания на туристско-экскурсионных маршрутах».

Но многочисленные отклики читателей, поступившие в редакцию из разных городов страны (часть из них направлена в ВЦСПС), свидетельствовали о том, что неприятности, о которых говорилось в «сердитом письме» А. Раздобреева, имеют весьма распространенный характер.

И вот в редакцию поступил второй официальный ответ. Публикуем его целиком.

Факты, изложенные в статье А. Раздобреева «Скажите спасибо...», действительно имели место.

По поручению Центрального совета Белорусский республиканский совет по туризму и экскурсиям принял соответствующие меры, и виновные в плохом обслуживании туристов понесли наказание. (Ответ Белорусского совета был направлен непосредственно в редакцию газеты.) Статья была также обсуждена президиумом Хабаровского краевого совета по туризму и экскурсиям и во всех туристско-экскурсионных организациях края. Президиум обратил внимание руководителей экскурсионных учреждений на необходимость более внимательного подхода и организации транспортных путешествий и точной информации туристов об условиях путешествия.

Поднятые газетой вопросы обсуждены на совещании аппарата Центрального совета и на семинарах работников экскурсионных учреждений, и в настоящее время разрабатываются мероприятия, направленные на повышение качества обслуживания туристов и экскурсантов в предстоящем сезоне 1974 года.

П. ПАСЕЧНЫЙ,
заместитель председателя Центрального совета по туризму и экскурсиям

Теперь читатель обыкновенным методом сравнения может сам сделать вывод, даны ли официальными лицами ответы на вопросы, четко сформулированные нашим читателем в «Сердитом письме».

Со своей стороны, редакция считает уместным сказать о своих наблюдениях: расплывчатые формулировки, общие, ничего не говорящие, никого ни к чему не обязывающие фразы типа «в настоящее время разрабатываются мероприятия, направленные на повышение качества обслуживания (работы, торговли и т. п.)» никогда не предшествовали действительно эффективным мерам. Вот почему мы по-прежнему озабочены тем, как сложатся взаимоотношения между «туристом-74» и тем, кто призван его обслуживать.

Исполнилось 75 лет со дня рождения замечательного испанского писателя-коммуниста Сесара Муньос Арконада, жизнь которого была примером верного служения своему народу. Автор ряда романов о трудовом люде Испании, Арконада был также поэтом, создавшим много прекрасных стихотворений и в годы своей жизни в Москве переведшим на испанский язык «Слово о полку Игореве», стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Блока, Маяковского, Есенина, Твардовского. Сегодня мы публикуем два новых перевода из литературного наследия Сесара Арконада.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Сесар АРКОНАДА

Дон Кихот на Арбате,

или
Свидание
в кинотеатре,
куда рыцаря печального
образа привели
Козинцев и Черкасов

А ты все тот же, рыцарь
мой бродячий!
Сегодня скачешь ты,
как и вчера,
в доспехах, на своей
костлявой кляче,
защитник чести,
правды и добра.
Санчо лачуг, овец,
нехитрой сходи,
бессонный, как бессонница
волны,
идальго справедливый,
чье наследье —
гордейская душа моей
страны.
Вдали от мельниц и
Ла-Манчи нищей
Арбат с тобою свел нас
нынче.
Ты шаришь, я не удивлен,
двужильне, —
дороги всей земли ведут
в Москву.

Мы здесь с тобой не на
любви к скитаньям —
душа бойцов нас привела
сюда:
здесь, словно солнце
на рассвете ранним,
пальба озарила города.

В тебе поет народ,
его невзгоды,
и ты спешишь, не видя
фронтов,
туда, где нашим освещают
парады, —
там в новый дом приходит
к брату брат.

Сеньор, в ряд сандалий
на Арбате —
твой взгляд мильоны глаз
родных вобрал,
как будто всю любовь
далеких братьев
принес испанский ветер
в этот зал.

Добро пожаловать,
защитник чести,
вожатель правды,
старый партизан,
бродячий дух поселков
и предместий,
бесхитростное сказанье
для ран!

Едва проснется день
на горных склонах,
ты снова отправляешься
в поход:
на белом сарте столько
оскорбленных!
И среди них —
Испании народ.

Напев

Круглые, как апельсины,
звезды в сонном просторе.
Парус луны всплывает
в Средиземное море.
Ветер дует со склонов,
вечно юный и старый,
то запоет трубою,
то возьмет гитарой...
Что напевает ветер
там, в полночной глуши:
горький напев магнолий
Песню моей души!..

1939

Перевел П. ГРУШКО

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

Марсель МАРСО: «МОЯ ЖИЗНЬ — ЭТО МОЕ ИСКУССТВО»

«Читателям «Литературной газеты» дружески, от всего сердца — Марсель Марсо».

ЗАБАВНЫЙ персонаж Бип — творение французского артиста Марселя Марсо — хорошо известен всему миру. Недавно Бип, то есть знаменитый французский мим Марсель Марсо, снова был гостем нашей страны.

— Господин Марсо, «ЛГ» не раз писала о вашем творчестве. Нашим читателям было бы интересно узнать, почему вы посвятили себя искусству пантомимы, как родился ваш Бип?

— Моя творческая деятельность началась в 1946 году. Я был учеником выдающегося французского режиссера Шарля Дюлена, который воспитал целое поколение артистов и режиссеров, в том числа Жана-Луи Барро и Жене Виларя. Именно в его школе, посвящая курс пантомимы Этьена Декру, я понял, что родился мимом, что это — мое призвание. На мой взгляд, без призвания нет творчества.

Искусство пантомимы — очень древнее. Оно процветало в античной Греции и Риме, во времена средневековья и итальянской «commedia dell'arte». Но как самостоятельное искусство пантомима не существовала до XIX века: пока во Франции не появился артист, создавший новый стиль «белой пантомимы». Это был Дебюро. В некотором смысле я считаю себя его последователем. Но в то время не было школ пантомимы, и постепенно это искусство стало угасать.

Моя задача состояла в том, чтобы, продолжая старую традицию, открыть новые законы этого искусства, создать его современный язык.

Для этого был необходим театр пантомимы. И в 1947 году в театре «Амбигю» в Париже родилась новая труппа. За 12 лет существования театра было поставлено 25 мимодрам. Бип оказывался неизменным участником всех представлений.

К сожалению, наш театр, несмотря на успех, разорился, государственных субсидий мы не получали.

— Вы много выступаете на сценах всего мира. Каков значение для вас как артиста имеет этот опыт?

— Хотя потеря театра стала для меня тяжелым ударом, все же в этом была и своя положительная сторона. Я потерял труппу, но познакомил весь мир с пантомимой, с Бипом, нашел поклонников этого жанра в разных странах. О пантомиме стали писать. Мне приятно сознавать, что и в СССР теперь существуют студии мимов, которые работают очень интересно.

— В чем вы видите специфику пантомимы?

— Я считаю, что пантомима — искусство, обладающее своим особым языком и воздействием. Через мимику, жест, пластику движений мим выражает свое отношение к жизни, к ее радостям и трагедиям, создает неповторимый мир мыслей и чувств.

— Какие события особенно повлияли на ваше творчество?

— Прежде всего война и участие в Сопротивлении. Бип родился после войны. Тогда мой персонаж был очень веселым: людям необходимо было освободиться от трагизма военного времени.

С наступлением зрелости и под влиянием событий в мире (войны, угнетение, несправедливость) мои темы становятся более трагичными. Такие сцены, как «Клетка», «Сотворение мира», «Контраст», «Солдат», — это мой молчаливый протест. По моему мнению, наиболее важной задачей искусства является формирование морального и политического сознания людей. Против кого, например, направлен критический пафос в сцене «Трибунала? Эта сцена символически изображает все несправедливые трибуналы — от инквизиции до наших дней. Также символически пантомима разоблачает бюрократов. В этом я вижу глубокое социальное назначение мима.

С 1950 года я побывал в 65 странах, в том числе в Северной и Южной Америке, Индии, Австралии, Вьетнаме, Африке, включая и ЮАР. Я своими глазами увидел, что такое южноафриканский расизм, и решил больше никогда не возвращаться в эту страну. Я выступал в Греции до прихода к власти «черных полковников». После переворота я не бывал там в знак протеста против жестокой диктатуры. Сегодня в Чили также переживает глубокую трагедию. Я играл в этой стране до переворота, хорошо знал Пабло Неруду. Тогда в Чили существовала очень интересная мимическая труппа, и я не знаю, что стало с ней теперь, когда в стране воцарился мрачный хаос.

Все эти события, несомненно, влияют на мое искусство в той мере, в какой они причиняют страдания человеку. Сегодня артист не может не чувствовать себя ответственным за судьбы людей. Он должен находить в себе достаточно сил для утверждения прогрессивных идей, идей о преобразовании действительности. Искусство не может руководствоваться только отчаянием, оно должно указывать путь через отчаяние к радости, ибо отчаяние без надежды — это отрицание смысла жизни.

— Что же вы считаете главным в жизни человека, в частности, и в вашей жизни?

— Насколько лет назад я побывал в Ялте, на даче Чехова. Там я увидел посаженные им деревья и кусты. Есть фотография Чехова на фоне маленьких саженцев, которые сегодня стали большими деревьями. Я увидел в этом своего рода символ человеческой жизни, которая иногда продолжается и после нашей смерти. На мой взгляд, главное в жизни человека — это мысль, вдохновение, умение трудиться для будущего. Искусство учит каждого человека находить вдохновение и радость в жизни.

Именно такому искусству служим я и мои коллеги. Именно поэтому 300 раз в году я выхожу на сцену.

Если же говорить о моей жизни, то ее смысл определить совсем просто: «Вся она — это мое искусство».

— «ЛГ» уже сообщала о вашем намерении создать международный театр пантомимы. Когда вы надеетесь осуществить эти планы?

— В скором времени Бип как солист не будет выступать. К 1975 году я хочу создать театр пантомимы, куда буду приглашать талантливых актеров из других стран. Я хочу также организовать международную школу мимов и надеюсь, что во Францию приедут учиться и советские актеры. Об этом я уже говорил в вашей стране.

— Каковы ваше мнение о франко-советском культурном сотрудничестве?

— За последние годы, безусловно, сделаны важные шаги в этом направлении. Хотелось, чтобы контакты в области литературы и театра стали более широкими.

Я счастлив, что в СССР так глубоко понимают мое искусство. Многие французские артисты мечтают найти столь отзывчивую публику.

В заключение я хотел бы выразить признательность советским зрителям и читателям «Литературной газеты» за внимание к моему творчеству. От всей души желаю читателям «ЛГ» всего самого прекрасного в Новом году.

Беседу вела В. ЖУКОВА

ЛИЦА И СОБЫТИЯ

ПОЧЕМУ В МОДЕ ОРУЭЛЛ?

ЛЕТОМ прошлого года русская редакция Би-би-си организовала серию передач, посвященную творчеству английского писателя Джорджа Оруэлла. Оно было подробно прокомментировано: приводилась масса выдержек из публицистики и романов писателя, слушателям исподволь, тонко внушали мысль, что хотя Оруэлл и скончался больше двух десятилетий назад, но его сочинения нисколько не устарели и продолжают оставаться злободневными.

В декабре Би-би-си вновь обратилась к творчеству Оруэлла. На этот раз предметом пропаганды стала его забытая статья, которую он написал еще в годы войны и которую в Англии опубликовали лишь недавно. Эта работа Оруэлла называлась «О свободе печати» и предназначалась в качестве предисловия к роману «Скотный двор». Тогда, в 1944 году, Оруэлл гневался на своих сограждан за то, что многие даже консервативные издатели и журналисты не позволяли себе выпадов против союзника по борьбе с фашизмом — Советского Союза, о котором в ту пору было принято писать преимущественно лояльно.

Автора статьи, зазвучавшей в эфире по-русски, возмущало то, что в Англии считалось дурным тоном критиковать внутреннюю и внешнюю политику Советской страны, а Оруэллу хотелось ваниматься именно этим!

Оруэлл свободу печати понимал очень своеобразно: он считал, что художник должен обладать «интеллектуальной смелостью» и, вопреки условиям военного времени, не делать разницы между союзником и врагом. Даже поэт и философ консервативного склада Т. С. Элиот воспротивился публикации сочинения Оруэлла, считая его противоречащим духу эпохи.

И вот теперь Би-би-си пытается вписать статью Оруэлла «О свободе печати» в контекст сегодняшнего дня. В чем суть такого рода передач? Внушить слушателю мысль, что сейчас, в период разрядки международной напряженности, как и в годы войны, «доблесть» английского писателя и журналиста состоит в том, чтобы говорить о нашей стране в самых резких тонах и брать пример с Оруэлла.

ФАКТЫ И АПОКРИФЫ

Существуют десятки жизнеописаний Оруэлла и огромная мемуарная литература о нем. Он изображается в качестве назидательного образца для юношества не только как писатель, но и как личность. Во всех биографиях, где факты перемешаны с молвой и легендами, автор «1984 года» фигурирует как образцовый патриот Британии. Особо привлекает Оруэлл своих духовных воспреемников как раскаявшийся социалист. «От социализма к антикоммунизму» — под таким девизом преподносятся его нравственные и политические превращения.

Биографию Оруэлла вновь и вновь пересказывают, чтобы внушить, что коллективная борьба за общественную справедливость пагубна и бессмысленна, что благороден только порыв бунтаря-одиночки, неминуемо обреченного на поражение.

Уже в разгар войны Оруэлл пишет свой роман «Скотный двор», который позже принес ему скандальную славу антисоветского писателя. В ту пору, когда на Восточном фронте решались судьбы Европы и мира, даже видавшие виды издатели не сочли возможным публиковать откровенно клеветническую книгу, бьющую по собственному союзнику в борьбе с фашизмом.

Оруэлл никогда не бывал в нашей стране и материалы для этого романа черпал из мутных эмигрантских источников и реакционной буржуазной прессы. Следующий «громкий» роман, продолжавший антикоммунистическую тему, он написал в 1948 году, заголовок его — «1984 год» — возник из перестановки цифр.

Эти романы были тщательно продуманным похвальным словом патриархальной Англии, которую, кстати, в одной из своих более ранних статей «Лев и единорог» Оруэлл разносил «в пух и прах». После недолгой вспышки анархо-нигилистического пафоса Оруэлл стал настойчиво призывать соотечественников сохранять консервативную старину, двигаться не вперед, где подстерегают революции, а вспять.

Так как же случилось, что этот якобы поборник социальной справедливости перешел, будто бы неожиданно, на самые реакционные позиции?

Стандартный биографический миф изображает Оруэлла раскаявшимся отщепенцем, который все вдруг понял в зрелые годы и с неистовым пылом новообращенного защитника патриархальной Англии обрушился на коммунистические идеи. Но это показная эволюция его мировоззрения. По существу, Оруэлл никогда всерьез не выступал за социализм, он лишь играл политической терминологией.

Устав в юности от нищеты и бесславия, от неудач и житейских поражений, он решил, что наилучший и ближайший путь к успеху — это создание романов, дискредитирующих СССР.

Критик Э. Дайсон так сформулировал тенденциозные замыслы Оруэлла: «Оруэлл стремился показать, что революционные идеалы законности, братства и равенства всегда в конечном счете оказываются разбитыми». Этот лживый тезис вылился под пером Оруэлла в откровенный пасквиль на революцию и социализм.

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

«Четыре ноги хорошо, две ноги плохо» — эту заповедь затвердили животные, которые вытурили своего хозяина — фермера Джонса — из его владений и решили жить своим дружным стадом без людской власти. Такова завязка романа «Скотный двор», где рассказывается, как взбунтовавшиеся лошади и свиньи, собаки, овцы, коза Мюриэл и ослик Бенджамин сначала дружно вырашивали хлеб, строили мельницу, а потом начали надувать друг друга, и группка самых нахальных загребастала всю власть, стала измываться над сородичами еще хлеще, чем пьянчужка Джонс.

Сочиняя злостную карикатуру на революцию, клеветнически изображая революционный народ как стадо животных, Оруэлл хочет внушить мысль, что революция ничего не дает труженикам.

Реакционная идейка, что революция враждебна народу, — краеугольный камень пасквильного памфлета. Буржуазные критики и пропагандисты, взявшие на вооружение этот роман, пытаются доказать, что в нем сказалась будто бы «забота Оруэлла о пролетариате». В самом же деле отношение Оруэлла к пролетариату высокомерно и пренебрежительно: тяжкий труд, утверждает он, вытесняет всякую способность к мышлению. Сколько конь ни зубрил азбуку, так больше трех букв и не запомнил.

«1984 год» был второй серией «Скотного двора»: весь комплекс идей совпадает. Здесь действуют не животные, а люди, но люди, живущие в страшном будущем мире. Оруэлл задумал свой страх перед будущим выразить на этот раз в форме антиутопии.

КОШМАРЫ АНТИУТОПИИ

Но и в «1984 годе» Оруэллу не повезло. Он оказался всего-навсего жалким подражателем Евгения Замятина, русского писателя-эмигранта, автора романа «Мы», опубликованного в Англии в 1924 году.

«Мы» — одна из самых реакционных антиутопий, где Замятин выразил свою враждебность к революции. У Замятина действие происходит через тысячу лет, люди нивелированы, вместо имен у них номера, работа и быт сведены к выполнению строго регламентированных функций. На Западе настойчиво внедряли миф о том, что «Мы» — это и есть реалистическое изображение советской действительности. Как и Замятин, Оруэлл изображал назаренный коммунизм, то есть в белетристической форме излагал старинный буржуазный миф, который клеветнически пытался изобразить коммунизм как царство «казармы», «уравниловки», «ущемления личности» и т. д.

В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» писал о кризисах мелкобуржуазного сознания: «...Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно». Подобные идеологические приметы налицо в романе «1984 год», где будущее предстает как фантастический кошмар.

Один из лидеров английской Компартии, Палм Датт, в разгар шумихи, возникшей после публикации «1984 года», писал в «Манчестер гардиан»: «Идеи, которые Оруэлл считает доминирующими в мире 1984 года, отражают не коммунизм, о котором он знал очень мало, а современный западный монополистический капитализм».

Оруэлл проводит мысль о бесплодности революций. В художественную ткань «1984 года» он включает «ученый трактат», где вопреки историческим истинам утверждает, что все революции всегда устраивают представители среднего класса. По Оруэллу получается, что сейчас революционной энергией обладают мелкая буржуазия, интеллигенция. Вероятно, проживи Оруэлл еще два десятилетия, он бы сюда же включил, на манер Маркузе, и студентов. Критерии исторического подхода у них совпадают, за это и денят сегодня «левааки» Оруэлла.

В 1946 году Черчилль произнес свою печально памятную речь в Фултоне, в которой он призвал к идеологическому наступлению на СССР. Она, как известно, положила начало «холодной войне». За несколько месяцев до этого английские издатели сочли возможным напечатать «Скотный двор». Вышедший в 1949 году «1984 год» подоспел к самому гребню «холодной войны». С тех пор Оруэлл был провозглашен своего рода классиком антикоммунистической литературы, и о нем неизменно вспоминают всякий раз, когда хотят возродить напряженность и антагонизм между народами.

Б. ЧЕРНИН

ПУТЕШЕСТВИЕ В БУДУЩЕЕ

Недавно в Дакаре вышла книга «Другой мир», посвященная первой в мире стране социализма — Советскому Союзу. Она написана известным негритянским поэтом и деятелем культуры Жаном-Франсуа Брирером.

Для тех, кто знаком с жизнью и творчеством этого замечательного человека, не удивительно, что именно он стал первым в Западной Африке автором книги о СССР. Судьба щедро наделила Жана Брирера даром поэзии и не менее драгоценным талантом гражданского мужества.

Уроженец Гаити, он еще в юности выбрал благородный, но тернистый путь борьбы за права и достоинство человека. Его не сломили тюремные застенки, куда не раз бросали патриота по приказам иностранных оккупантов и местных диктаторов.

Маршрут путешествия Жана Брирера в Советский Союз был нелегким. Он проходил, по его собственным словам, «через тюрьмы, убежища, изгнания». Автор начинает свою книгу с рассказа о том, как в 1958 году, собравшись в Москву по приглашению Союза советских писателей, он оказался в тюрьме, куда был брошен гаитянскими реакционерами. На советскую землю Жану Бриреру довелось ступить впервые лишь спустя десять лет.

По словам Жана Брирера, его книга представляет собой одновременно репортаж о путешествии и итог впечатлений о новом мире.

«Мощь Советского Союза — в советском человеке», — говорил Поль Робсон. Именно этот новый человек в центре внимания Жана Брирера. Самые проникновенные страницы его книги посвящены Ленину, основателю Советского государства. Всюду в Советском Союзе автор видит живое присутствие Ленина, торжество его идей.

Писатель, человек искусства, Жан Брирер интересуется прежде всего проблемами культурного развития СССР. Вот его общее впечатление: «Ни в одной стране мира мы не встречали такого энтузиазма по отношению к культуре и искусству. В Ташкенте, Самарканде, Москве и Таллине мы видели, как публика, состоящая из школьников, студентов, взрослых, восхищенно принимала вечера поэтических импровизаций, пьесы, СССР, может быть, единственная страна в мире, где устное творчество и письменная литература имеют столько слушателей...»

Дружба народов стала одной из движущих сил советского общества. «Для меня, человека третьего мира, — признается Жан Брирер, — самым необыкновенным аспектом федерации более ста наций и народностей, которые пользуются равными правами и возможностями развития во всех областях, является то, что каждый из этих народов строил и продолжает строить свою жизнь на основе собственной истории, говорит на своем родном языке, на котором созданы произведения, достойные любой великой литературы».

Г. АБРАМОВ

НОВЫЕ РАБОТЫ СОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

КАРЕЛ ЧАПЕК — ФАНТАСТ И САТИРИК

В декабре минувшего года исполнилось 35 лет со дня смерти выдающегося чешского писателя Карела Чапека. Имя и творчество этого замечательного мастера слова, принесшего вместе с Я. Гашеком, В. Незвалом, Ю. Фучиком мировое признание чешской литературе XX века, хорошо известны в нашей стране.

Год от года творчество Чапека привлекает все более пристальное внимание литературной науки как феномен, позволяющий понять многие важные тенденции в развитии мировой литературы нашего времени. Общей характеристике творческого пути Чапека, эволюции его идейных позиций посвящен не один десяток книг, вышедших как на родине писателя, так и в других странах, в частности в Советском Союзе. Слабее пока изучен Чапек-художник, его художественная система, неповторимая «чапековская» поэтика, представляющая собой своеобразный сплав реалистических и условных форм. Именно эта проблематика заняла центральное место в новой монографии советского литературоведа, доктора филологических наук С. Никольского «Карел Чапек — фантаст и сатирик», выпущенной недавно издательством «Наука».

Рождение Чапека-художника, каким его знает и любит читательский мир, состоялось в январе 1920 года, когда в книжных магазинах Праги появилась тоненькая книжечка со странным названием на английском языке «R. U. R. Rossum's Universal Robots» («Р. У. Р. Россумовские Универсальные Роботы»).

Позвольте, "недоумевали многие, какие роботы? Кто или, вернее, что это? Однако вскоре драма Чапека обошла все крупнейшие театры мира, а слово «робот» получило права гражданства и в бытовом языке, и в техническом лексиконе.

Такой успех не мог быть случайным, и исследователь убедительно вскрывает его причины. В основе пьесы лежит увлекательное научно-фантастическое наблюдение (прием, типичный для Чапека) — ученым удается создать мыслящие биологические машины-роботы, почти не отличающиеся от людей, но не испытывающие их потребностей и влечений. Это допущение — не плод голого фантазирования, оно было подсказано Чапеку расширяющимися перспективами научно-технического прогресса. Но главная причина успеха была, конечно, в том, что роботы Чапека были грозным напоминанием о нарастании таких явлений и тенденций в жизни буржуазного общества, которые неотвратимо ведут к обесчеловечиванию и «редуцированию» человека до уровня самих роботов. И в этом заключалась актуальность пьесы, высоко оцененной сразу же после ее появления М. Горьким, А. Луначарским, А. Толстым.

Комплекс проблем, поднятых в драме о роботах, был подробно разработан в последующих произведениях писателя — в комедии «Средство Макропулоса», в романах «Фабрика Абсолютов», «Кракатит» и других.

Вершина творческого пути Чапека — роман «Война с саламандрами» (1936), где сходятся основные линии идейно-художественных исканий писателя и концентрируются лучшие качества его таланта. На удивительно, что анализ этого романа занимает добрую половину монографии С. Никольского. «Война с саламандрами», пишет он, — это «широкая, многоплановая, поистине панорамная критика общественной и международной политической жизни, морали, нравов, общественного сознания», критика, потребность в которой Чапек остро ощутил в середина 30-х годов, когда дегуманизация человеческих отношений, которую он предсказывал своими роботами, приняла в лице фашизма массовые масштабы. И хотя многое в мировоззрении Чапека оставалось противоречивым, художник-гуманист не остался в стороне от главного конфликта эпохи: роман о саламандрах стал оружием во всемирной борьбе за гуманистические идеалы, в разоблачении фашизма. Многие страницы романа — это поистине убийственный памфлет на нацистскую действительность.

Но сила романа — не только в острота восприятия Чапеком проблем современной жизни, но и, как убедительно показано в монографии, в новаторском сочетании и использовании возможностей самых разнообразных, зачастую далеко не родственных жанровых типов, в высоком уровне плодотворного художественного синтеза.

Одно из несомненных достоинств исследования заключается в последовательном соотнесении творчества Чапека с общими художественными процессами XX века, с литературными явлениями наших дней. Столь же актуальны и пьесы Чапека, в чем мы смогли еще раз убедиться во время проходившего с большим успехом у нас в стране фестиваля чехословацкой драматургии. Ее заключительная неделя открылась комедией Чапека «Средство Макропулоса» в постановке Малого театра.

Новая книга С. Никольского, обладающая отнюдь не частым у академических исследований качеством — увлекательностью изложения в сочетании с отличным языком, — серьезный и «долгосрочный» вклад в изучение творчества Чапека, во многом расширяющий и уточняющий наши представления об одном из ярких художников слова XX века.

Юрий РИТЧИН

КТО, ГДЕ, КОГДА

80 томов

«Золотой фонд словацкой литературы» — так называется новая серия в 80 томах, в которой собраны лучшие произведения словацкой литературы. Эта серия должна показать развитие литературы Словакии от ее истоков до книг, написанных в последнее время. Трудно перечислить всех авторов, чье творчество будет представлено в серии, пишет пражская газета «Руде право». В каждой семье должны быть эти книги в бело-золотых обложках. «Задача культурной политики социализма, — подчеркивает газета, — сделать доступными народу все ценности, на которых воспитывалась и воспитывается нация».

«Тихий Дон» на чешском

«Тихий Дон», издававшийся неоднократно, постоянно находит все новых и новых читателей. Подрастают новые поколения, и «Тихий Дон» стал книгой, которая находится в библиотеке каждого образованного человека», — пишет Я. Франек в еженедельнике «Нове книги» в связи с выходом в пражском издательстве «Одеон» романа М. Шолохова «Тихий Дон».

На снимке: рисунок на обложке «Тихого Дона», выполненный художником К. Грушкой.

«Последние» в Западном Берлине

Сцена из спектакля «Последние» по пьесе М. Горького, премьера которого состоялась в западноберлинском театра «Шлоспарк».

Фильм о Гете

Западногерманское телевидение приступило к съемкам многосерийного документального фильма об Иоганне Вольфганге Гёте. Общая продолжительность всех 13 серий составит около 10 часов. 28 августа этого года, когда исполнится 225 лет со дня рождения великого поэта, на голубом экране будет показана первая серия, посвященная истории создания первой части «Фауста». Серия, относящаяся к работе над «Вертером», будет показана через месяц, к 200-летию со дня опубликования романа. С января 1975 года начнется демонстрация фильма в хронологическом порядке, начиная с серий о детских и юношеских годах писателя. По замыслу авторов, фильм должен полностью удовлетворять требованиям современного литературоведения, поэтому к работе над ним привлечен целый штаб специалистов. Съемки будут производиться как в ФРГ, так — по договоренности с «ДЕФА» — и в ряде городов ГДР (Веймаре, Лейпциге).

Мюзикл «Обмененные головы»

Индийская легенда о торговце и кузнеца, полюбивших одну и ту же девушку, легла в основу одного из малоизвестных рассказов Томаса Манна «Обмененные головы», который был написан в 1940 году. По воле богини, два друга неведомо для себя обменялись головами, что приводит к ряду недоразумений и ошибок. Английский писатель Энтони Бёрджес и молодой композитор Стефан Шварц намерены использовать рассказ для создания фильма-мюзикла.

КТО, ГДЕ, КОГДА

ПРАГА. Новый жилой район — Крч Фото М. ТРАХМАНА

Лев ГИНЗБУРГ

ЖИВОЕ ТЕПЛО

...ЕЩЕ НЕМНОГО о Варшаве. Кажется, что там на улицах всегда час «пик». Валом валит народ, битком набиты трамваи, магазины, кондитерские. Женщины в дубленках с большими пушистыми воротниками, с меховой оторочкой. Кафе, где читают иностранную прессу, в том числе и «Литературную газету». В этом же кафе продают и иностранные книги. В магазине-кафе царит дух активной любознательности, интерес к чужим языкам, к тому, что происходит во всем мире...

Память то и дело возвращается к войне, однако прошло почти тридцать лет, и время требует нового конкретного осмысления того, как сохранить мир и научиться жить в мире. Конгресс в Москве преподал важнейшие уроки миролюбия. Помню выступление делегата той же Польши в 10-й комиссии. Он говорил о тяжких страданиях своего народа, своей земли, особенно в годы второй мировой войны. Однако, сказал он, мы стараемся рассказывать нашим детям о войне так, чтобы они знали, что страдал не только наш народ, но и другие народы. Рассказывая о зверствах нацистов, мы не забываем напоминать детям, что и немецкий народ страдал от Гитлера. Мы сотрудничаем с историками и педагогами из ГДР, с прогрессивными учеными из ФРГ.

И английская учительница говорила, что люди, пострадавшие от фашистских бомбежек, и сейчас не забытых старшим поколением, стараются, чтобы в детских сердцах не было злобы, и поэтому разучивают с детьми немецкие народные песни. И это был тот самый рецепт, который однажды дал Гейне: «Тому, кто хочет узнать немцев с лучшей стороны, я советую прочитать немецкие народные песни...»

...Мне говорили в Польше: «Мы все пережили и все помним. Сперва не было ничего и казалось: построим один дом, восстановим одну улицу, один мост — уже будет легче... Потом мы построили тысячи домов, целые города, восстановили тысячи мостов, оказалось — все мало, надо еще и еще. И так будет всегда. Пока человек живет, он должен созидать. Человек — существо созидающее!».

Вот один из уроков мира. Не абстрактное миролюбие, не надежда на то, что кто-то ниспошлет благоденствие, а осознание себя «существом созидающим» и желание, потребность созидать.

Я говорил со многими людьми в социалистических странах, видел, как они живут, но почти никогда не сталкивался с самодовольством. Люди очень требовательны к себе, к своим странам оттого, что это — свое, а не чужое, и что все зависит от них самих, и благополучие строят «своею собственной рукой»: только так добиваются счастья...

Эта мысль присутствовала чуть ли не во всех разговорах.

Варшава — не просто построенные заново дома. Варшаву смогли обжить, сделать уютной, теплой. Но судьба Варшавы, история ее домов наводят и на другие мысли. О том, что даже перед лицом неминуемого поражения, уже обреченный, фашизм продолжает оставаться смертельно опасным и способен на самые отчаянные, безумные действия...

...И через двадцать восемь лет после войны невозможно не сказать об Освенциме. Здесь смотрят друг на друга люди и экспонаты: слежавшиеся, уже утратившие свой первоначальный цвет женские волосы, обувь, протезы, оправы очков, горы чемоданов. В гигантских витринах за толстыми стеклами, в холодных освенцимских музейных казармах они как бы вопрошают посетителей: какие вы сделали выводы, чему вы научились за три десятилетия?..

Прошло столько лет, все как будто бы известно, однако есть посетители, которым известно не все. Группа молодых людей, приехавшая из большой западной страны, заинтересовалась: неужели действительно из человеческих волос можно изготовить костюмные ткани? Не сохранилось ли технологических инструкций? Это весьма любопытно...

Нет, молодые люди не преступники, они вовсе не хотят повторить то, что сделали гитлеровцы, и, естественно, не собираются никого сжигать или даже насильственно стричь наголо. Может быть, их вопрос — всего лишь неуместное проявление технической любознательности. Но эти люди созрели для того, чтобы стать орудием для новых преступлений. Люди, лишенные живого тепла. Потому что Освенцим символизирует не только жестокость, не только озверение, но и ужасающее торжество извращенной «рациональности» — в том числе и технической — над человеческими жизнями...

ВПРАГЕ, которая не то что стоит, а высится на своих холмах, я побывал в Союзе чешских писателей и в издательстве «Млада фронта». Меня порадовал живой интерес не только к современной молодежной литературе, к книгам писателей социалистических стран, но и к изданиям отечественной и мировой классики, причем даже к самым сложным ее творениям, которые с соответствующими комментариями выходят для массового молодежного читателя. В этой серии я увидел две книжечки европейской лирики XVII века, связанной с Тридцатилетней войной, которая, как известно, вспыхнула здесь, в Праге, на Белой горе, и разлилась по Европе. Это поучительная поэзия, высокие образцы взаимовлияния европейских поэтов в их стремлении к миру... Что же касается самой Белой горы, где когда-то гремели столь бурные события, то вся она дышит сейчас покоем, вся она действительно белая, вся в снегу, белые тихие особнячки, в белом инее парк, женщина везет в белой коляске ребенка... А с горы далеко видны новостройки и древние, барочные очертания Праги...

Прага... Огни огромного города, рождественская суета на улицах, в магазинах. На Вынгмановой улице мое внимание привлек магазин международной прессы, где можно найти все крупнейшие газеты социалистических стран и прогрессивную печать всего мира.

Заодно скажу еще вот о чем. В Праге, в Братиславе стараются высоко поднять художественную информацию. То есть иностранные книги переводить лучшие, фильмы показывать наиболее серьезные, такие, как, например, советскую киноклассику, лучшие произведения мирового кинематографа.

ВБРАТИСЛАВЕ я познакомился с Каролем Томашиком — героем партизанской войны в Белоруссии (он воевал в соединении Сабурова, сбросив ненавистную фашистскую форму армии Тисо и перейдя на сторону наших партизан). Этот человек, тяжело контуженный, полуглухой, видящий только боковым зрением, весь лучится оптимизмом, любовью к людям и, будучи руководителем братиславской продовольственной торговой сети, еще пишет книжки для детей и для взрослых, состоит в Союзе писателей. Целыми днями из магазина в магазин уверенно проходит он в директорские закутки, весело здороваясь с продавцами, и там, в директорских этих закутках, как сказочный ярмарочный король, посылает на прилавки муку и молоко, колбасы и сладости, минеральные воды и пиво. При этом он у себя на предприятии возглавляет отделение Общества чехословацко-советской дружбы и ведет работу, которая требует кристальной чистоты и твердой, партийной убежденности.

Этот добрый великан, народный герой говорил со мной об очень серьезных вещах: и о том, как он воевал в Белоруссии, и о том, как полюбил нашу страну, и как остался верен этой любви в те дни, когда любовь и дружба потребовали вновь высокого мужества.

Сейчас в Чехословакии проводится огромная работа по укреплению дружбы с Советским Союзом. В благородной работе этой особую роль играют живое, правдивое слово и талантливая советская книга, переведенная на чешский или словацкий языки.

И Кароль Томашик это прекрасно понимает. Одним он рассказывает о русских и белорусах, с которыми провел всю войну, рассказывает с теплотой, с юмором, не выспренне, иногда касаясь лишь житейского, бытового края исторических великих событий, другим рекомендует прочитать ту или иную советскую книгу, третьим — посмотреть фильм... Это не преувеличение: продавцы в Братиславе знакомы с советской литературой и русской классикой не хуже иных студентов, поименно знают героев, длинные стихи читают наизусть. И я подумал, как это важно, чтобы мы такому Томашику помогали, чтобы от нас шли действительно хорошие книги и фильмы, чтобы они покоряли силой идей и силой таланта...

...Новую Чехословакию мы узнали, собственно, с Фучика, и хочется, воспользовавшись случаем, сказать доброе слово о нашей переводчице Тамаре Аксель, которая впервые перевела «Репортаж с петлей на шее» и напечатала его в журнале «Звезда»...

Я лишь смутно знал подробности тех далеких мартовских событий 1939 года, когда еще учился в десятом классе 240-й школы Москвы, а в Прагу вошли немецкие танки, и «в воздухе пахло грозой», и «тучи над городом встали». Эта песня и эти слова лучше всего выражали ощущение того времени. Танки шли по Праге, а мы чувствовали, как в воздухе пахнет грозой, и все это — тревога, предчувствие фронта — все это вползало в школьные классы, определяло темпы и настроения времени, его психологию...

Теперь в Праге от переводчика Ярослава Шанды, который на два года моложе меня, я узнал, что все они рвались в бой, хотели воевать и мюнхенское соглашение восприняли как позор, как несчастье, как несмываемую обиду. Вообще это состояние полнейшей оставленности всеми, осознание, что тебя и твой народ буквально продали, несравнимо ни с чем. Но и тогда, в страшные дни марта 1939 года, в Праге знали, откуда придет свобода, и смутно чувствовали, что в Москве «тучи над городом встали» и как «далека ты, путь-дорога» через фронты, навстречу друг другу...

В Праге на фасадах домов, как и в Варшаве, — мемориальные доски в честь павших в майском восстании 1945 года: два поднятых кверху перста: «Клянемся!» — и имена павших.

Это большая ответственность — дать подобную клятву, потому что жизнь надо строить в соответствии с волей павших...

Однако вернусь к Фучику, чье имя носит большой пражский парк, и там, рядом с этим парком, огромная крытая ярмарка, множество рождественских павильонов, где торгуют всякой вкуснейшей всячиной — жареными шпекачками с пивом, итальянским вермутом, советским шампанским, из-под горячих прессов вылетают вафельные облатки, продают банки с сардель ками, с шампиньонами, торгуют так называемой сахарной ватой — любимым лакомством детворы (действительно, розовая вата из сахара), и мандаринами в сеточках, и яблоками, и мороженым, и шоколадом. Внутри же, в ярмарочных павильонах, — большой выбор замечательных подарков, еще лучше, чем в центральном универмаге «Белый лебедь», и все по более или менее доступной цене, с добрым вниманием к покупателю.

И когда я на это смотрел, то думал о молодом Фучике, чей памятник — вот он, в расстегнутой на груди рубахе, с книгой в руках — стоит здесь же, в этом павильоне, посреди праздничной, шумной толпы, и около него продают «снбирки» — мороженое. Ведь это, собственно, и есть то, о чем он писал, фраза, которую столько раз повторяют: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!». В эту фразу надо вдуматься: ведь только тогда можно требовать от людей, чтобы они были бдительны, если любить людей. Надо устроить жизнь так, чтобы люди этой жизнью дорожили. Формула Фучика — двуединая, и то, что двуединство этой формулы так соблюдается в странах, в которых я побывал, в странах, связанных таким братством с нами, с нашей страной, и составляет собственно живое тепло социализма...

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ

Беттина ПАРКЕР:

ТОРГОВЛЯ — ДЕЛО ВЗАИМОВЫГОДНОЕ

Г-жа Беттина Паркер — единственный в Москве представитель деловых кругов Запада — женщина, президент посреднической компании «Беттина Паркер лимитед». Вот что она рассказала в беседе с нашим корреспондентом.

— Не могли бы вы прежде всего сказать, какие новые формы деловых контактов возможны, по вашему мнению, между советской и американской промышленностью?

— Я ограничусь только одним примером. Во время работы международной выставки «Лесдревмаш-73» вместе с президентом фирмы, которую я представляла, Ральфом Болдуином, мы внимательно ознакомились с советской экспозицией. Ральф Болдуин — специалист в области лесной и деревообрабатывающей промышленности. Он дал высокую оценку оборудованию, машинам и станкам, производимым в СССР. И я подумала вот о чем. В США раз в два года проводятся выставки-ярмарки машин и станков для деревообрабатывающей и мебельной промышленности. Многие страны принимают в них участие. И почему бы Советскому Союзу на показать там свои достижения? Очередная такая выставка-ярмарка должна состояться осенью...

— Некоторые деятели в США пытаются сейчас, в период разрядки международной напряженности, связывать развитие торговли с Советским Союзом с разного рода неприемлемыми условиями. Какова ваша точка зрения?

— Я считаю, что люди, о которых вы упомянули, недальновидные политики и еще менее дальновидные коммерсанты. Это похоже на то, как если бы я стала говорить своим советским партнерам: не делайте такой-то станок так, как делаете его вы, а делайте, как мы, в противном случае мы не примем ваших артистов, направляющихся к нам на гастроли...

Моя деятельность в вашей стране развивалась постепенно. Расширялись связи, появлялись все новые и новые американские компании, которые желали, как мы говорим, выйти на советский рынок. Для бизнесмена, действующего с открытым сердцем, ваша страна представляет огромный интерес в плане расширения взаимовыгодного делового сотрудничества.

Интервью вел Виталий НЕХАЕВ

Михаил ИЛЬИНСКИЙ

ДОРОГА № 9

Репортаж из освобожденных районов Южного Вьетнама

ОТ ПОНТОННОГО моста через реку Хиеу у городка Донгха, временной столицы освобожденной провинции Куангчи, через Айты — деревню «Матери, любящей свое дитя» — пролегает дорога № 9. Она устремляется на запад к лаосской границе. Долгие военные годы боевые сводки с северного плацдарма южновьетнамского фронта неизменно приносили сообщения о сражениях на этой дороге. Я ехал с Ле Ниемом, редактором газеты «Освобожденная Куангчи», по девятой дороге, где каждый километр еще хранит следы отгремевших боев. Испещренная воронками от бомб и ракет, она вынесла тяжелое военное бремя и стала теперь одной из главных дорог освобожденного района Куангчи.

Стук отбойных молотков с утра до позднего вечера стоит над дорогой, разносится эхом до горных вершин Чыонгшона. Постепенно, километр за километром, наращивается гравийное покрытие. А по обочинам с миноискателями в руках продвигаются саперы.

Примерно на десятом километре ремонтные работы заставили наш «газик» свернуть в сторону. Проезд должен был открыться через несколько часов. Здесь, в небольшой долине, расположилась сельскохозяйственная община Камлок. Когда-то она считалась главной рисовой житницей Куангчи. Недаром называли эту общину Куа, что означает «богатое место». Но Камлок был «богатым местом» лишь для помещиков, которые владели полями, плантациями чая, черного перца, кофе. И не было в провинции Куангчи людей более обездоленных, чем местные крестьяне.

И восстали против помещиков люди Камлока. Община превратилась в один из главных опорных пунктов революции в Чунгбо — центральной части Вьетнама. Но после заключения Женевских соглашений 1954 года сюда пришли сайгонские карательные отряды. Большинство семей революционеров было уничтожено. «Богатое место — горькое место», — так стали называть Камлок в провинции Куангчи...

Землепашцы Камлока стали партизанами. Многие из них в последующие годы были удостоены звания Героев Народных вооруженных сил освобождения... Чан Тхи Тян погибла в боях за дорогу № 9. Ее двенадцатилетний сын Ле Ван Куат стал сыном общины. Заботятся о нем сейчас местные жители, народный революционный комитет освобождения.

Я видел, как проверял школьные тетради Куата председатель народного революционного комитета освобождения общины Нгуен Суан Куэ, пожилой, посеревший человек. Многое он перенес. Однажды враги зарыли его в землю. Они думали, что узник умер. Но Куэ, придя в сознание, сумел выбраться из могилы. Местные жители спрятали его в пагоде. Несколько месяцев он прожил в подвале за буддийским алтарем. Выходил оттуда только ночью. Как-то раз сайгонский солдат, проходивший мимо пагоды, обнаружил, что среди изваяний Будды при лунном свете двигалась тень. В испуге он бросился бежать. Лейтенант марионеточных войск выслушал сбивчивый рассказ солдата, но идти ночью в пагоду не решился.

— Суеверие сайгонских солдат спасло меня, — с улыбкой сказал Куэ. — Наутро они все-таки нагрянули в пагоду. Но меня там уже не было.

На этот раз Куэ спрятали крестьяне. И с тех пор за ним утвердилось дружеское прозвище «наш призрак».

Мы идем по долине, где пролегали взлетные площадки бывшего военного аэродрома. Со всех сторон — заграждения из колючей проволоки, минные поля. Их еще не успели обезвредить. Когда-то здесь зеленел рис, цвели сады. Но это было давно, и теперь мало что напоминало о богатстве этого края.

Дорога № 9 всегда играла важнейшую роль в хозяйстве Камлока. Только ныне принадлежит она государству, народной власти. Поэтому местные жители, крестьяне, участвуя в восстановлении дороги, словно прокладывают путь в свое будущее. А как эти люди умеют ценить тишину! Даже взрывы мин, которые обезвреживают саперы, они тоже называют... тишиной. Ведь эти взрывы теперь не опасны...

Мы возвращаемся к девятой дороге. Девушка с длинной косой, выбившейся из-под клетчатого шарфа, который носили обычно южновьетнамские партизаны, подняла флажок. Движение открыто, заработали моторы. Колонна грузовиков двинулась в путь...

ЗА КАМЛОКОМ шоссе внезапно кончается. Впереди — горная дорога. Сюда в военные годы американо-сайгонские части добирались лишь под прикрытием авиации. Здесь пролегал обширный партизанский край.

Природа щедро наделила тропической зеленью, прозрачными водами, ценными породами деревьев этот почти необитаемый уголок Чыонгшона. Но с природой беспощадно расправилась война. Там, где горные вершины были покрыты густым лесом, теперь цепь голых черных холмов — напалм выжег всю растительность.

Я вылез из «газика», ступил на землю, на которой даже сейчас, через несколько месяцев после прекращения войны, ощущаешь терпкий запах гари. Весь этот район был обработан дефолиантами. Горный ветер свистел среди безлиственного леса, в котором, возможно, еще долго не будут вить гнезда птицы, не поднимутся на эти горные вершины олени, многочисленные стада которых издревле были неотделимы от чудесных пейзажей Чыонгшона.

«Мертвая аллея» протянулась на многие километры до перевала Айлао — природного водораздела бассейна реки Меконг и бурной Хиеу. Неподалеку от перевала — разбитые американо-сайгонские опорные пункты. Еще в 1972 году они входили в систему небезызвестной базы Кхесань, ставшей гигантской ловушкой в феврале — июле 1968 года для войск США и марионеточного режима в северной части Южного Вьетнама. Эта база считалась основным стратегическим центром вблизи границы с Лаосом. Аэродром Кхесань позволял принимать транспортные самолеты, вертолеты, которые не покидали воздушное пространство над дорогой № 9. В Лаосе она пересекается с другими стратегическими артериями Индокитайского полуострова. Бывший командующий экспедиционным корпусом США в Южном Вьетнаме генерал Уэстморленд лично вычертил схему обороны Кхесань. Тот, кто владеет этим районом, сказал он, будет контролировать положение в центральной части Индокитая. Ныне Кхесань — в руках патриотов.

Здесь я повстречал одного из кадровых работников Национального фронта освобождения — Дьена, многие годы воевавшего под Кхесанью. Он шел по еле заметной тропинке, которая извивалась среди воронок, спокойно переступал через куски железа и бетона, отбрасывая ногой искореженные снарядные гильзы. Порой он останавливался, показывал мне на небольшие бугорки у траншей.

— Здесь осторожнее. Мины. Еще не успели разрядить, — и шел дальше, лавируя среди колючих трав, цеплявшихся за одежду.

Тропинка вела к невысокому холму, на котором в прошлом располагался штаб сайгонского генерал-лейтенанта Хоанг Суан Лама, того самого, чьи войска во время вторжения по дороге № 9 на территорию Лаоса в феврале-марте 1971 года были разбиты патриотами. В личном генеральском бункере все еще валялись брошенные отступавшими сайгонцами обмундирование, обувь, проржавевшие пивные банки, бутылки из-под виски.

Горы и долины вокруг Кхесани кажутся сейчас пустынными, погруженными в тишину, которую нарушает лишь пронзительный пересвист цикад и кузнечиков, отдаленный рокот моторов грузовых машин, проходящих где-то за перевалом. Дьен спрыгнул в траншею, которая, извиваясь по склонам высотки, уводила от базы.

— Эти траншеи тянутся на несколько километров, — рассказывал Дьен. — По ним мы весной 1968 года подбирались к Кхесани и атаковали позиции противника. Тогда сайгонские рейнджеры пытались соорудить защитный барьер вокруг базы. Они протянули перед своими окопами три ряда колючей проволоки, каждый из которых был увешан противопехотными минами. Но нашим разведчикам удавалось так переставлять мины, что, взрываясь, они поражали сайгонских солдат.

Там, за небольшим холмом, — он указал на юго-восток, — разворачивались на временных скрытых позициях наши ракетные дивизионы. Это они обстреливали аэродром Кхесани. Обычно мы вели огонь в течение нескольких минут. Но этого было достаточно, чтобы уничтожить прибывавшие на базу вертолеты и транспортные самолеты «С-130» и «С-123».

Первый раз американо-сайгонские войска были вынуждены уйти из Кхесани летом 1968 года. В 1970-м они заняли базу вновь. А в апреле 1972-го были выбиты патриотами окончательно. Над базой в лучах заходящего солнца развевалось на высокой мачте красно-голубое с золотой звездой знамя южновьетнамских патриотов.

Сколько героев Народных вооруженных сил отдали жизни, чтобы здесь, в самом отдаленном северо-западном уголке Южного Вьетнама, поднялось знамя свободы! Через какие испытания пришлось пройти людям Куангчи во имя того, чтобы дорога № 9 — «дорога огненных гроз» — стала ныне мирной дорогой!

Крестьяне одной из общин провинции Куангчи засыпают воронки от бомб, чтобы тракторы могли начать пахоту

Много, очень много прочувствованных слов в обойме американских пропагандистов, распинающихся о своей верности гражданским свободам. Но еще больше пуль в обоймах американских полицейских, расправляющихся с инакомыслящими...

«Права» человека в мире бесправия

«УБИТ ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ»

...ВСЕ, ЧТО сохранилось у меня в память о погибшем, — это его дружеский автограф на листке из моего журналистского блокнота и магнитофонная лента с записью нашей последней беседы минувшей весной. В ту пору мой собеседник уже был объявлен вне закона и знал, что его вскоре арестуют и отдадут под суд. Но он не страшился этого и собирался использовать суд как трибуну для публичного разъяснения своих политических взглядов и продиктованных ими действий. О такой подготовке к суду он, к сожалению, открыто говорил не только со мной. И его убили накануне суда, назначенного на январь нынешнего года. Кто убил, каким образом и почему — об этом мало кому известно, за исключением единомышленников погибшего, а они и попросили меня предать гласности их трагический рассказ.

ИТАК, начну с того, что суд, несмотря на смерть обвиняемого, все же не отменен. Начало этого судебного процесса назначено на 8 января. Он будет проходить в американском городе Сент-Пол в штате Миннесота. Там на скамью подсудимых первоначально предстояло сесть трем людям, теперь их осталось двое. Этим двоим, оставшимся в живых, в случае осуждения по всем предъявленным обвинениям грозит приговор к 180 годам тюремного заключения каждому. Под судом отнюдь не уголовники, а политические деятели, чей процесс здешняя пресса расценила как крупное событие в многолетней борьбе за равные гражданские права для всех американцев.

Именно борцов за гражданские права и судят сейчас в Сент-Поле! Один из обвиняемых знаком читателям «Литературной газеты»: на ее страницах прошлой весной было опубликовано интервью с вождем движения протеста американских индейцев Расселом Минсом. В то время он и двое его соплеменников — Дэннис Бенкс и Педро Биссонет — возглавляли выступление индейцев в поселке Вундед-Ни. А затем они были арестованы и находились под следствием вплоть до нынешнего суда. До него не дожил Биссонет: ему в конце 1973 года вынесла смертный приговор полицейская пуля. И никто за это убийство не ответил, никто не арестован, никто не осужден. Как же допустили столь вопиющее попрание всех общепринятых норм правосудия?!

Бесполезно обращаться с подобным вопросом не только к властям, но и к влиятельным кругам американских буржуазных либералов. Они промолчат точно так же, как равнодушно безмолвствовали во время всей прошлогодней двухмесячной драмы в Вундед-Ни. Им и прежде не было дела до бед и унижений индейцев, отважившихся на то, чтобы бросить вызов белой Америке лишь после долголетних тщетных просьб о помощи и мирных демонстраций в защиту попранных прав. Господа либералы и сегодня брезгливо отворачиваются от обездоленных сограждан, разглагольствуя тем не менее о демократии и нарушении гражданских прав в других странах. У себя дома они затыкают уши, если слышат стрельбу по политическим инакомыслящим.

— Надо арестовать бунтовщиков из Вундед-Ни и вообще прекратить с ними церемониться, — заявил еще весной один из столпов американского «либерализма» сенатор Джордж Макговерн.

А ведь именно от Макговерна индейцы по наивности вначале ожидали заступничества перед конгрессом США. Там Макговерн представляет штат Южная Дакота, на чьей территории находятся индейская резервация и сам поселок Вундед-Ни. Лучшие земли резервации незаконно захватили богатые белые фермеры, и они с полным основанием считают сенатора Макговерна главатаем их интересов в конгрессе и столичных правительственных сферах. В критические дни самообороны Вундед-Ни, когда в кольце полицейской осады индейцы голодали и не имели медикаментов для оказания помощи своим раненым товарищам, Макговерн выступал на сборищах белых фермеров в окрестных селениях Южной Дакоты и в ее самом крупном городе Рэпид-сити, где слушатели дружно аплодировали сенатору и одобряюще кричали:

— Эй, Джордж, ты уйми этих проклятых индейцев, а то мы наймем самолет и сбросим на головы «красножопых» бочки с динамитом!

Расистам вторил и конгрессмен от Южной Дакоты Джеймс Эбднор. Он утверждал, что в отношении индейцев необходимо применять только силу.

И силу применили в полной мере. Полицейские пристрелили двух защитников Вундед-Ни. Трех индейцев линчевали фермеры-расисты. 123 индейца после мирного ухода из деревни были преданы суду. Ради устрашения остальных обитателей резерваций Южной Дакоты полицейские жестоко избили несколько ни в чем не повинных индейцев, а их дома ночью сожгли. Жертвой террора стала даже 9-летняя девочка: ей прямо в лицо выстрелил на улице один из озверевших линчевателей. А в завершение кровавой вакханалии полицейские убили Педро Биссонета. И такая же судьба ждала, очевидно, его соратников — Минса и Бенкса, если бы местный судья Фред Никол не распорядился отконвоировать их под стражей за пределы Южной Дакоты, сопроводив свой приказ таким напутствием: «Я не желаю, чтобы все обвиняемые предстоящего судебного процесса были здесь застрелены».

ОКАЗАВШИСЬ по воле журналистской судьбы в течение недолгого периода очевидцем этих «варфоломеевских ночей» в Южной Дакоте, я сам удачно выбрался оттуда благодаря своевременному предостережению двух американских корреспондентов одной из ведущих нью-йоркских газет: они встретили меня неподалеку от Вундед-Ни и предупредили, что мне следует незамедлительно уехать, а иначе «будет очень плохо». Я попробовал отшутиться, и тогда мои американские коллеги сообщили, что шеф тамошней полицейской службы в их присутствии грозил расправиться с «московским красножопым» и будто бы дал на сей счет определенные инструкции своим подручным.

На следующий день я счел благоразумным в последний раз посетить Вундед-Ни, пробыл там до полуночи, простился с Биссонетом, Минсом и Бенксом, а потом под покровом темноты выбрался из резервации по пустынной дороге. Можно сказать, что мне повезло на этой дороге. В аналогичной ситуации трое других журналистов подверглись позже обстрелу полицейского патруля.

И вот уже в Нью-Йорке, узнав на днях о гибели Педро Биссонета, я получил от его судебного адвоката — известного прогрессивного юриста Марка Лейна — текст подготовленного им к процессу заявления, где объясняется тайная причина убийства Биссонета: «Педро Биссонет, как считают адвокаты обвиняемого по делу Вундед-Ни, представлял наибольшую ценность для защиты, так как он персонально знал во всех деталях, каким образом полиция резервации, ее пособники-террористы и агенты ФБР сообща осуществляли операции против индейцев, требующих социальных реформ».

Врагам Биссонета он был явно опасен. Притом вдвойне опасен не в изолированной от внешнего мира деревеньке Вундед-Ни, а на судебном процессе.

Биссонет знал действительно очень много о полицейском насилии над его соплеменниками. Среди них он жил с малых лет и пользовался в резервации большим авторитетом за его сердечную отзывчивость к страданиям забитых и угнетенных людей. Хотя ему было всего 29 лет, индейцы со всей округи стекались к нему за добрым советом, сочувствием, поддержкой. Он окружил себя десятком таких же непокорных властям людей и создал организацию с целью изменить к лучшему жизнь своего народа. В моем блокноте он расписался так: «Педро Биссонет, председатель организации борьбы индейцев за гражданские права».

— Педро, чем вы займетесь после ухода из Вундед-Ни? — спросил я его в ту последнюю ночь перед моим отъездом.

Слышу записанный на магнитофон негромкий хрипловатый голос человека, безвременно ушедшего из жизни:

— Я буду продолжать отстаивать права моего народа. Руководимая мною группа борцов за гражданские права индейцев намерена ходатайствовать перед судами об освобождении тех наших собратьев, которых арестовали за причастность к выступлениям в Вундед-Ни. А потом мы развернем движение за возврат захваченных у нас земель и постараемся объединенными усилиями всех индейцев нашей резервации наладить здесь сносную жизнь: построим школы для наших детей, откроем магазины, попытаемся даже создать колледж. Мы мечтаем покончить здесь с нищетой, безработицей, неграмотностью, засильем белых фермеров, лавочников, полицейских...

МЕЧТУ Педро оборвали выстрелом из полицейского кольта 38-го калибра, но, не случись этого, все равно, наверное, не хватило бы всей его жизни на то, чтобы добиться при существующих американских порядках равенства индейцев с остальными гражданами в правах и материальном положении. Да и жизнь у индейца короткая: в среднем по статистике — 47 лет (у белых американцев — 71 год).

Согласно той же статистике ежегодный доход индейцев в среднем почти в пять раз ниже доходов белого населения США. Безработица среди индейцев составляет около 50 процентов (в целом по стране — свыше 5 процентов). Смертность у индейцев в два раза выше общенационального уровня. Больных туберкулезом индейцев в 7 раз больше, чем среди других американцев. Половина всех жилищ индейцев лишена электричества, водопровода, канализации. Как признал в прошлом году министр внутренних дел, индейцы прозябают «на самом дне общества». А того, кто хочет помочь подняться с этого дна 800 тысячам американских индейцев, отправляют под суд, в тюрьму или в могилу.

В конце декабря я разговаривал по телефону с находившимся в Южной Дакоте адвокатом Марком Лейном, который прислал сюда для выяснения обстоятельств гибели Биссонета и опроса местных жителей с целью подготовки к судебному процессу вождей-индейцев. Помимо суда в Сент-Поле, возбуждены дела еще против 160 индейцев из Вундед-Ни. Лейн решил их тоже защищать перед судебными властями. Что же касается смерти Биссонета, то Лейн сообщил мне следующее:

— Педро в момент гибели находился временно на свободе, так как его отпустили под денежный залог и позволили жить в доме родственников близ Вундед-Ни. Педро, очевидно, догадался, что его освобождение — это уловка с расчетом расправиться с ним вне стен тюрьмы и замести следы преступления. Поэтому он часто ночевал у соседей и собирал с помощью своих сторонников данные о злоупотреблениях властей в надежде разоблачить своих противников на судебном процессе. Однако они опередили Педро: начальник полиции резервации Дальмер Истмен приказал снова арестовать Педро и поручил это сделать двум полицейским. Один из них, по имени Джон Клиффорд, сказал тогда своей родственнице, а она передала его слова мне, что ему приказали при аресте застрелить Педро. Об этом Педро, видимо, успели тайно предупредить, потому что он опять спешно покинул дом, но убийцы настигли его поздно вечером на безлюдной дороге и убили. Официальная версия полиции гласит: «Убит при попытке к бегству и сопротивлении властям».

— Можно ли это опровергнуть?

— Это я уже сделал, — продолжал Лейн. — В ночь убийства, когда труп Педро доставили в морг, я пришел туда после ухода полицейских. До того я побывал у начальника полиции, который сказал мне, что Педро не захотел отдать себя в руки закона, оборонялся и был убит первым же выстрелом полицейского. Я спросил у него: «Только одним выстрелом?». «Да, — повторил начальник полиции, — одним-единственным выстрелом». Так и записано в акте о смерти Педро, но в морге я воочию убедился, что все обстояло иначе: в груди Педро было семь пулевых ран, две пулевые раны — в руке, темные пятна запекшейся крови — на животе и плечах. Любая добросовестная экспертиза криминалистов легко определила бы, что погибшего перед убийством жестоко избили и прострелили руку, которой он, судя по всему, старался прикрыться от ударов палачей. Затем в него разрядили обойму полицейского кольта. Изрешеченный пулями труп Педро я сфотографировал в присутствии нескольких приглашенных мною в морг свидетелей.

— Сохранили ли вы эту фотографию?

— Конечно, сохранил. Придя к начальнику полиции, я заявил ему в лицо: «Вы — лжец! Совершено убийство». Но он никак не реагировал на это, а акт о смерти Биссонета был оставлен в прежнем виде. Разумеется, никто не был наказан. Власти резервации и ФБР уже закрыли это дело. Педро был похоронен поблизости от Вундед-Ни. Проститься с ним пришли десятки индейцев.

Короткая жизнь и мученическая смерть Биссонета не будут забыты его униженным, но свободолюбивым народом, как не забыто и то памятное для всех индейцев место, где похоронен Педро на склоне пологого холма возле поселка Вундед-Ни. Там же в земле уже восемьдесят три года лежат останки еще трехсот индейцев, расстрелянных солдатами американской армии при захвате этих мест. Педро говорил мне, что хочет после суда над ним и выхода из тюрьмы призвать всех сочувствующих индейцам людей собрать деньги на памятник погибшим здесь его предкам. Может быть, такой памятник воздвигнут в будущем. Может быть, и над могилой Педро появится когда-нибудь каменный обелиск...

И. АНДРОНОВ

НЬЮ-ЙОРК

Италия — страна, славящаяся бесценными памятниками искусства, — всегда привлекала к себе внимание знатоков живописи, скульптуры, архитектуры. Но теперь произведения искусства все больше и больше привлекают к себе внимание «специалистов» другого рода...

Пьетро ДЗУЛЛИНО

КАК УКРАСТЬ КАРТИНУ ДЖОРДЖОНЕ И ЖИТЬ ПОСЛЕ ЭТОГО ПРИПЕВАЮЧИ?

— Быстрее, быстрее, господа! Если вы хотите увидеть Тициана, пока его не украли, надо пошевеливаться!

Из журнала «Ойленшпигель» (ГДР)

К ЧЕМУ красть творение Джорджоне, раз его все равно невозможно продать? После исчезновения полотна «Мадонна со святым Франциском и святым Либерале», похищенного из собора в Кастельфранко Венето, многие задавались этим вопросом. Ведь работ, принадлежащих кисти знаменитого венецианского художника Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, прозванного Джорджоне и умершего в 1510 году, едва ли наберется пять-шесть. Они слишком хорошо известны полиции всех стран, чтобы их можно было сбыть незаметно. Казалось бы, куда проще украсть и переправить за границу картину какого-нибудь более плодовитого мастера, ну, хотя бы Тициана или Караваджо. Еще легче «пускать в оборот» работы менее известных мастеров XVI—XVIII веков, каталоги произведений которых либо не точны, либо вообще не составлялись. Так зачем же похищать именно Джорджоне? Попытаемся разобраться в этом вопросе, но заранее предупреждаем читателя: скандалы и всяческие махинации у нас в стране стали таким частым явлением, что обрисовать обстановку можно лишь в общих чертах.

Вариант первый

Картина Джорджоне была украдена потому, что бездеятельность различных институтов Итальянской республики способствует «исчезновению» произведений искусства и даже позволяет извлекать выгоду из краж шедевров, которые продать практически невозможно. Звучит парадоксально, но тем не менее это именно так. В последнее время нередко практикуется так называемая «кража-шантаж». Ценное полотно известного мастера похищают не для того, чтобы продать его на «черном» рынке, а с целью «сорвать» с владельца зиную сумму в обмен на украденную вещь. В одной только провинции Венето за последние два года была произведена целая серия подобных «операций». То же самое происходит в Риме, Флоренции, Неаполе.

Делается это примерно так: злоумышленники обворовывают, скажем, чью-то квартиру; затем, выждав определенное время, звонят по телефону и предлагают вернуть украденное в обмен на сумму, значительно меньше той, которую должна выплатить пострадавшему страховая компания. И нередко сама компания соглашается внести требуемый выкуп. Так ей даже выгоднее. Вслух об этом не говорят, но за последнее время карабинерам удалось таким способом возвратить владельцам немало произведений искусства. Это позволяет, разумеется, органам охраны порядка в конце года внести в свой актив еще несколько закрытых уголовных дел, однако совершенно очевидно, что подобные меры лишь толкают преступников на новые кражи.

Вариант второй

Предположим, что картина Джорджоне украдена не местными ворами, а эмиссарами крупной организации, «специализирующейся» на вывозе произведений искусства за границу. Тут уж совсем другое дело. В таком случае «Мадонна» Джорджоне становится объектом крупных капиталовложений и грандиозных спекулятивных операций, завершения которых приходится ждать очень долго. «Покупатель» должен быть готов к тому, чтобы хранить драгоценное полотно в тайнике на протяжении двух-трех десятилетий, то есть до тех пор, пока не уменьшится опасность разоблачения.

Так произошло с «Косситской Мадонной» — картиной на дереве, относящейся к XIII веку и похищенной из церкви в городке Коссито. Два года о картине вообще ничего не было слышно. Затем вдруг синьору Родольфо Сивьеро, руководителю итальянской делегации в Международной комиссии по выявлению и возвращению пропавших произведений искусства, сообщили, что одному известному нью-йоркскому антиквару была предложена «Мадонна» XIII века итальянской школы. Сотрудники Сивьеро передали своим агентам в США описание пропавшего шедевра и фотоснимки. Вскоре пришел ответ: это действительно была «Косситская Мадонна». Кто же предложил ее американскому антиквару? Ответ был ошеломляющим: крупный деятель из министерства культуры (ушедший к тому времени на пенсию). Антиквара попросили продолжать переговоры, но контрагент, почуяв неладное, отказался от сделки. Провести «операцию» поручили другому известному антиквару, который прежде сотрудничал с итальянской полицией. Ему удалось установить контакт с владельцем картины, но тот сразу же стал отрицать, что имеет какое-либо отношение к «Косситской Мадонне». С достоверностью удалось установить лишь следующее: из Коссито она была переправлена в Милан, откуда контрабандисты вывезли ее в Цюрих, а из Цюриха — в Лихтенштейн. Здесь был устроен своего рода аукцион, с тем чтобы освободить картину от «хвостов». Ведь человек, купивший вещь на аукционе (даже если это был лишь инсценированный псевдоаукцион), автоматически становится полноправным ее владельцем.

В Лихтенштейне картину приобрел человек, живущий в Бразилии. Антиквару удалось установить с ним связь. Тот заявил, что согласен уступить это произведение за 300 миллионов, но что при себе он его не держит: «Мадонна» находится в Швейцарии. «Если хотите, можете посмотреть ее там». Родольфо Сивьеро организовал целую экспедицию, в которую включил экспертов для установления подлинности шедевра и ведения переговоров от имени «покупателя»; сам же он выступал в роли реставратора. Оказалось, что «Косситская Мадонна» находится на хранении в роскошном особняке некоего скупщика краденого. По договоренности со швейцарской полицией Сивьеро конфисковал картину и доставил ее в Италию. Операция эта прошла успешно в силу благоприятного стечения обстоятельств, но нет никаких оснований надеяться, что подобное может произойти и с «Мадонной» из Кастельфранко.

Вариант третий

Мы рассказали о том, как ведут себя наши доморощенные воры и крупные гангстерские организации, действующие на международном рынке. Но существует «рэкет» на еще более высоком уровне, и он таит в себе самую большую опасность для художественных ценностей Италии, ибо силы, действующие в этой сфере, не только располагают огромными финансовыми средствами, но и пользуются поддержкой со стороны крупных чиновников и представителей политического мира. С полотном Джорджоне из Кастельфранко Венето могло произойти нечто вроде того, что случилось с картиной Караваджо в Неаполе.

Одно именитое неаполитанское семейство продало принадлежавшее ему полотно Караваджо «Отречение св. Петра» некоему торговцу; тот тайно вывез картину из Италии и «уступил» одному из швейцарских банков. Банк в свою очередь перепродал картину какому-то голландскому коммерсанту, который через некоторое время сам явился к Родольфо Сивьеро и сказал ему примерно следующее: «Я приобрел у швейцарского банка полотно Караваджо — вот расписка, в которой указана уплаченная мною сумма. Меня заверили, что сделка носит вполне законный характер. Но вдруг я узнаю, что картина вывезена тайком из Италии в 1963 году. Контрабандная торговля произведениями искусства ненаказуема, если после вывоза прошло пять лет. Следовательно, срок давности уже истек. Но я честный человек и хочу — пусть частично — возместить Италии понесенную ею потерю. Я намерен подарить вашей стране какую-нибудь другую хорошую картину».

Сивьеро поражен, но решает не отказываться от любезного предложения иностранца. Он просит его купить для Италии картину Джанантонио и Франческо Гуарди, находящуюся в Лондоне. Голландец соглашается; более того, он стремится как можно скорее завершить сделку. Затем, получив официальное письмо итальянских властей, в котором они выражают голландскому коммерсанту признательность за дар, частично возместивший утрату Караваджо, он передает Италии полотно Гуарди. И тут происходит нечто поразительное: карабинеры врываются в кабинет Сивьеро и конфискуют полотно Гуарди как... улику преступления.

Что же произошло? Оказывается, группа торговцев произведениями искусства и экспертов установила, что, во-первых, картина Караваджо была вывезена из Италии не в 1963-м, а лишь в 1969 году, и, следовательно, факт контрабанды налицо, ибо установленный срок давности еще не истек. Во-вторых, обмен Караваджо на Гуарди как бы «легализует» пребывание картины Караваджо за рубежом и продажу ее на самом богатом рынке — американском. Кроме того, благодарственное письмо итальянских властей подтвердило подлинность произведения, после чего «щедрый» голландец уже получил ряд весьма заманчивых предложений: за картину, которая обошлась ему в 400 миллионов, уже предлагают на 1 миллиард лир больше. Началось судебное расследование по этому делу.

Существует соглашение, обязывающее все страны выявлять случаи контрабандной продажи произведений искусства и карать виновных по закону, но история с картиной Караваджо свидетельствует о том, что законы очень легко обойти. Даже такое, практически не «поддающееся продаже» произведение, как «Мадонна» из Кастельфранко Венето, в один прекрасный день может оказаться «легализованным» (в какой-нибудь стране, где власти покрывают аферистов) и стать предметом спекуляции.

С 1957 года по настоящее время в нашей стране совершено 25 тысяч краж художественных ценностей. Ни виновников подавляющего большинства из них, ни самих произведений обнаружить не удалось. В конце концов не удивительно, что украсть могли даже полотно Джорджоне. Все сходятся во мнении, что итальянские власти не проявляют необходимой твердости для радикального разрешения этой проблемы. Действительно, твердости нет, зато равнодушия, невежества, коррупции предостаточно.

По итальянского журнала «Эпока»

«Повышение квартирной платы — это грабеж!» — с такими плакатами вышли на улицы жители Франкфурта-на-Майне.

Фото из газеты «Нойес Дойчланд» (ГДР)

Груды мешков с новогодней почтой, скопившейся на английских вокзалах в результате забастовки железнодорожников.

Фото из газеты «Нойе цюрхер цайтунг» (ШВЕЙЦАРИЯ)

Сотни владельцев грузовиков заблокировали своими машинами все магистральные дороги в штате Огайо в знак протеста против повышения в США цен на горючее и ликвидирования скорости, что повело к резкому снижению их заработков.

Фото из газеты «Дейли уоркер» (США)

Администрация «Клуба ДС» приняла решение покончить с хищениями на производстве. С этой целью она учреждает на своей страничке новую рубрику «ОХ «Клуба ДС» — Отдел хищений «Клуба 12 стульев». Есть мнение твердо надеяться, что материалы, подпадающие под эту рубрику, покончат раз и навсегда с некоторыми пережитками прошлого в сознании некоторых товарищей.

Юрий ЧЕДСКИЙ

ЭКСПЕРИМЕНТЫ

ОХ «Клуба ДС»

Был я раньше теоретиком, работал спокойно.

Однако вдруг прорыв в эксперимента перебросили меня на укрепление группы экспериментаторов, поселили у осциллографа ручки крутить. Ну, осциллограф — это такой прибор, как телевизор, только ручек для настройки больше, а на экране вместо Леонтьевой кривые бегают. В первый день сидел, крутил благополучно.

На следующий день пришел, надел белый халат — и к осциллографу. Включил. Хотел ручки крутить — а их нет! Что, думаю, за чудеса? Вчера были, а сегодня — нет! Может, не тот осциллограф? Нет, посмотрел — тот. Стал у всех спрашивать: ручки никто не видел? Нет, говорят, никто. Пришлось выклянчить из пластилина. Отработал день.

Назавтра прихожу, только надеваю белый халат — а у осциллографа трубки нет! Трубку из пластилина не сделаешь, а без нее какая работа? Ни кривых, ни прямых не видно... Думаю, может, выскочила как-нибудь сквозь трещину? От этой электроники всего можно ожидать! Спрашиваю: трубку никто не видел? Нет, не видели.

Пошел к завхозу, объяснил ситуацию. Он без лишних разговоров выдал мне под расписку новую трубку. И ручки. И стекло. К концу дня отремонтировал осциллограф: трубку поставил, ручки прикрутил. Работает, как новенький! Ушел домой.

На следующий день прихожу — и что-то меня настораживает. Даже халат надевать не стал, подбежал к столу — нет осциллографа. Спрашиваю: никто не брал, не убирал? Нет, никто не видел. Пошел к завхозу, докладываю:

— Исчез осциллограф!

Он улыбнулся понимающе и сказал:

— Спишем. Выпишем новый. Только не этот год мы их не заказывали. Закажем на следующий!

Пришел на рабочее место. Хотел халат надеть — нет халата! Это меня задело. Посмотрел — всех халаты висят, моего нет. А без халата работать — костюмов не хватит. Тут как раз народ с обеда возвращаться стал. Спрашиваю: халат никто не брал? Нет, никто. Тогда решил я все-таки до истины докопаться. Ну не могут же материальные предметы бесследно исчезать! Ведь еще, помню, в школе проходили закон, который Ломоносов экспериментально подтвердил (да я и сам не раз с этим законом сталкивался): «Что в одном месте отнимется — то присовокупится к другому».

Отозвал я одного в коридор, поговорили о том, о сем, о хоккее, о Фишере, покурили. И вдруг я совсем не к завхозу и очень интеллигентно (чтобы неожиданно было) спрашиваю:

— Кстати, не ты ли случайно мой халат сегодня взял?

— Нет, халат я не брал, а вот ручки действительно позавчера от осциллографа отвинтил. Ты уж извини...

— А зачем тебе ручки?

— Странный вопрос, какому садоводу не нужны ручки? Одну на калитку прикрутить — так! Две — на ворота. Четвертую — на сарайчик. Другую, прости, на туалет. Много надо ручек. Мне их еще и не хватит!

Хорошо, с ручками выяснил, но халат-то кто взял? Отозвал другого.

— Нет, — говорит, — к халату никакого отношения не имею, а вот трубку действительно вытащил. Понимаешь, смотрю — осциллограф стоит: стекло разбито, ручки из пластилина. Подумал: ну на что он такой годится? И вытащил трубку.

— Зачем?

— И не говори! Жена все уши прожужжала: хочу, чтобы в доме какие-нибудь живые существа были!

— ?!

— И решил я ей рыбок купить!

— ?!!

— Аквариумы продаются сам понимаешь какие — и то редко бывают. А я у одного нашего на дне рождения был — смотрю: неплохой аквариум стоит, но формой что-то мне очень напоминает. Спрашиваю: где достал? «А ты догадайся! — говорит. — Не можешь? А хитрость небольшая: берется электронная трубка, хвост — отрезается, вода — наливается, рыбки — запускаются, очень красиво получается! Дно выпуклое, белое, вода прозрачная, рыбки золотые. Остается кустики подводные достать и песочку...»

Хорошо, с трубкой выяснил, не халат, халат-то где! Осталось еще две человека не опрошенных. Стал с одним откровенничать. Он признался, что халат не брал, правда, говорит, скажу по секрету — осциллограф я унес. Подумаешь — осциллограф! Тут недавно сверлильные станки получали, я один взял — жене шерсть для вязания мотать, — и то ничего. А вчера смотрю — исправный осциллограф стоит. Я думал, он не нужен. У меня сынишка, школьник, поступил в кружок «Умелые руки». А ихний руководитель сказал, что каждый умелец, даже начинающий, должен обзавестись осциллографом. Его при желании и трудолюбивых навыках можно в сварочный аппарат переделать! Пусть пацан трудится, технической овладевает. А ты не переживай — новый выпишут!

Хорошо, с осциллографом выяснил. А халат уже знаю у кого.

— Интересно, — говорю, — зачем ты взял мой халат?

— А ты откуда знаешь? — удивился он.

— А я тебя вычислил! Зачем, зачем он тебе — у тебя же свой есть!

— Понимаешь, я своему автомобилю хочу большую смазку сделать, не знаю законсервировать, так! это халат просто необходим. А у меня чистый, жена летом выстирала. А сегодня смотрю — халат висит. Думал, он лишний. Так что если это твой — я тебе его максимум недельки через две верну. Хорошо? Все равно осциллограф будет у тебя только через год... А еще лучше — попроси, чтобы новый халат выписали...

Так все устроилось, и у меня одна хорошее мысль появилась. Скажу уж вам по секрету. Я у себя доме хочу небольшую мастерскую оборудовать, чтобы по хозяйству кое-что делать. А под верстак ничего подходящего приспособить не могу. А у меня от осциллографа стол письменный новый остался. И все равно, пока осциллограф не получу, он мне не нужен. Хватит стула. А там и стол выпишем. Правильно я рассуждаю?

ПЕРЕСМЕШНИК

Борис КОЗЛОВ

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

При нынешнем бурном и неконтролируемом росте приключенческо-детективной литературы наряду с бесспорными отдельными достижениями и откровенными удачами в кое-каких местных издательствах и на киностудиях образовалась схема создания того или иного произведения данного жанра, под которую легко подгоняется любой головокружительный сюжет. Читая «приключенину» и посещая кинематограф, ясно осознаешь замечательно простую истину: успех, скажем, разведки заключается в том, чтобы устроить нашего разведчика на работу к противнику, лишенному даже искры разума. Тогда успех обеспечен. Книга, разумеется. И художественному фильму. Каковых расплодилось недопустимое множество. Авторы которых своей необузданной фантазией некоторым образом упрощают, а упрощая, невольно принижают героическую работу наших разведчиков. Предлагая читателям «Особое задание» Б. Козлова, администрация «Клуба ДС» рекомендует читающей публике разделить с ней удовольствие от передразнивания, коему тов. Козлов подвергает авторов иных книг и инсталент.

КОЛЯ СЕВЕРЦЕВ, советский разведчик, получивший особое задание, вошел в приемную шефа рейхсканцелярии. Адъютант изумленно поднял брови:

— Колька? Друг! Ты как здесь оказался? — и стиснул Северцева в объятиях.

Друзья уселись на диван и, перебивая друг друга, рассказали о последних новостях там, в центре, и здесь, в логове.

— А я, Миша, — сказал Северцев, допив восьмую чашку эрзац-кофе, — прибыл к тебе по делу. Мне легализоваться надо. Помоги, брат.

Адъютант вздохнул и тоскливо уставился в окно на серые готические крыши.

— Трудная задачка, — произнес он. — Куда же тебя пристрою? Все места уже заполнены, в новых штатов вермахт не дает. Ставили вопрос, писали, но пока безрезультатно. Просто не знаю, что и предпринять... Разве к Олегу Петровичу попробовать? Ты помнишь Олега Петровича? На восьмом этаже сидел у нас? Теперь он в министерстве авиации руководит...

Адъютант снял трубку телефона, вызвал нужный номер и попросил оберштурмбаннфюрера Брюннера.

— Алло, Брюннер? — спросил адъютант в прижатую ладонью трубку. — Это ты, Олег? Это я звоню: привет. Вот какое дело. Олег Петрович. Тут Северцева прислали в командировку, помоги парню устроиться. Найди ему какую-нибудь должностишку у себя, а то уже всюду переполнено... Тоже некуда? Жаль. Поговори с Герингом, он тебе не откажет. Ну, поимей в виду, если что...

Адъютант посмотрел на приунывшего Северцева и стал звонить в генштаб генералу Аксельштоку, которого близкие называли просто Аксеновым. Адъютант долго объяснял ему важность задачи, ссылался на указание центра, но Аксельшток был неумолим и со своей стороны ссылался на переполненные штаты. Адъютант пригрозил генералу строгачом по возвращении и в сердцах бросил трубку.

— Куда мне тебя сунуть? — спросил он Северцева. — Ну скажи, куда? В столице все забито нашими ребятами. Вынуждены освобождать некоторые места для противника, а то просто неловко получается. На прошлой неделе Шмидт (помнишь Кузнецова?) достал секретный план наступления, а вышел скандал. Оказывается, его наши приготовили для дезинформации.

Работать стало очень трудно, Коля.

— Как же быть? — вздохнул Северцев. — Ведь у меня командировка.

— Понимаю. Но посуди сам: я у себя недавно пятерых уволил по сокращению штатов. Куда же мне тебя пристроить? Впрочем!.. — Адъютант радостно хлопнул коллегу по плечу. — Мы вот что с тобой сделаем: подавайся ты, брат, на фронт, а? Там посвободней.

Северцев согласился, и друзья взялись разрабатывать конкретный план действий.

— Тут дело простое, — сказал адъютант. — Завтра наши ребята должны утверждать в ихней ставке план их летнего наступления. Копию повезет на фронт фельдъегерь. Васька Гришин. Помнишь? Так вот он заболел. У него катар верхних дыхательных путей. Будь другом, возьми пакет и свези его в дивизию, где начштаба Фогельман. Это Соловьев, ты его знаешь. Ему и передашь.

На следующее утро Северцев уже летел на восточный фронт с пакетом в портфеле. В центр ушла шифровка с сообщением, что агент номер 01366/5274 приступил к работе. А повеселевший адъютант Миша сел выписывать одному фельдмаршалу командировку в далекий город Винницу, где должна была состояться его встреча с фюрером.

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● МЕТАМОРФОЗЫ РОСТА

Рост С. Согбанова (182 см) уменьшается: в кабинете директора — до 170 см, управляющего трестом — 150 см, начальника главка — до 120 см и т. д.

● ТВОРЧЕСКАЯ АТМОСФЕРА

Зам. директора НИИ Н. Ничеговский: «Товарищи! Выдвигайте новые идеи, вносите ценные предложения. Я доложу Ивану Ивановичу. Как он скажет, так и будет».

● РЕЗКОСТЬ

Прошу извинения за резкость, но в отдельных случаях, кое-где, иной раз, больше того, даже порой у нас еще иногда имеет место кое-что...

● ЮБИЛЕЙ

С 10-тысячным подкидным в течение одной командировки тепло поздравили своего коллегу А. Усть-Пузикова колупаевские толкачи.

● ДЕЛОВИТОСТЬ

Делай не делай, а всех дел не переделаешь.

● САМОКРИТИЧНОСТЬ

Надо всегда прислушиваться к своему мнению и раздавать свою точку зрения.

● КАЖДОМУ СВОЕ

Зачирикал орел по-воробьиному — сошло.

Заклекотал воробей по-орлиному — инфаркт.

ЧУДАКИ

В. КАШАННОВ (ДОНЕЦК)

В. ПОВОЛЯЕВ

В. САФРОНОВ (РИГА)

ФРАЗЫ

Он обычно начинал разговор последними словами.

— В мире должно быть равновесие, — сказал бог и дал Соломону семьсот жен.

Не вмешивайся в свои дела, если поручил их заместителю.

Работа не волк. Зато начальник — зверь.

Приговоры судьбы обжалованию не подлежат.

Виктор КОНЯХИН

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Евгений ШАТЬКО

ПРИШЕЛЕЦ-73

Часть первая

Рано утром дымящийся металлический шар опустился на росистый выгон. Из шара с трудом выкарабкалось существо с голубым неземным лицом... Пришелец остервенело стащил с себя скафандр и швырнул его в люк, внутрь шара. Затем он спрыгнул на траву и, прихрамывая, шибко побежал к деревне, провожаемый удивленными взглядами коров. Через несколько секунд за спиной у него мягко ахнул взрыв...

На рассвете Даша Маклакова проснулась, разбуженная гулким взрывом, от которого тоненько задребезжали пустые ведра в кухне. Скоро кто-то загремел железной щеколдой у ворот. Даша накинула платок и вышла. У калитки топтался полуодетый гражданин с голубым изможденным лицом. Торчащие волосы и брови его были подпалены, глаза лихорадочно горели. Он едва выговорил дрожащими губами:

— Может ли усталый путник рассчитывать на вашу доброту, о прекраснейшая из колхозниц?

Даша ошарашенно смотрела на гостя: хоть и синий, он разительно был похож на ее мужа Ефима Тишкина, который полгода как бросил семью и скрылся в городе областного подчинения, где поступил в военизированную охрану на мыловаренный завод.

— Туманно выражаетесь, товарищ, — сказала Даша.— Откуда вы взялись-то? Да проходи давай, не стой босиком.

Пришелец следом за Дашей пошел к избе, бормоча еще туманнее:

— Я благодарен провидению, которое даровало мне мучительное счастье видеть вас ночами...

— Насчет ночей вы бросьте, — строго сказала Даша, отворяя дверь в избу.

Пришелец, радостно оглядывая кухню, воскликнул:

— Как прекрасно здесь, под вашим кровом!

— Ты как с неба упал, — сказала Даша насмешливо.— Садись уж.

Глоус сел на ведро, поскольку не догадывался о его прямом назначении, и сказал:

— Мне кажется, что я пришел к себе домой.

— Зря такое говоришь, — возразила Даша. — У меня ребенок, и с мужем неразведенные!

Глоус поспешно сказал:

— Я не посягну на ваш семейный очаг, о круглолицая! Но отныне моя жалкая судьба в ваших руках, я сам сжег свое прошлое.

Даша грустно вздохнула:

— Так вы погорелец, что ли?

— Я погорелец, — охотно подтвердил Глоус.

— То-то ты такой закопченный. А семья где?

Глоус развел руками:

— Сгорело все, включая обувь.

— Пожар — хуже вора, ясное дело, — сказала Даша, пригорюнясь. — Куда ж думаешь податься?

Глоус робко улыбнулся:

— Я бы хотел остаться под вашим кровом и работать в зеленом поле. Например, пасти этих прелестных животных с рогами.

Даша деловито сказала:

— В колхоз тебе надо вступать, вот что. Нарежут тебе участок, избу поставишь. Надевай-ка пиджак и обувку, сведу тебя в бригадиру.

Даша сняла с гвоздя старый пятнистый пиджак мужа, из-под печки достала Ефимовы сапоги, которые регулярно чистила, и все это подала гостю. Он вскочил, принял вещи с поклоном и виновато проговорил:

— Столь прекрасный дар рассыплю лишь щедрости вашего сердца.

— Одевайся уж, не лопочи, — сказала Даша и прошла за перегородку, где рядом с ее постелью стояла детская кроватка.

Она сняла платок, расчесала свои медно-красные волосы, надела самую яркую синюю кофту и вдруг обругала себя: «Перед кем выряжаешься, дура!» — и в зеркало погрозила себе кулаком. Она вышла к гостю и всплеснула руками от удивления: в пиджаке и в сапогах это был чистый Тишкин, только малость закопченный. Даша протянула ему расческу и сказала:

— Причешись, Ефим.

Часть вторая

До появления на колхозном выгоне он прожил неимоверно долго на планете Рюм, звездочка по правую сторону Млечного Пути.

На планете давно царила безмятежная голубая жизнь...

Однажды Глоус стал терять интерес к жизни. И он заявил своему племенному начальству:

— Коллеги, я пришел в выводу, что мы превратились в обывателей Вселенной. А между тем есть планета, на которой разумные существа страдают и волнуются, борются и любят. Мы должны немедленно установить контакт с ними. Я готов лететь.

Часть третья

Бригадира Семена Грызлова они разыскали возле фермы. Увидев пришельце, бригадир поскучнел лицом.

— Объявился, значит, Тишкин! — только и сказал он вместе приветствия.

— Объявился, здравствуйте,— ответил пришелец радостно.

Бригадир почесал голову под кожаной фуражкой:

— Дак работать думаешь или сызнова по зеленому змию ударять?

— Работать,— ответил Глоус вдохновенно.— На ферму пойду.

Бригадир вдруг подозрительно поглядел на Тишкина:

— Тебя в сиську окунали, что ли?

— Лечился я,— сказал Глоус смиренно,— от змия.

Бригадир снова присмотрелся к Тишкину.

— Да ты вроде косой был? — спросил он с некоторым сомнением.

— Вылечили, — объяснил Глоус.

— Смотри, Ефим... — неодобрительно заключил бригадир, метнул в рот папиросу и начал щелкать зажигалкой. — Тьфу, забыл заправить.

— Пожалуйста, прикуривайте,— сказал Глоус и поднес бригадиру зеленый огонек на конце большого пальца.

Бригадир особо и не удивился, ни голос его потеплел.

— Руки у тебя, что и говорить, первые в районе,— сказал он, прикуривая от пальца.— Кабы со змием ты не сошелся. Ты давай-ка электропойлки отлаживай, а то бабы голову мне открутят. К Петрову дню сделаешь?

— Сегодня сделаю,— сказал Глоус спокойно.

— Сегодня не к спеху,— ответил бригадир.— Сядь [illegible]. А [illegible] бригадой начальник.

Так начал Тишкин—Глоус трудиться в бригаде. На ферме он не только жил отлично, но и основательно поправил [illegible] электромотором в сепараторе. Работал он и коленчатым валом грузовой машины, и насосом...

Но полностью счастлив он был только около Даши и ее восьмимесячной дочки. Более всего он любил сидеть рядом с Дашей и разматывать на нитки старые шерстяные вещи. Когда Даши не было, он играл с девочкой, превращаясь для нее в различные резиновые игрушки... Даша привыкла к нему и потихоньку стала забывать настоящего Ефима Тишкина. Ефим не писал и только однажды прислал небольшие деньги, всего четыре рубля двенадцать копеек. В бланке перевода Тишкин приписал большими печатными буквами: «Атвереел от вереда...»

Кто-то соседям спросил у Даши, как она живет с Тишкиным и чего тебя квелое.

— Человек-то он хороший, — сказала Даша сердито.

— Зеленели, видно, мужика, — ответила соседке.

Часть четвертая

В оранжевых сумерках после дождика Тишкин—Глоус сидел на завалинке и пиликал на гармошке. Ему было даже грустно от безмерности счастья. Неожиданно скрипучий голос окликнул его:

— Глоус!

Из-за колодезного сруба поднялась синяя голова, затем вторая. Тишкин—Глоус с содроганием узнал их: Лур и Марзук.

— Глоус, мы за вами!

— Идите вы... — сказал Тишкин, продолжая играть на гармонике.

— Глоус, вы Лже-Тишкин, и мы вас разоблачим перед землянами.

Глоус разозлился, отложил гармонику и хотел превратиться в грабли, но они уже схватили его за руки.

— Работать в поле, играть на чужой гармошке, — до чего вы докатились!

— Не нем чужой пиджак и сапоги!

— Пиджак и сапоги я отработал! — гневно воскликнул Глоус. — Катитесь к черту! Завтра я куплю себе новую кепку!

— И ато говорит самый умный житель нашей планеты! Элементарным напряжением мозга вы можете формировать материю, создавать автоматические заводы, синтетические леса, инкубаторы вечной жизни! Зачем вам кепка?

— Несчастные вы, голубые, — сказал Глоус с глубокой жалостью. — В этой кепке я пойду с Дашей в кино!

— Послушайте, Глоус! Мы просим вас вернуться немедленно! После вашего бегства рюмяне потеряли покой, и многие просятся не Землю. Нечелесь тайная постройка самодельных кораблей для полета сюда, именно в ваш колхоз, а вашу бригаду!

— Будем встречать, — сказал Глоус деловито. — Колхозный оркестр подбросим на выгон.

— Вы улетите с нами! — гневно сказали пришельцы и потащили сопланетника за колодец.

Даша открыла калитку, когда двое с синими лицами повалили Тишкина за колодцем и стали запихивать его в серебристый ящик.

— Ну вы, черти, двое на одного! — закричала Даша, поддала одному коленкой, а другого достала вилами вдоль узкой спины.

Хватенный вилами заорал:

— Марзук, снотворное!

Марзук выхватил трехстволный пистолет и, пятясь, выпалил Даше в лицо пенистой струей. Даша отерла пену со щек и швырнула ее в глаза Марзуку, отчего он заперхал, как овца, и стал осадать не пятки. Над местом стычки разрастался ядовитое облачко. Тишкин упал и заснул, Марзук тоже. Но его приятель успел надеть маску и поволок своего спутника к огороду. Он пролез сам и стал тащить Марзука сквозь березовые жердины. Даша подбежала, вытащила заснувшего из ограды и взвалила его на плечи Луре. Потом она хлопнула президента ВМЦ по узкой спине и приказала:

— Беги и не оглядывайся!

Лур, спотыкаясь под тяжестью бездарного Марзука, вразвалку потрусил по дороге к стогу, где был запрятан их корабль...

...Даша подняла Глоуса на руки и, шагая сквозь ядовитый туман, отнесла в дом...

Лур в изнеможении опустил тело Марзука на стерню возле стога. Марзук зашевелился, замычал. Лур взял соломину и пощекотал ему ею ухом. Марзук чихнул, сел и проговорил, кривя зеленый рот:

— Энергия этой женщины может двигать две ускорителя.

— Не две, а четыре! — поправил его Лур, сдергивая противогазовую маску. — Тиша, кто-то идет по дороге.

Они припали к стерне. Черный человеческий силуэт двигался к ним по дороге на фоне лилово-пепельного закатного неба. Это шел Тишкин, подлинный Ефим Тишкин, который решил известить свою семью. Он брел со стеклом и сжимал в одной руке газетный кулек с липкими конфетами-подушечками для дочери, а в другой — бусы для жены за три рубля шестьдесят две копейки. И при этом подлинный Тишкин пел песню «Цыганские кибитки».

— Это Глоус! — придушенно воскликнул Лур. — Ни у кого в мире нет такого тембра и такого слуха!

Две стремительные синие тени метнулись к Тишкину и сбили его с ног. Борьба была тяжелой. Тишкин разъяренно защищал кулек с конфетами, когда представители сверхцивилизации волокли его к стогу, внутри которого был запрятан корабль. Наконец они втащили Тишкина в люк, забросали соломой и загерметизировались. Тишкин под сеном продолжал петь «Цыганские кибитки». Размазывая по лицу конфетное повидло, Лур включил все ускорители.

...Даша положила Глоуса на постель. Он не просыпался, лишь бормотал во сне:

— Не трожь гармошку, Марзук ты несчастный! Фиг вам!

Даше стало грустно, и она вышла за калитку. Ей показалось, что в поле на дороге ее пропащий муж Ефим Тишкин поет «Цыганские кибитки». Слезы выступили у нее на глазах, она быстро пошла по дороге, услышала какие-то глухие крики и стоны, возню и побежала туда со всех ног. И тогда зеленым ослепительным огнем разрезало стог посреди поля, сверкающий шар подпрыгнул и умчался в ночное небо...

(Продолжение следует)

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП Москва Ц. Цветной бульвар 30 Телефон для справок: 295 00 00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30

Зак. 5

А—01002

ИНДЕКС 50067